

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

**2014
№ 3–4 (32–33)**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

◆ Экономика
◆ Политика
◆ Право

Журнал основан в 1999 году

Учредитель журнала – Дальневосточный федеральный университет
Министерства образования и науки Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**В. И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Ч.Р. Айриш, П.Я. Бакланов, В.Г. Белкин, Е.П. Жариков,
С.Д. Князев, А.И. Коробеев, В.С. Кузнецов, Ли Се Ун,
Пак Ноенг, В.Ф. Печерица, Н.Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю**

**2014
№ 3–4 (32–33)**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

Адрес редакции:

690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Дальневосточный федеральный университет

Тел.: +7 (423) 226-76-41. Факс: +7 (423) 243-23-15

Владивосток ◆ Дальневосточный федеральный университет, 2014

PACIFIC RIM

◆ Economics
◆ Politics
◆ Law

The Journal was established in 1999

The founder: Far Eastern Federal University
The Ministry of Education and Science of the Russian Federation

EDITOR-IN-CHIEF

**V.I. Kurilov, Professor, Doctor of Law,
Honorary University Educationalist of the Russian Federation**

EDITORIAL BOARD

**C.R. Irish, P.Y. Baklanov, V.G. Belkin, E.P. Zharikov,
S.D. Knyazev, A.I. Korobeev, V.S. Kuznetsov, S.U. Lee,
N. Park, V.F. Pecheritsa, N.G. Prisekina,
D. Sneider, K.C. Fu and D. Huang**

**2014
№ 3–4 (32–33)**

**Research
and Socio-political Journal**

Address:
Far Eastern Federal University
8, Sukhanova St., Vladivostok, 690950, RUSSIA
Tel.: +7 (423) 226-76-41. Fax: +7 (423) 243-23-15

Vladivostok ◆ Far Eastern Federal University, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям журнала	6
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	
<i>Курилов В.И., Фалалеев А.Г., Курилова-Рич Лана В.</i> О реформе российского юридического образования: использование опыта Республики Корея, США и Юридической школы Дальневосточного федерального университета РФ	9
<i>Губин А.В.</i> Кризис американской военно-морской стратегии в Восточной Азии	33
<i>Федоров А.В.</i> Антикоррупционная деятельность в формате АТЭС	43
ЭКОНОМИКА РЕГИОНА	
<i>Арапова Е.А.</i> Восточная Азия: диверсификация источников экономического роста	62
<i>Кравченко А.А., Сергеева О.О.</i> Политика Китая в области обеспечения продовольственной безопасности: модернизация аграрной сферы	75
<i>Жариков Е.П.</i> Интеграция производства – путь к эффективности рыбохозяйственного комплекса России	87
УГОЛОВНОЕ ПРАВО	
<i>Коробеев А.И., Мальцев А.А.</i> Особенности института наказания в уголовном праве Республики Сингапур	97
<i>Басова Т.Б.</i> Законодательный опыт отдельных стран Азиатско-Тихоокеанского региона в противодействии взяточничеству, выступающему угрозой безопасности обществу (на примере УК Республики Корея и УК Японии)	109
<i>Коротких Н.Н., Лун Чанхай.</i> Некоторые аспекты уголовной ответственности за рецидив преступлений террористической направленности по законодательству России и Китая	118
<i>Надточий Ю.В.</i> Особенности уголовной ответственности за посягательства на окружающую природную среду по законодательству России и Китая	127
<i>Морозов Н.А.</i> Практика борьбы с киберпреступностью в Японии в начале XXI в.	135
ПРАВОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРЕСТУПНОСТЬ	
<i>Литвинова С.Ф.</i> Способы формирования правовых традиций (на примере института применения иностранного права КНР)	148
<i>Евсеев Е.Д.</i> Некоторые особенности реализации права законодательной инициативы в Российской Федерации и государствах Азиатско-Тихоокеанского региона	158
Сведения о членах редколлегии	166

CONTENTS

To the Readers	6
REGIONAL PROBLEMS	
<i>Vladimir I. Kurilov, Alexey G. Falaleev, Kurilova-Rich Lana V.</i> On the Reform of Russian Legal Education: Using the Experience of the Republic of Korea, the United States and the Law School of the Far Eastern Federal University of Russia	9
<i>Andrey V. Gubin.</i> The Crisis of American Naval Strategy in East Asia	33
<i>Aleksandr V. Fedorov.</i> Anti-corruption in the APEC Format	43
REGIONAL ECONOMY	
<i>Ekaterina Y. Arapova.</i> East Asia: Diversification of Economic Growth Sources	62
<i>Alla A. Kravchenko, Olesya O. Sergeeva.</i> Chinese Policy in the Area of Food Security: Modernization of Agriculture	75
<i>Evgenie P. Zharikov.</i> Integration of Production – the Path to Efficiency of the Fisheries in Russia	87
CRIMINAL LAW	
<i>Alexandr I. Korobeev, Alexander A. Maltsev.</i> Punishment in Criminal Law of Singapore	97
<i>Tatyana B. Basova.</i> Legislative Experience of Asia-Pacific Countries in Counter Bribery, as a Public Safety Threat (Case Study of Criminal Codes of the Republic of Korea and Japan)	109
<i>Natalia N. Korotkikh, Long Changhai.</i> Some Aspects of Criminal Responsibility for Criminal Recidivism of Terrorism According to the Legislation of Russia and China	118
<i>Julia V. Nadtochiy.</i> Peculiarities of Criminal Liability for Violation of Environmental Legislation of Russia and China	127
<i>Nikolay A. Morozov.</i> The Practices of Fighting Against Cybercrime in Japan in the Beginning of the XXI Century	135
LEGAL TRENDS AND CRIME	
<i>Svetlana F. Litvinova.</i> Means of Forming Legal Traditions (Case Study of the Institution of Foreign Law Application in the PRC)	148
<i>Ekaterina D. Evseenko.</i> Some Features of Realizing the Right of Legislative Initiative in the Russian Federation and Asia-Pacific Countries	158
Editorial Board's Data	166

К читателям журнала

Либерализация экономики Российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Безусловно, интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чреваты замедлением интеграционных процессов. Поэтому появление журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуально в целях действия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствии с целью журнала, издаваемого Дальневосточным федеральным университетом, его рубрики предполагают освещение следующих материалов:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности РФ, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные и законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- сравнительно-правовое исследование особенностей законодательства России и стран АТР в сфере противодействия новым угрозам и вызовам в условиях глобализации;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты – демографические, экологические и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов, научных институтов, специалистов, знающих на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 15 стр. машинописного текста, включая список литературы (не более 10 источников);
- Ф.И.О. (полностью), ученую степень и ученое звание, должность, место работы – на русском и английском языках, e-mail для связи с читателями;
- название статьи, УДК, аннотацию (250–300 слов), ключевые слова (не менее 20), список литературы на русском яз. и References на англ. яз.;

Поля: верхнее – 20 мм; нижнее – 20 мм; левое – 20 мм; правое – 20 мм. К рукописи прилагать электронный вариант, шрифт Times New Roman, № 14. Ссылки внутритекстовые помещать в квадратных скобках, например, «Согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]». Список литературы и References – в конце статьи.

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учеными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690950, Владивосток, ул. Суханова, 8, зам. гл. редактора.

Информация о журнале в Интернете: apr-magazine.dvfu.ru

Тел.: +7 (423) 226-76-41. Факс: +7 (423) 243-23-15. E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

To the Readers

The Liberalization of the economy of the Russian Far East (RFE) has created the environment for development of foreign economic ties with the countries in the region of Asia-Pacific (APR). Of course, that integration into the economies of the Pacific countries objectively depends on a complex blend of political, economic, military, strategic and socio-psychological conditions. Insufficient attention to these conditions and their insufficient study has led to a slowdown in integration processes. Therefore, the emergence of "The Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law" Journal is very important in order to promote the development of fundamental and applied research in the field of regional cooperation of the RFE with Asia Pacific countries. Likewise, it is paramount in covering the issue of APR's participation in the development of the integration processes and solving problems of preparation of highly qualified specialists in the field of international relations.

In line with the purpose section of the journal, published by the far Eastern Federal University, the journal includes the coverage of the following topics:

- Articles on economics, foreign economic activity, politics, law and international cooperation between the Asia-Pacific countries, the Russian Far East and Primorye;
- Archival materials and comments on the history of cooperation between Russia and Asian-Pacific countries, the political relations;
- Materials of sociological research on the most important economic, public-awareness, legal and policy;
- Legislative and reference materials on the regulation of national economics and cross-country cooperation in the Asia-Pacific;
- Comparative-legal study of the legislation of Russia and Asia-Pacific countries in countering new threats and challenges in the context of globalization;
- Reviews of the activities of regional organizations;

- Messages and the official information materials of regional meetings, conferences, diplomatic meetings.

In addition to these problems, the journal covers other regional aspects, such as demographic, environmental, etc.

Given the importance of issues discussed in the journal, the editorial Board invites the cooperation and contribution of specialists from different spheres of activity relevant to the topics of the journal, including: employees of the FEFU and other universities, researchers from variety of research institutions, specialists in the problems of the Far East and its regional affairs.

For participation in publication, it is necessary to send:

- Materials according to the specified category, with a volume of no more than 15 pages of text, including references (no more than 10 sources);

- Full NAME (complete), professional position, academic degree and academic status in both Russian and English languages;

- the manuscript's title, UDC, a brief abstract (250–300 words, keywords (at least 20), a list of Literatours – in Russian languages and References in English languages;

- Access to e-mail for communication means with readers.

Margins: top – 20 mm, bottom – 20 mm, left – 20 mm, right – 20 mm. The manuscript makes an electronic variant, font – Times New Roman, № 14.

- Links placed in square brackets, for example, “According to [5], or the cited reference [5, p. 18]”. List of Literatours and References should be placed at the end of the article.

We hope that the journal “The Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law” will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 8, Sukhanova St., Vladivostok, 690950, RUSSIA, Deputy Chief Editor.

Use the following internet link to access the journal’s website: aprmagazine.dvfu.ru

Tel.: +7 (423) 226-76-41. Fax: +7 (423) 243-23-15. E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

REGIONAL PROBLEMS

Курилов Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, директор Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.
E-mail: law@dvfu.ru

Фалалеев Алексей Георгиевич, кандидат физико-математических наук, директор Центра новых технологий интернационализации университетов Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.
E-mail: falaleev.ag@dvfu.ru

Курилова-Рич Лана Владимировна, М.В.А., доктор права, магистр налогового права, адвокат, г. Беллвью, штат Вашингтон, США.

О РЕФОРМЕ РОССИЙСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЫТА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ, США И ЮРИДИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА РФ

Статья посвящена исследованию проблем современного юридического образования в России и возможностей его реформирования. Приводится сравнительный анализ российской, корейской и американской моделей юридического образования и систем поступления в юридические школы.

Подробно рассмотрены общие проблемы реформы российского юридического образования. В частности, в качестве одной из главных проблем авторы выделяют падение качества юридического образования. Многие из российских вузов не обеспечены преподавательскими кадрами соответствующего уровня, системой контроля качества, современными библиотечными и другими материально-техническими ресурсами. Кроме того, отмечается недостаточное финансирование программ юридического образования со стороны государства.

В качестве примера успешных изменений авторы приводят реформу системы юридического образования Республики Корея, которая изменила не только структуру юридических школ и ступени юридического образования по американскому образцу, но и внедрила компетенции и ценности, лежащие в основе работы американских юридических школ. В реформе были учтены не только достоинства, но и недостатки американского юридического образования, широко обсуждавшиеся к тому времени в США.

В статье описывается «американская» модель юридического образования и концепции J.D. как в наибольшей степени устоявшаяся на мировом рынке труда в этой профессии. Помимо этого в статье изложен опыт орга-

низации экзамена LSAT (Law School Admission Test) и система поступления в юридические школы США.

Возможные направления реформы юридического образования в России проанализированы на примере одной из ведущих и старейших юридических школ России Юридической школы Дальневосточного федерального университета (ДВФУ).

Ключевые слова: юридическое образование, реформа юридического образования, образовательные методы, поступление в юридические школы, программа J.D. (Juris Doctor), процентильная система оценки, bar exam.

Vladimir I. Kurilov, S.J.D., LL.D., professor, Honored Professor of the Higher Education of the Russian Federation, Director, School of Law, Vladivostok, Russia. E-mail: law@dvfu.ru

Alexey G. Falaleev, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, director of the Center for New Technologies for internationalization of universities at Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: falaleev.ag@dvfu.ru

Kurilova-Rich Lana V., MBA, J.D., LL.M in Taxation Law, Bellview, Washington, USA.

ON THE REFORM OF RUSSIAN LEGAL EDUCATION: USING THE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF KOREA, THE UNITED STATES AND LAW SCHOOL OF THE FAR EASTERN FEDERAL UNIVERSITY OF RUSSIA

The article examines the problems of the modern legal education in Russia and possibilities for its reforms. It provides a comparative analysis of Russian, Korean, and American models of legal education.

The authors identify degradation of the quality of legal education as one of the main problems in Russian legal education. Many of Russian universities are not provided with adequate teaching staff, quality control system, modern library and other material resources. Moreover, there is inadequate funding of legal education from the state.

The article reviews the reform of legal education system of the Republic of Korea as an example of successful changes. It has modified the structure of law schools, raised the level of legal education based on the American model, introduced the competencies and values forming the basis of American law schools. The reform took into account not only benefits, but also drawbacks of American legal education which are widely discussed in the United States.

The "American" model of legal education and the concept of JD as the most well-established in the global legal market are also discussed in the article. Addi-

tionally, this article describes the system of LSAT (Law School Admission Test) and the process of admission to law schools in the United States.

Possible directions for reform of legal education in Russia are analyzed on an example of Far Eastern Federal University School of Law, one of the leading and oldest law schools in Russia.

Key Words: legal education, legal education reform, education methods, admission to law school, J.D. program (Juris Doctor), percentile evaluation system, bar exam.

Введение

Юридическое образование традиционно является одним из самых консервативных. Часть формируемых им профессиональных компетенций, например, в области риторики, юридического письма и латинского языка восходят к античной эпохе. Тем больший интерес вызывают реформы, способные улучшить качество юридического образования в современную эпоху. Они проходят самый жёсткий фильтр согласований и необходимых изменений нормативно-правового обеспечения на самых различных уровнях, вплоть до высших законодательных и исполнительных органов.

Многие из этих реформ, прежде всего опирающиеся на сложные информационные технологии, встречают естественное сопротивление академической среды. Это сопротивление зачастую оправданно. Например, юридическое образование лучших российских вузов в наименьшей степени пострадало от «бума» низкокачественных дистанционных технологий в 1990-е годы, в то время как «передовые» вузы, предлагавшие высшее юридическое образование на компакт-дисках, нанесли огромный ущерб всей правовой системе страны выпуском безграмотных и беспомощных «специалистов».

В то же время, простая и эффективная работа на современных интегрированных платформах электронного обучения (LMS) и в режиме видеоконференций стала обычной практикой новейшего времени в ведущих юридических школах многих стран без какого-либо сопротивления академической среды. Эти технологии облегчают взаимодействие преподавателя со студентами в очной форме обучения и становятся необходимыми для качественного заочного обучения, позволяя эффективно организовать обучение студентов-заочников «между сессиями», в течение всего семестра. Без электронных систем антиплагиата, интегрированных в LMS, эффективный контроль самостоятельной работы студентов в нынешнюю эпоху просто невозможен.

Какие же реформы, на наш взгляд, наиболее востребованы системой российского юридического образования?

Общие проблемы реформы российского юридического образования

Одна из главных проблем – падение качества юридического образования: за последние два десятилетия в результате увеличения количества вузов, готовящих юридические кадры, от 52 на все 15 республик бывшего СССР до 1200 в одной только Российской Федерации. Многие из этих вузов не обеспечены компетентными преподавательскими кадрами, системой контроля качества, современными библиотечными и другими материально-техническими ресурсами.

Большинство образовательных программ этого профиля были открыты вузами в коммерческих целях, многие – в тяжелых финансовых условиях 1990-х годов, при крайней недостаточности ресурсов, отсутствии бюджетных мест и ориентации исключительно на «платных» студентов, в том числе на широкие круги малообеспеченного населения, что определило «демпинговые» цены большинства предлагаемых вузами образовательных программ.

С одной стороны, увеличение количества лиц с юридическим образованием – объективная потребность формирования правового государства и рынка труда. С другой стороны, большое количество неподготовленных юристов – это угроза для государства и общества, дискредитация юридического диплома в глазах работодателей.

Эта проблема уже многие годы вызывает серьёзную озабоченность высшего руководства страны. Она нашла отражение в Указе Президента Российской Федерации от 26 мая 2009 г. № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации».

В соответствии с этим Указом, Правительству Российской Федерации было поручено оказать содействие Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» в разработке и внедрении в практику механизма общественной аккредитации государственных и негосударственных образовательных учреждений ВПО, осуществляющих подготовку юридических кадров, обеспечить разработку и общественное обсуждение федеральных государственных стандартов ВПО по направлению подготовки (специальности) «юриспруденция».

В данных стандартах предусмотрено увеличение объема практической части образовательной программы. Это вполне согласуется с отзывами выпускников, имевших возможность сравнить российские и зарубежные образовательные юридические программы за время непосредственного обучения на них и последующего трудоустройства. Эти отзывы практически единодушны – в российских образовательных программах по юриспруденции слишком большое место занимает изучение теоретического материала, оторванного от реальных потребностей последующей профессиональной деятельности. При обучении в американских юридических школах, как и в вузах многих других развитых стран, приоритет отдаётся формированию компетенций и навыков, наиболее востребованных в юридических профес-

сиях. Оценка знаний студента опирается на выполненные им работы, максимально приближенные к практике.

Эта современная парадигма высшего профессионального образования, общая для широкого круга направлений подготовки, была учтена при разработке Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), процедур лицензирования образовательной деятельности и государственной аккредитации, в том числе в области юридического образования с участием Ассоциации юристов России.

Однако за прошедшие пять лет со дня выхода президентского Указа № 599 реальное его влияние на качество подготовки российских юридических кадров оказалось минимальным – подавляющее большинство вузов, готовящих специалистов этого профиля, не только не прошли общественную аккредитацию, но и не пытались её пройти, как заведомо не соответствующие минимальным требованиям.

Например, аккредитацию Ассоциации юристов России к апрелю 2013 г. прошли, согласно перечню на сайте этой ассоциации, только 104 вуза. Это количество оказалось значительно меньшим, чем ранее предполагавшееся (до 200). Более 1000 вузов от попытки аккредитации воздержались.

Широкую известность получило заявление Главы Счетной палаты РФ, председателя Ассоциации юристов России Сергея Степашина. На заседании комиссии АЮР по общественной оценке качества высшего юридического образования в РФ 27 ноября 2012 г. он заявил, что в 2013 г. количество юридических вузов будет сокращено в разы, а сама аккредитация завершится в 2013 г. [1; 2]*.

Другой важной инициативой в области реформы российского юридического образования стало создание 12 октября 2007 года Ассоциации юридического образования (АЮРО) как рабочего органа Учебно-методического объединения по юридическому образованию вузов России (УМО). Ассоциацией была организована общественная аккредитация, которую прошли всего 53 вуза, ведущих обучение по юридическим программам ВПО. Основная масса российских «юридических» вузов эту аттестацию также проигнорировала. Думаем, основная причина этого – в сведениях, которые вузы должны представить в рамках этой аттестации. В них содержатся ответы именно на те вопросы, которые отличают качественное юридическое образование от некачественного – обеспеченность учебного процесса кадрами, финансовыми, информационными, материально-техническими ресурсами, мнение студентов, выпускников, работодателей и мн. др.

Концепции и критерии обеих аккредитаций, АЮР и АЮРО, во многом сходны, как и список первых нескольких десятков вузов, прошедших эти

* Уточним, что в число 1200 вузов, готовящих юристов, согласно данным С.В. Степашина, очевидно входят и незаконно действующие вузы, либо филиалы, поскольку общее количество официально зарегистрированных вузов РФ, по данным Росстата на 2013 г., составляет 1046.

аккредитации. МГУ, СПбГУ, все ведущие университеты в этой области, включая ДВФУ, прошли обе эти общественные аккредитации в числе первых 20-ти. Это означает, что в профессиональном юридическом сообществе в высокой степени имеется консенсус, «что такое хорошо и что такое плохо» в российском юридическом образовании – в частности, в каких именно вузах качественное юридическое образование сосредоточено.

Проблема в том, что этот консенсус пока никак не отразился на деятельности более чем 1000 остальных вузов, не прошедших ни одну из этих аккредитаций и продолжающих «успешно» готовить будущих юристов.

Очевидно, что решение этой проблемы приведёт к ликвидации одной из самых обширных ниш коммерческого высшего образования. Это затрагивает интересы многих студентов, выпускников и самих вузов. Социально-экономические последствия закрытия юридических образовательных программ у основной массы российских вузов вызывают не меньшую озабоченность, чем высокая вероятность отсрочки этой реформы или многократного уменьшения её масштабов из-за активного лоббирования тех, на чьих финансовых интересах она скажется.

Реформа системы юридического образования Республики Корея

В связи с российской реформой юридического образования заслуживает внимательного изучения опыт наших соседей по Азиатско-Тихоокеанскому региону. Перенос лучших особенностей образовательной модели какой-либо страны на другую национальную почву выглядит задачей очень сложной: в США, например, эта модель формировалась в течение многих десятилетий для совершенно иной правовой системы и менталитета.

Между тем, в недавней истории имеются примеры такого переноса, эффективной реформы системы юридического образования на основе заимствованной модели в масштабах всей страны. Один из самых интересных примеров – Республика Корея, где радикальное сокращение количества аккредитованных юридических школ и «американизация» юридического образования произошли в результате недавней реформы.

Решение о проведении этой реформы было принято южнокорейским правительством в 2007 г. после дебатов, занявших несколько десятилетий. Система корейского юридического образования, сформировавшаяся в период японской оккупации, была признана безнадежно устаревшей, реформы предыдущих лет, приведшие к появлению большого количества юридических школ без реального обеспечения этими школами качества, – ошибочными. Реформа была начата принятием в июле 2007 г. «Закона о юридической магистратуре» (Graduate Law School Act, GLSA). Этот закон делал совершенно ясным, что планируется не только изменение структуры юридических школ и ступеней юридического образования по американскому образцу, но и внедрение компетенций и ценностей, лежащих в основе работы американских юридических школ. В реформе были учтены не

только достоинства, но и недостатки американского юридического образования, широко обсуждавшиеся тогда в США.

К тому времени юридическое образование Республики Корея опиралось на программы бакалавриата в многочисленных юридических школах, иронически называемых «срам школами» (Cram – букв. «впихивать»). Термин «срам» можно по отношению к этим школам толковать двояко – 1) активная политика по привлечению абитуриентов, коммерческая направленность самих школ и 2) вместо фундаментальной университетской подготовки – «натаскивание» студентов на успешную сдачу национального экзамена на право заниматься профессиональной юридической деятельностью (bar exam).

Количество выдаваемых лицензий на право заниматься этой деятельностью было ограничено законом – не более 1000 в год. В результате менее чем 5% выпускников юридических школ удавалось сдать этот экзамен. Согласно корейской традиции, данный экзамен можно сдавать неограниченное количество раз, в результате чего многие посвятили сдаче этого экзамена годы, совершенствуясь в cram schools методики успешного тестирования вместо реальной подготовки к профессии.

При детальном анализе распределения по вузам выпускников, успешно сдавших экзамен, выявилась еще более драматичная картина: 90% выпускников, успешно сдавших bar exam, окончили cram schools, в то время как из лучших классических юридических школ высокие шансы на прохождение экзамена имели только выпускники Сеульского национального университета. Шансы выпускников других юридических школ, дающих качественное фундаментальное юридическое образование, оказывались очень низкими, они не выдерживали конкуренции с cram schools по самому главному для выпускников параметру – шансам допуска к юридической профессии.

В результате в правительстве возобладал негативный взгляд на такую систему юридического образования. Она привлекала значительные финансовые средства абитуриентов и их родителей за счёт неоправданных ожиданий на возврат этих средств после начала профессиональной юридической деятельности и создавала для юридических школ слишком большой соблазн готовить студентов к экзамену, а не к профессии.

Оппоненты упрекали Сеульский национальный университет, наиболее влиятельный при обсуждении вопросов реформы на правительственном уровне, и юридическую систему страны в целом в создании «виртуальной олигархической монополии», искусственно высокой планки, поддерживающей общее количество юристов в стране на уровне 10 000, а ежегодно выдаваемых лицензий – на уровне 1000. Это привело к ситуации, когда отношение количества юристов к общему числу жителей составляет в Республике Корея примерно 1:5000, в то время как в США – 1:300. В результате юридические услуги недоступны большинству жителей из-за их высокой стоимости, а сама профессия юриста является одной из самых высокооплачиваемых в Республике Корея.

Другая проблема, которую была призвана решить реформа, связана с растущей интернационализацией корейской экономики и высшего образования, отставанием качества, методик и контента юридического образования от современных потребностей страны, её правовой системы и работодателей. Правительством было признано, что Корея – одна из самых глобализованных стран мира и должна сохранять эту позицию и в будущем, что на мировом рынке труда в области юридических услуг и в юридическом образовании происходит стандартизация на основе модели, условно называемой «американской». При реализации этой модели были учтены особенности корейской правовой и экономической системы; буквального копирования внешней модели не произошло, поэтому название «американская» модель для корейской реформы является еще более условным.

Реформа корейского юридического образования была организована в двух основных направлениях: 1) сокращение количества вузов, дающих юридическое образование, 2) переход от юридического бакалавриата к магистратуре, обязательной для допуска к профессиональной юридической деятельности. Уточним, что термин «магистратура» используется в данном контексте условно – как наиболее близкий к реалиям современной российской системы образования, только как наиболее близкий к аналогичному российскому термину – в действительности же в Корее был осуществлен переход к 3-летней программе J.D. (Juris Doctor), для зачисления на которую необходимо первое высшее образование как минимум на уровне бакалавриата. На концепции и методиках этой программы мы остановимся позже.

Из всех корейских юридических школ на основе общенационального конкурса были выбраны 25 для создания J.D., включая 15 столичных и 10 школ за пределами Сеула, чтобы обеспечить доступность качественного юридического образования в регионах. Общая квота ежегодного набора была установлена на уровне 2000 чел., с индивидуальными квотами каждой юридической школы в пределах 40–150 чел.

Корейскую реформу юридического образования зачастую называют реформой 2009 г., потому что именно с этого года было начато обучение по новым 3-летним программам J.D. В феврале 2012 г. состоялся первый выпуск этих программ. Проблемы начались уже вскоре после него – выяснилось, что старый bar exam, бывший до реформы главной планкой качества для юридических школ, после внедрения современных методик преподавания и содержания учебных материалов J.D. оказался недостаточно совместимым со знаниями и навыками, полученными выпускниками новых программ. В настоящее время идёт реформа bar exam, направленная на его полное соответствие компетенциям, получаемым в рамках программ J.D.

Об «американской» модели юридического образования и концепции J.D.

На основе глубокого изучения мирового опыта, в том числе мнений успешных выпускников, – насколько полученные ими в вузе знания помог-

ли при трудоустройстве и практической деятельности, Республикой Корея была выбрана целостная модель высшего юридического образования и системы контроля его качества – условно эту модель часто называют американской, поскольку она восходит к 1763 г., когда в штате Делавар состоялся первый bar exam, и к концу XIX века, когда Гарвардский университет впервые предложил концепцию 3-летней программы J.D. (Juris Doctor), основанной на сочетании кейсового и сократического методов (изучении юридических прецедентов методом Сократа).

«Американская» модель юридического образования может с тем же основанием быть названа «западной», поскольку её лучшие черты были использованы вузами многих стран Европы задолго до того, как эта модель стала общепризнанной в США. Например, Гарвард, впервые выдвинувший концепцию J.D. (Кристофер Лэнгдел), окончательно перешёл к этой системе только в 1969 г., когда она уже использовалась сотнями вузов за пределами США. Эту модель можно назвать и мировой, поскольку она взята на вооружение образовательными системами Японии, Китая, Республики Корея, Сингапура и многих других стран АТР.

Безусловно, идеальных образовательных моделей не существует, как и идеальных правовых систем. Но в мировом юридическом образовании возобладала парадигма программ J.D. и bar exams как основной формы независимого от юридических школ способа оценки знаний их выпускников. Эта парадигма внедряется в разных странах с учётом национальной специфики, но главные её черты сохраняются. Рассмотрим их на примере системы юридического образования США, где эта парадигма была создана и получила наибольшее развитие.

Уникально само положение программ J.D. в традиционной системе высшего образования, где магистратура следует за бакалавриатом. В американской системе юридического образования магистратура существует, и для поступления на неё степень J.D. необходима. Таким образом, эта программа J.D. находится между бакалавриатом и магистратурой, оставаясь при этом вполне самостоятельной ступенью юридического высшего образования. Для подавляющего большинства американских юристов именно она является главной и достаточной; следующая ступень, LL.M., интересна только немногим, совершенствующимся в узких областях права.

В российском понимании J.D. – это, безусловно, программа уровня магистратуры и почти аспирантуры, поскольку для поступления на неё, как и в российскую магистратуру, необходимо базовое высшее образование на уровне бакалавриата, и сама программа требует трех лет изучения вместо двух в российской магистратуре. Программа J.D. оказалась конкурентоспособной не благодаря, а вопреки её формальному признаку как «недомагистратуры». Это программа полноценной подготовки к профессиональной деятельности, вплотную связанная с практикой, причём преподаваемая успешными практиками, то есть именно то, чем теоретически должны быть все программы «высшего профессионального образования» в российской

терминологии. Именно программа J.D. в наибольшей степени устояла на мировом рынке труда в этой профессии. Тем больший интерес вызывает концепция этой программы.

Сочетание кейсового и сократического методов, используемое и во многих других профессиях, оказалось особенно востребованным в юридической сфере, поскольку одной из важнейших профессиональных задач юристов является достижение консенсуса, умение отстоять свою позицию с учётом других; такой подход получил наиболее широко применение в рамках систем суда присяжных и американского прецедентного права.

Уточним, однако, что, по отзывам практикующих американских юристов, метод Сократа является основой, скорее, учебного процесса по программам J.D., чем последующей профессиональной деятельности. Студенты выступают на занятиях, представляя свои самостоятельные работы, и должны защищать свои выводы в устных дебатах с преподавателем и другими студентами; это заставляет их по крайней мере лучше готовиться к занятиям, чтобы не выглядеть профанами в глазах своих сокурсников и самого преподавателя. Эта методика безусловно совершенствует умение критически мыслить и формирует навыки аргументированной публичной речи, но в профессиональной деятельности ведение дебатов методом Сократа занимает весьма скромное место. Современные методы убеждения присяжных и клиентов значительно более сложны, а оппоненты-юристы и судьи руководствуются, в первую очередь, объективными данными рассматриваемого дела и существующими прецедентами, нежели искусством ведения диалога того или иного юриста.

Отличительной особенностью данной образовательной модели подготовки юристов является ориентация на формирование навыков критического анализа. Эта модель нацелена на отбор интеллектуалов.

Характерным примером в данном случае может служить процентильная система (иначе называемая «*curved grading*») при оценке знаний студентов, когда преподаватель имеет право поставить не более 5 или 10 отличных оценок на группу из 100 студентов, какими бы выдающимися ни были их знания. Работодатель при выборе кандидатов на вакансию учитывает и бренд самой юридической школы, и процентиль выпускника. Утраченное ныне в российском образовании значение оценки «отлично» вполне соответствует этому подходу: если «отлично», значит студент отличается от других, сколь угодно хорошо подготовленных.

Американский студент юридической школы приходит на лекцию не за тем, чтобы услышать какие-либо истины от преподавателя – он их обязан знать до начала лекции. Собственно, лекций в российском понимании в юридических школах США нет вообще. Студент – активный участник образовательного процесса, а не пассивный слушатель. Знакомый каждому российскому преподавателю термин «горловая нагрузка» непереводим на современный международный язык юридической профессии.

Всё, что преподаватель хотел бы сказать своим студентам устно, он сказал в самом начале семестра в письменном виде, в своём силлабусе и

ссылках на учебники. Приходя на занятия, он ожидает, что студенты всё это уже прочли, и главное – уже попытались применить полученные знания в своей самостоятельной работе, например, при разработке assignments, которые зачастую требуют построить линию защиты или обвинения по конкретному делу. Задания самостоятельной работы составлены так, чтобы процесс их выполнения требовал в 2-3 раза больше времени высокоинтеллектуальной работы студента, чем посещение им аудитории.

На занятие студент приходит, чтобы обсудить с преподавателем и сокурсниками прочитанный материал и свои самостоятельные работы, понять, какие правила или законы нужно извлечь для себя из прочитанного кейса. Студенты активно задают вопросы, поскольку далеко не просто, особенно в первый год обучения, разобраться, как работать с кейсами. Преподаватель учит анализировать прочитанное, делать выводы, уметь понять, как из кейса извлечь то или иное правило, то есть связать практику с теорией. Но преподаватель не будет тратить свое время на то, чтобы рассказать аудитории, что же конкретно происходило в данном кейсе и о чем студенты должны были прочитать на сегодня. Поэтому студент, который не прочел заданный материал, чаще всего просто не сможет включиться в обсуждение и понять, о чем вообще идет речь. Он чувствует себя крайне дискомфортно и перед преподавателем, и перед сокурсниками.

Большинство преподавателей нетерпимо относятся к тем студентам, которые являются на лекцию без подготовки. А студенты, прочитавшие и изучившие заданный материал, с интересом обсуждают прочитанное, защищают свою точку зрения, спорят, и таким образом совершенствуют навыки, необходимые для этой профессии, учатся делать выводы из каждого кейса. И вот этот навык студент пронесет через всю карьеру юриста. Система «curved grading» заставляет студентов соревноваться между собой. Они тоже высказывают критические замечания во время защиты самостоятельной работы, и поэтому неуспевающий студент ощущает «прессинг» не только от преподавателя, но и от своих сокурсников.

Кейсовый подход, опора на практический опыт – важнейшая черта американского юридического образования. Типичная российская академическая карьера, когда успевающий выпускник становится преподавателем без какого-либо перерыва на практическую деятельность, в юридической школе США немыслима. Опыт юридической деятельности ценится в вузах значительно выше, чем ученая степень. Большинство преподавателей юридических школ имеют за спиной только J.D., некоторые узкие специалисты в особо сложных отраслях права имеют также степень LL.M. в той или иной отрасли права. Но главное для преподавателя – это нести в аудиторию свой личный практический опыт работы. Преподаватель – либо успешный практикующий юрист, либо специалист, недавно оставивший этот вид деятельности. Его присутствие в классе – это передача студентам реального жизненного опыта работы, а также, возможно, для кого-то и надежда на трудоустройство, и на авторитетную рекомендацию при поиске работы.

Можно отметить в этой связи, что российские аккредитационные требования, ограничивающие долю совместителей, и скудное федеральное финансирование «бюджетных» мест делают привлечение успешных практиков-юристов к преподавательской деятельности практически невозможным, за исключением разве что самых престижных вузов.

Как показывает мировой опыт, изменение этой ситуации вполне возможно и не так затратно, как это представляется на первый взгляд: например, преподаватели юридических школ США имеют хорошие заработки, однако практическая деятельность, как правило, приносит им значительно большие доходы. Конкурентными преимуществами вуза в условиях меньшей оплаты является то, что работа преподавателя считается престижной, менее стрессовой, с нормированными рабочими днями. Эти аспекты становятся особенно привлекательными в конце юридической карьеры, когда состоявшиеся профессионалы начинают видеть свою самореализацию не в упрочении своего материального благополучия, к этому времени уже достигнутого, а в передаче своего опыта и выявлении талантливых студентов, подготовке своей смены в тех фирмах, в которых они работают или работали. Многие практики готовы работать на полставки или ведут всего один предмет в семестр, но такой, в котором их реальные достижения и опыт наиболее интересны.

Типичный пример, характеризующий специфику J.D. программ, – организация «mock trials», в рамках которых студенты имитируют заседание суда, выполняя роли защитника, обвинителя, истца, обвиняемого, свидетелей, присяжных и судей. Каждый такой кейс тщательно готовится по заданию преподавателя, который, как правило, имеет свой личный опыт работы с судами. Студенты заранее готовят линии защиты и обвинения, опираясь на обширный анализ законодательства. Результат их работы – победа или поражение в судебном процессе – максимально приближен к их будущей профессиональной деятельности.

Особенность bar exams во многих странах – проверка способности соискателя выдать качественный «конечный продукт» его профессиональной деятельности: исковое заявление, юридическое заключение, ходатайство и т.п. Подготовка студентов по программам J.D. направлена прежде всего на формирование навыков этой деятельности и критическую оценку результатов работы студента. Система bar exams в большинстве штатов США имеет свои особенности, разработку «готовых» юридических документов не предусматривает в принципе. Например, в штате Вашингтон это – проверка теоретических знаний по целому ряду дисциплин, занимающая два полных дня, после чего на третий день сдается обязательный дополнительный экзамен по профессиональной этике. На этих экзаменах от соискателя написание юридических документов не требуется – проверяется прежде всего основа знаний и умение критически мыслить по широкому кругу дисциплин. Соискателю лицензии на право заниматься профессиональной юридической деятельностью даются ситуации, максимально приближенные к ней, но эти «задачи» написаны так, что решать их не нужно. Не ну-

жен ответ, что решит суд. Соискатель обязан выявить все главные и возможные проблемы, связанные с этим делом, и систематизировать их – то есть профессионально поставить задачу для её дальнейшей разработки.

Другая методическая особенность J.D. программ – вопросы с готовыми вариантами ответов, «multiple choice», составляют существенную, но не единственную, а зачастую и далеко не главную часть экзаменационной работы. В экзаменах многих юридических школ США вопросы с готовыми вариантами ответов отсутствуют вообще. Как правило, студенты пишут объёмные эссе на темы, к которым невозможно заранее подготовиться «вызубриванием» каких-то глав учебника или статей законодательства – ответы на эти вопросы требуют прочных навыков юридического письма и критического мышления. Это же относится и к самостоятельной работе в течение семестра – студенты пишут эссе, демонстрируя свои способности к критическому анализу по узкой, поставленной преподавателем проблеме, например, конкретному иску.

Пользование внешними информационными ресурсами во время экзамена, как правило, запрещено. Это выглядит разительным отличием от реальной профессиональной деятельности, где в распоряжении юристов имеются мощные средства поиска информации, а также технический персонал, «para-legals», обеспечивающий этот поиск. Но сами вопросы экзамена учитывают эту информационную и кадровую среду. Они составлены так, что для ответа на них не требуется знание наизусть юридических статей, точных их названий, дат и номеров. Вместо этого требуются фундаментальные знания и аналитические навыки, позволяющие экзаменуемому «без подсказки» определить, в каком направлении следует организовать поиск детальной информации, дать задания техническому персоналу, что сразу ответить потенциальному клиенту, обращающемуся с какой-либо проблемой, быстро оценить перспективы судебного процесса или мирового соглашения по любому конкретному случаю, внятно аргументировать свою позицию.

«Списать» на экзаменах или представить чужой реферат вместо самостоятельной работы не просто невозможно – это считается высшим нарушением профессиональной этики, которая прививается студенту-юристу с первого дня учебы, и затем возвращается на протяжении всей юридической карьеры. За неэтичное поведение студента могут исключить из школы, а юриста – лишить профессиональной лицензии. Учитывая стоимость и длительность юридического образования, высокие доходы в этой профессии, перспектива отчисления или лишения лицензии представляется жизненным крахом, неприемлемым риском.

Еще одна важная особенность данной образовательной модели – практическая работа студентов в системе юридических клиник, позволяющих начать профессиональную деятельность с помощью преподавателей ещё до завершения учебной программы. Но об этой системе мы расскажем далее, на примере ДВФУ, где она была внедрена одной из первых в стране.

Сократический метод в сочетании с кейсовым вполне может быть применён и для защиты тезисов данной статьи.

Считаете ли Вы, что «американская» модель юридического образования применима в России?

Вполне вероятный ответ – «Нет».

Считаете ли Вы, что справедливый суд, опирающийся на закон, нужен в России, а без него успешное развитие страны и демократического общества невозможно?

Наиболее вероятный ответ – «Да».

Согласны ли Вы, что вузы должны готовить юридические кадры для правового общества, даже если оно ещё только создаётся?

Согласны ли Вы, что Ваши собственные интересы в суде должен защищать адвокат, который не подведёт Вас из-за недостаточного знания законов, неумения убедить судей и присяжных?

Согласны ли Вы, что практические навыки адвоката и его умение критически мыслить более важны, чем его теоретические знания по широкому кругу вопросов?

Согласны ли Вы, что образовательную программу юридической школы следует строить так, чтобы она готовила выпускников к успешной практической деятельности?

Согласны ли Вы, что концепция и реальная успешная практика программ J.D. более близка к решению к этой задаче, чем нынешняя российская система «юридического образования» силами 1200 вузов?

И так далее.

Об экзамене LSAT (Law School Admission Test) и системе поступления в юридические школы США

Как измерить способность критически мыслить? Экзамен LSAT, результаты которого учитываются при поступлении в правовые школы США и других стран, направлен прежде всего на оценку именно этой способности. От результатов этого теста зависит, в школы какого уровня сможет поступить абитуриент. Только 203 школы права США аккредитованы American Bar Association (ABA), из них 200 – полностью и 3 – условно. За пределами этой аккредитации – рынок «мельниц дипломов» и дистанционного обучения.

Наиболее известный рейтинг U.S. News включает только школы, аккредитованные ABA. Высший эшелон (tier) этого рейтинга – так называемая группа T14, включающая 14 наиболее известных юридических школ, которые год от года меняют свое относительное положение в этом рейтинге, но неизменно остаются в самой этой группе. В общей сложности обычно выделяются 4 tiers юридических школ США. Одно из характерных отличий, их разделяющих, помимо стоимости обучения, – минимальный балл LSAT, требуемый при поступлении.

Сложившаяся российская практика, когда на платное обучение в юридические вузы принимаются не слишком интеллектуальные студенты, с посредственным баллом ЕГЭ, в США немыслима. Радикально отличаются и

концепции экзаменов ЕГЭ и LSAT. Во-первых, LSAT сдают не выпускники средних школ, а люди, за плечами которых – высшее образование на уровне бакалавриата. Во-вторых, LSAT измеряет не качество «вызубривания», а интеллектуальный уровень абитуриента. Выпускники лучших юридических школ США имеют разные судьбы и степень успешности профессиональной карьеры, но всех их отличает блестящий уровень интеллекта, высокая планка которого задаётся уже при поступлении в эти школы. Брендом той или иной юридической школы являются прежде всего её выпускники, и посредственностей, «купивших» диплом, среди них нет в принципе.

Основной контент экзамена LSAT – объёмные тексты, близкие по уровню и стилю к тем, с которыми абитуриенту придётся столкнуться при обучении в юридической школе. Экзамен оценивает способность логически мыслить, разобраться в сложном споре или наборе предлагаемых фактов, определить основную мысль и структуру аргументации, способность находить логические ошибки. Один из разделов экзамена содержит логические дедуктивные головоломки. LSAT основан на multiple choice, выборе ответов из нескольких вариантов, однако одна из самых важных его частей – эссе, которое не оценивается в баллах экзамена, но отсылается в юридическую школу. Таким образом, шансы абитуриента на поступление зависят не только от полученных баллов, но и от мнения комиссии самой юридической школы о качестве письменной работы абитуриента.

Мнение приёмной комиссии формируется не только результатами экзамена LSAT и транскриптами дипломов бакалавриата, хотя GPA (Grade Point Average, средний балл за всё время обучения на предыдущей программе высшего образования) очень сильно влияет на то, может ли данный кандидат быть принят в данную юридическую школу.

Набор требований и рассматриваемых документов формируется самой юридической школой – в этом самое существенное различие с российской системой зачисления по баллу ЕГЭ после средней школы. Комиссия может принимать во внимание не только GPA, но и перечень изученных дисциплин бакалавриата, изученные курсы магистратуры при их наличии, уровень вуза, в котором получено высшее образование на уровне бакалавриата, достижения абитуриента за пределами учебной деятельности, например, в науке или профессиональной деятельности, личные обстоятельства абитуриента – «кто он и откуда»: к какой расе принадлежит, к какому полу и национальности. Это особенно важно для США, поскольку не так давно подавляющее большинство студентов-юристов были белые мужчины. Учитываются ранее преодоленные абитуриентом трудности и проблемы, лидерские навыки и достижения, рекомендательные письма, письменные работы в формате, установленном самой юридической школой. Если у человека есть какие-то недостатки в академическом транскрипте, но этот кандидат в чем-то уникален (иностранец, или принадлежит к расовому меньшинству, или человек много путешествовал, много повидал, говорит на других языках), то такому человеку может быть отдано предпочтение, по-

сколькo любая школа стремится подобрать диверсифицированный состав студентов, чтобы они сами были друг другу интересны.

Поэтому система приёма в юридические школы США, несмотря на наличие стандартизованного экзамена, не имеет ничего общего с российской практикой зачисления по ЕГЭ на бесплатное обучение и с посредственным баллом ЕГЭ – на платное. Сравнение эффективности этих двух систем оказывается далеко не в нашу пользу.

Опыт Юридической школы ДВФУ

Внедрение модели J.D. и bar exams требует реформы на уровне федерального законодательства и решений правительства РФ. Но большое количество возможных направлений реформы юридического образования на основе лучшего мирового опыта открыты на уровне отдельных вузов и их юридических школ. Мы расскажем о некоторых из них на примере одной из ведущих и старейших юридических школ России – Юридической школы Дальневосточного федерального университета.

Традиции юридического образования Дальнего Востока России восходят к 1899 г., когда во Владивостоке был основан Восточный институт (ныне ДВФУ), первое высшее учебное заведение к востоку от Байкала. В сентябре 1919 г. при Восточном институте был создан первый на Дальнем Востоке юридический факультет. 17 апреля 1920 г. Восточный институт был реорганизован в Государственный Дальневосточный университет, включающий юридическое отделение. Традиции дальневосточного юридического образования были прерваны в период сталинских репрессий, приведших к закрытию всего университета. Вскоре после его восстановления, в сентябре 1958 г., Минвуз СССР принял решение о возвращении юриспруденции в стены университета и об открытии в нём специальности «правоведение».

В настоящее время Юридическая школа ДВФУ является из крупнейших центров юридического образования и науки в Российской Федерации. Образовательная программа «Юриспруденция» Дальневосточного федерального университета в 2011 г. вошла в число лучших образовательных программ инновационной России.

Юридическая школа ДВФУ является единственным высшим учебным заведением на Дальнем Востоке, которое ведёт образовательную программу по всем уровням юридического образования – бакалавр, специалист, магистр, кандидат наук, доктор наук.

Последний, более чем тридцатилетний период истории юридического образования в ДВГУ/ДВФУ был переломным. Юридический факультет, преобразованный в 1995 г. в Юридический институт, а в 2011 – в Юридическую школу ДВФУ, последовательно возглавляли Н.И. Овчинников (1975–1982 гг.); В.И. Курилов (1982–1990 гг., с 1995 г. – по настоящее время), четырежды избранный на должность ректора ДВГУ и работавший в этой должности с 1990 по 2011 гг.; С.Д. Князев (1990–1995 гг.), ставший с

1995 г. председателем Избирательной комиссии Приморского края, с 2008 г. – судьёй Конституционного суда РФ. Этот период характеризовался переходом от советской системы подготовки юристов к организации учебного процесса, аккумулирующей лучший отечественный (дореволюционный, советский) и зарубежный опыт юридического образования. В 1976 г. ведущие ученые юридического факультета ДВГУ разработали и опубликовали модель специалиста-юриста, которая была рекомендована Минвузом РСФСР для изучения и практической апробации.

В развитие этой модели деканат юридического факультета в начале 80-х годов разработал индивидуальный учебный план, который по целому ряду позиций отличался от типового и был сориентирован на углубленную, фундаментальную, общетеоретическую подготовку юристов, сопряженную с развитием практических навыков работы по избранной специальности.

Студентам предоставлялись на выбор большое количество факультативных курсов – черта высшего образования мирового класса, до сих пор в большинстве российских вузов отсутствующая. Формированию у студентов глубоких знаний и профессиональной правовой культуры способствовали развернутая система практик (общей продолжительностью 22 недели), включая ознакомительную (учебную), производственную и преддипломную; широкий диапазон специализаций (государственно-правовая, экономико-правовая, судебно-прокурорская, следственно-криминалистическая, международно-правовая), предлагающих студентам на выбор более 50 оригинальных авторских спецкурсов и спецсеминаров.

Студенты писали в процессе обучения 8 курсовых работ по всем базовым учебным дисциплинам юридического профиля – по две в год вместо одной. По каждой из этих дисциплин они выбирали узкие темы для углубленного изучения на уровне качественного научного анализа.

Подготовка дипломных работ велась по прямым заявкам государственных органов и юридических служб предприятий. Успевающим студентам предоставлялось право готовить дипломные работы с 4-го курса, наиболее успевающим – с 3-го. Некоторые из этих работ были сопоставимы по масштабу и уровню с кандидатскими диссертациями.

Темы многих курсовых работ также предлагались правовыми органами и включали зачастую рассмотрение студентами большого количества реальных судебных дел. Обобщения и выводы лучших студентов по этим делам, как правило, рекомендовались правовыми органами к изучению своими сотрудниками.

С 1982 г. были заключены договора с Прокуратурой Приморского края, судебными органами, УВД. В те же годы был сформирован Научно-методический совет, включавший ведущих юристов-практиков. Этот совет обсуждал вопросы взаимодействия теоретической подготовки студентов с их будущей профессиональной деятельностью, принимал решения, обеспечивающие активное вовлечение правовых органов Приморского края в

подготовку студентов. Создавались группы целевой подготовки студентов для работы с Прокуратурой и судами.

Даже по меркам сегодняшнего дня такая организация учебного процесса находилась на мировом уровне по обеспечению его связи с практикой и качеству самостоятельной работы студентов.

С 1990-х гг. эта реформа была в значительной степени свёрнута из-за проблем, общих для всего российского юридического образования. Мы коснёмся этих проблем и возможных путей их решения в разделе 8.

Важнейшим направлением деятельности Школы в настоящее время является интернационализация образования. Основными зарубежными партнерами Школы являются: Школа права и Восточно-Азиатский Юридический образовательный центр Университета Висконсин (г. Мадисон, штат Висконсин, США), Школа Томаса Джеферсона (г. Сан-Диего, США), Кеннамский университет (Республика Корея), Токайский университет (Япония), Университет Васеда (Япония), Университет Нагоя (Япония), Хэйлундзянский университет (КНР), Университет Чиньхуа г. Пекин (КНР), Университет Шучоу (Тайбэй), Национальный технологический институт (Тайбэй), Азиатская Академия международного права (Сямэнь, КНР), Шанхайский транспортный университет (КНР), Пекинский университет политики и права (КНР) и др.

Юридическая школа ДВФУ одной из первых в стране внедрила в учебный процесс клиническое юридическое образование, позволившее связать воедино традиционные формы и методы учебной работы с формированием у студентов практических умений и навыков, необходимых для их будущей профессиональной деятельности. Юридическая клиника «Эфора» создана в 2000 г. на основании Приказа Минобразования РФ № 433 от 30 сентября 1999 г. «О правовых консультациях («правовых клиниках») для населения на базе вузов, осуществляющих подготовку юридических кадров». Клиника является структурным подразделением Юридической школы ДВФУ.

В юридической клинике ДВФУ прошли обучение и получили соответствующий диплом 172 студента, более 40 обучается в настоящее время. Студенты осуществляют личный прием граждан по правовым вопросам, консультирование, анализ нормативно-правовых актов, подготовку (составление) юридических документов, представительство граждан и организаций в судах, иных органах публичной власти. Развитие клинического юридического образования имеет не только сугубо учебные цели. Благодаря ему у тех граждан, кто не в состоянии обратиться за помощью к профессиональным адвокатам, имеется реальная возможность получить бесплатный доступ к правовой информации и юридическим услугам на базе университета.

Юридическая помощь гражданам оказывается студентами в форме консультаций, составления исковых заявлений, кассационных жалоб и иных документов, представления интересов клиентов в государственных органах, органах местного самоуправления в соответствии с законодательством Российской Федерации. Практическая работа сотрудников клиники

проводится под руководством и контролем со стороны преподавателей Юридической школы.

О прямой социальной востребованности юридической клиники свидетельствует то, что за период ее работы за правовой помощью обратилось более 4,5 тыс. жителей Приморского края.

Работодатели в период прохождения общественной аккредитации специальности «Юриспруденция» единодушно отмечали более высокий уровень подготовки студентов, прошедших обучение в юридической клинике, по сравнению с остальными студентами.

Развитие клиники, более широкое вовлечение в её деятельность студентов Юридической школы ДВФУ приближает модель юридического образования ДВФУ к международному формату J.D.

Дальнейшие планы развития Юридической школы ДВФУ

Основное направление развития Юридической школы ДВФУ на ближайшие годы – её дальнейшая интернационализация, реформа образовательного процесса на основе компетентностного подхода, лежащего в основе Федерального государственного стандарта и модели J.D. как на уровне бакалавриата, так и магистратуры. В рамках этой реформы предусматривается развитие отношений с зарубежными партнерами из числа ведущих юридических школ АТР, открытие новых совместных образовательных программ, расширение международной академической мобильности, проведение исследований в области компаративного права для выработки рекомендаций по реформе российского законодательства и реформе российского юридического образования.

В реформе учебного процесса Юридической школы ДВФУ предусматривается широкое использование активных и интерактивных форм проведения занятий для формирования и развития профессиональных знаний у студентов. Сокращается удельный вес занятий лекционного типа, увеличивается удельный вес практических (семинарских) занятий. Практические занятия проводятся по всем дисциплинам (модулям) базовой части, а также по дисциплинам (модулям) вариативной части. В учебный план вводится юридическое письмо (legal writing), ресурсы LMS используются как для очной, так и для заочной формы обучения, внедряется система антиплагиата, сами вопросы самостоятельных работ формулируются так, чтобы исключить возможность использования готовых рефератов.

Предложения по реформе российского юридического образования

Многое из «американской» модели юридического образования и концепции J.D. нашло отражение в Федеральном государственном стандарте для направления магистратуры «юриспруденция». Реформа юридического образования, проводимая ДВФУ, не выходит за рамки ФГОС и собственных образовательных стандартов ДВФУ, но наполняет их новым содержа-

нием, основанным на изучении мировой практики и международных тенденций развития юридического образования.

В этом же направлении развиваются и другие ведущие юридические школы страны. В то же время, единственной задачей «коммерческих» юридических образовательных программ многих вузов остаётся получение максимально высокой прибыли, зачастую в ущерб качеству образования. Подобная «массовизация» юридического образования, зачастую оборачивающаяся его профанацией, на наш взгляд, абсолютно недопустима.

Следуя опыту южнокорейской реформы юридического образования, считаем целесообразным утверждение на уровне Правительства Российской Федерации: 1) перечня юридических факультетов и школ, имеющих право на ведение магистерских программ с допуском к профессиональной юридической деятельности после их окончания; 2) квот ежегодного набора абитуриентов на магистерские программы по каждому из вузов, указанных в данном перечне; 3) запрета на допуск к профессиональной юридической деятельности для лиц, принимаемых на работу государственными органами, или представляющих интересы сторон в судебных органах в качестве адвокатов по уголовным делам, но не имеющих магистерской степени одного из указанных в данном перечне вузов.

Это позволило бы создать высокий конкурс среди абитуриентов магистерских программ лучших юридических вузов и отбирать из абитуриентов только самых способных, в том числе и среди «платных».

При составлении квот ежегодного набора имеет смысл в максимальной степени использовать данные общественных аккредитаций соответствующих факультетов и школ, обеспечить сохранение сети лучших региональных вузов, при определении общей квоты по стране – оценить реальную потребность рынка труда в выпускниках.

Подчеркнём, что даже эта высокая планка обязательной магистерской степени является более низкой по сравнению с США и многими другими странами, в которых степень J.D. является обязательной для юриста: 6 лет обучения по программам бакалавриата + магистратуры в российской системе вместо 7 лет (бакалавриат + J.D.) в американской.

Считаем целесообразным и введение единого экзамена на допуск к профессиональной юридической деятельности – bar exam. Напомним, что преобладающая мировая тенденция реформы юридического образования – к bar exam допускаются только лица, имеющие степень J.D., на выборные и назначаемые должности в суде и прокуратуре – только лица, bar exam сдавшие.

Реализация нашего предложения позволит радикально ограничить количество вузов, выпускающих профессиональных юристов, и в то же время оставить нишу для более широкого круга вузов, ведущих предварительное обучение будущих юристов на уровне бакалавриата. Юристы-бакалавры, выпускаемые этими вузами, могут составить профессиональную прослойку paralegals – технической поддержки (наведение справок по законодательству, подготовка базовых версий юридических документов по заданиям про-

фессиональных юристов, функции на уровне юрисконсульты, помощников адвокатов и судей, секретарей-референтов). Часть выпускников-бакалавров этих вузов будут поступать на магистерские программы лучших юридических школ – в этой связи целесообразно введение российского аналога экзамена LSAT. За выпускниками юридического бакалавриата останется и значительная ниша профессиональной деятельности по представительству сторон в гражданских делах.

Предлагаемое ограничение допуска к профессиональной юридической деятельности может стать первым шагом более системной реформы, для обоснования которой нам придётся остановиться на финансовых аспектах функционирования советской, современной российской и американской образовательных систем в области юриспруденции.

Рассмотренная в разделе 6 образовательная модель, которая успешно действовала в ДВГУ с начала 1980-х годов, обеспечивала тесную связь учебного процесса с практикой, опиралась на некоммерческую систему отношений с правовыми органами в условиях высокой самостоятельности факультета при формировании учебного плана и требований к студентам. Другим был менталитет юристов-практиков и преподавателей – вопросы материального вознаграждения были для них второстепенными, если требовалась сверхурочная работа для обеспечения качества профессиональной подготовки студентов.

Мотивация самих студентов тоже была другой – все они были зачислены по высокому конкурсу на бесплатную для них престижную программу, недоступную ни в одном другом вузе Дальнего Востока России. Если в рамках этой образовательной программы требовалась самостоятельная работа «на пределе трудности», с удвоенным количеством курсовых работ и интенсивной практикой, студенты воспринимали это как нечто неизбежное и важное для их будущей профессии.

Эта модель оказалась финансово несостоятельной после перехода к рыночной экономике, когда появился рынок платного юридического образования в условиях крайне низкой платежеспособности основной массы населения. Привлечение успешных юристов-практиков к учебному процессу стало финансово возможным только для самых элитных программ, доступных ничтожной доле населения и только на платной основе. Основная же масса абитуриентов оказалась перед выбором между «демпинговыми» вузами, предлагавшими «лёгкое» обучение по доступной цене, и юридическими факультетами «старой школы», пытающимися поддержать хотя бы минимальную планку качества и соответствующую стоимость обучения, но привлечь при этом хотя бы часть платных абитуриентов.

Создалась парадоксальная ситуация: чтобы обеспечить качество бесплатного обучения при совершенно недостаточном федеральном финансировании «бюджетных мест», необходимо привлекать большое количество «платных» студентов, чтобы за счёт их средств поддержать зарплаты преподавателей и затраты на полноценное ресурсное обеспечение. Получается,

что «бесплатных» студентов поддерживает не столько само государство, сколько студенты «платные». Инвесторами платного обучения, как правило, являются родители студентов, которые зачастую испытывают серьёзные материальные трудности и берут кредиты, чтобы дать своим детям качественное образование. Если спросить этих инвесторов, нравится ли им попутно и принудительно оплачивать обучение других студентов, тем более принятых на обучение за государственный счёт, их ответ вряд ли будет положительным. Здесь, возможно, имеет место юридическая коллизия, связанная с ущемлением прав этих инвесторов, с разным уровнем оплаты со стороны государства и других заказчиков образовательной услуги за обучение в одних и тех же классах.

Этот тезис можно проиллюстрировать «Нормативными затратами на реализацию основных профессиональных образовательных программ высшего профессионального образования (программы бакалавриата, подготовки специалиста, магистратуры) по специальностям (направлениям подготовки) на единицу государственной услуги на приём 2012/2013 гг.».

Согласно этому документу, федеральное финансирование 1 бюджетного места по направлению бакалавриата «юриспруденция» составило 60,2 тыс. руб., то есть около \$1940, магистратуры – примерно на том же уровне, 70,6 тыс. руб. В то же время «платные» студенты, получающие тот же объём образовательных услуг в тех же классах, составляют в ДВФУ, например, 75% от общего количества студентов и платят за обучение 135 тыс. руб. в год, то есть в 2,24 раза больше, чем платит государство за студентов-«бюджетников».

Но и этих средств недостаточно для широкого привлечения к преподаванию успешных юристов-практиков. Для сравнения: в группе T14 ведущих американских юридических школ, согласно рейтингу U.S. News, стоимость обучения составляет в среднем \$52052 в год (данные 2013 года), то есть примерно в 27 раз выше нынешнего российского федерального финансирования. Подчеркнём, что финансирование и софинансирование обучения талантливых и малоимущих студентов со стороны многочисленных благотворительных фондов и государственных программ США идёт по расценкам платного обучения, устанавливаемым самими вузами, то есть на уровне около \$ 50 000 в год.

В то же время, даже на юрфаке МГУ стоимость платного обучения составляет в настоящее время всего \$ 9 350 в год, для топ-100 российских юридических вузов её можно оценить на уровне \$ 3 000 в год, «демпинговые» юридические программы большинства вузов гораздо дешевле.

Эту огромную разницу в стоимости обучения по юридическим программам нельзя объяснить только разницей в благосостоянии России и США – эти страны различаются всего в 4,66 раза по валовому национальному доходу на душу населения (The World Bank: World Development Indicators, 2012). Большая разница заключается в самой модели финансирования юридического образования.

«Единица государственной услуги» по юридическому образованию на уровне бакалавриата в размере 60 200 руб. означает, что при среднем размере класса в 25 студентов, 50%-ной доле аудиторной нагрузки в общей трудоёмкости, определённой ФГОС, фонде оплаты ППС 50% (довольно высокий процент при адекватном обновлении и развитии материально-технической базы), с учётом страховых взносов, при годовой аудиторной нагрузке преподавателя в 200–300 учебных часов, согласно мировым нормам, средняя зарплата преподавателя должна составлять 11–17 тыс. руб. в месяц.

Для практикующего юриста, преподающего 1 учебный курс в семестр, оплата при этих условиях должна составлять всего несколько тысяч руб. в месяц. Этот уровень финансирования изначально ориентирован на максимум поточных лекций, увеличение аудиторной нагрузки преподавателей до немыслимых в международном понимании значений (700–800 часов в год), минимальное привлечение успешных юристов-практиков к учебному процессу – то есть заведомо низкое качество юридического образования.

Ещё более разителен уровень государственного финансирования юридической магистратуры – 70,6 тыс. руб., примерно на одном уровне с бакалавриатом. Российская магистратура, созданная в рамках Болонского процесса для максимальной совместимости отечественного образования с мировым – принципиально иная ступень ВПО, стоимость обучения по которой за рубежом в 1,5–2 раза выше по сравнению с бакалавриатом. При нынешнем размере государственного финансирования магистратура превращается в механическое продолжение худшего сорта «экономичного» бакалавриата со всеми его недостатками, перечисленными выше.

Нынешнюю модель этого финансирования в России можно оценить как порочный круг: выпуск избыточного количества малоподготовленных юристов -> перенасыщенный рынок труда и разочарование работодателей -> низкие зарплатные ожидания и перспективы трудоустройства в глазах абитуриентов и их родителей -> ограниченный поток финансовых средств от новых абитуриентов -> отчаянная конкуренция между вузами путем поддержания низкой стоимости обучения за счёт качества образования -> минимальное участие в образовательном процессе успешных юристов-практиков -> см. начало этой цепочки. А без «платных» студентов поддержание качества обучения за счёт скудного федерального финансирования невозможно в принципе.

С точки зрения кадрового состава преподавателей, этот замкнутый круг выглядит, скорее, как нисходящая спираль: низкооплачиваемые вакансии преподавателей привлекательны только для выпускников, не имеющих успешного опыта практической работы в этой профессии. Они пересаживаются в кресло преподавателя со студенческой скамьи, зная только то, что им дали предыдущие преподаватели, и готовят подобных им самим «профессионалов», которых ждёт та же судьба – либо преподавание в вузах, их выпустивших, либо на новых «демпинговых» юридических программах.

Таким образом, нынешняя стоимость «единицы государственной услуги» только усугубляет традиционную беду российского образования, разрыв между «высшим профессиональным образованием» и реальными потребностями профессии, в то время как наибольшие ресурсы должны быть направлены, с нашей точки зрения, именно на преодоление этого разрыва.

Понятно, каким образом бюджетное финансирование программ по юриспруденции оказалось столь низким: оно было установлено единым для обширного перечня гуманитарных направлений без лабораторных работ. Не был принят во внимание тот факт, что для большинства этих направлений практический опыт преподавателя имеет мало значения по сравнению с юридической профессией – выпускник юридического факультета неконкурентоспособен без участия в его подготовке успешных высокооплачиваемых практиков, а преподаватель – без практического опыта в этой профессии.

Этот «порочный круг» вполне можно превратить в восходящую спираль следующим образом: ограничение допуска к профессиональной юридической деятельности магистерской степенью, полученной в вузе, прошедшем общественную аккредитацию -> большое количество выпускников юридического бакалавриата, желающих получить магистерскую степень в лучших юридических вузах за неимением других альтернатив перед началом профессиональной деятельности -> возможность высокого конкурса, позволяющего отобрать самых перспективных и мотивированных абитуриентов как на платное, так и на бесплатное обучение -> приток в лучшие юридические вузы значительных финансовых средств, позволяющих обеспечить высокое качество образовательных программ -> повышение престижа профессии и качества юридических услуг -> сохранение притока «платных» абитуриентов, позволяющее со временем перевести всю систему юридического образования на преимущественно платную основу и финансирование фондами, созданными самими успешными выпускниками.

Существенная часть этого предложения – *государственное финансирование «бюджетных» мест на уровне платного обучения*, при условии стоимости платного обучения не ниже 120 тыс. руб. в год и наличия у вуза более чем 50% платных студентов как минимального показателя востребованности юридических образовательных программ этого вуза у населения и его престижа в глазах работодателей.

Мы не будем повторять многочисленные предложения по внедрению сильных сторон американского юридического образования и корейской реформы, высказанные в соответствующих разделах статьи. Это внедрение может состояться только при соответствующем финансировании и высокой планке допуска к юридической профессии.

Реализация наших предложений позволила бы создать качественную систему юридического образования мирового уровня в масштабах всей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Глава Счетной палаты Степашин: в 2013 году будут сокращены не менее 1 000 юридических вузов» [Электронный ресурс] // Газета.ру. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/social/news/2012/12/03/n_2646149.shtml.
2. Образовательные организации высшего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm.

REFERENCES

1. «*Glava Schetnoi palaty Stepashin: v 2013 godu budu sokrashcheny ne menee 1 000 yuridicheskikh vuzov*» [" Stepashin, The head of the Accounting Chamber: no less than 1000 law schools will be shut down in 2013". *Gazeta.ru*]. Available at: http://www.gazeta.ru/social/news/2012/12/03/n_2646149.shtml (accessed 23 November 2014).
2. *Obrazovatel'nye organizatsii vysshego obrazovaniya* [Educational institutions of higher education]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm (accessed 23 November 2014).

Губин Андрей Владимирович, кандидат политических наук, руководитель научных программ Азиатско-Тихоокеанского регионального центра РИСИ, доцент Школы региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: andrey.gubin@mail.ru

КРИЗИС АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ СТРАТЕГИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Сегодня в «Большой Восточной Азии» существует несколько потенциально опасных зон конфликтности. Это связано, прежде всего, с конкуренцией государств за контроль над морскими пространствами, которые могут стать ареной для военных действий в случае утраты стабильности регионального климата. При этом для региона характерно явление «секьюритизации» всех военно-морских инициатив ведущих игроков – они неизменно воспринимаются соседями как угроза. В новых геополитических условиях традиционная американоцентричная система безопасности в виде «ступицы и спиц» в АТР претерпевает значительные изменения – ряд государств стремится к самостоятельности, американских гарантий более недостаточно.

Хотя Вашингтон географически и внерегиональный игрок в Восточной Азии, но он намерен использовать военно-морские силы (ВМС) для укрепления собственных политических позиций. Более того, Аляска, Алеутские острова, Гуам фактически находятся в регионе, что повышает и уязвимость США от возможных враждебных действий. В этой связи американское руководство испытывает крайнюю озабоченность «гонкой морских вооруже-

ний» в АТР, особенно ростом китайского потенциала, и собирается предпринимать необходимые меры для сохранения своего влияния.

Несмотря на декларируемую институционализацию системы безопасности в регионе, Вашингтон по-прежнему склонен полагаться на традиционную «твердую силу». Главным средством глобального проецирования военной силы, бесспорно, являются военно-морские силы США. В ближайшем будущем ими будет сохранён упор на повышение возможностей флота по участию в любом военном конфликте в любом регионе.

К началу XXI века характер боевого применения ВМС США претерпел существенные изменения в связи с переориентацией на ведение операций в приморско-прибрежных районах. При этом особую значимость приобрели авианосные ударные группы и амфибийные силы. Сегодня они выступают в роли передового эшелона, обеспечивают блокаду, а также защиту судоходства. Усиленное внимание в новых условиях США намерены уделять вопросам ПРО и созданию боевых систем с асимметричным потенциалом.

Между тем планируемое сокращение военных расходов на 500 млрд долл. в течение 10 лет может негативно отразиться на обороноспособности страны. В этих условиях Вашингтону придется более тесно сотрудничать с региональными партнёрами, которые по замыслам возьмут на себя часть американской глобальной ответственности. Ситуация, однако, осложняется нарастанием внутренних проблем в США и утратой ими контроля над региональными процессами в сфере безопасности.

Ключевые слова: морская безопасность, морская мощь, военное присутствие, проецирование силы, США, Восточная Азия.

Andrey V. Gubin, Cand. Sci. (Political Sciences), Associate professor, Department of the International Relations, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: andrey.gubin@mail.ru

THE CRISIS OF AMERICAN NAVAL STRATEGY IN EAST ASIA

There are several potential conflict zones in contemporary 'Large East Asia' determined by strong competition for controlling maritime domains. Any possible political instability will inevitably lead to naval conflicts. East Asia also tend to 'be securitized' in terms of naval initiatives of key actors that are always considered as threats by their neighbors. In the modern conditions, a traditional for the region US-centered 'hub and spokes' system is being dramatically transformed: middle powers strive for self-sufficiency as American guarantees are exhausted.

Though Washington is not geographically located in East Asia, they plan to use the navy forces for strengthening their political platforms. Moreover, Alaska,

Guam, the Aleutians and Hawaii are situated within the region and can suffer in case of a potential military conflict. All these considerations make the US administration deeply concerned by the naval arms race in Asia-Pacific, especially by the rise of Chinese military power, and, therefore, take measures in order to keep their influence in the region.

In spite of declared institutionalization of the regional security system, Washington conservatively backs on 'old hard power'. The Navy still remains the major tool for power projecting, and the future efforts will focus on enhancing the fleet's capability of engaging in any military conflict.

By the beginning of the 21st century, the combat model of the US Navy had changed due to its re-orientation for coastal operations. In the process, the aircraft carriers and amphibious task force became the utmost priority. Today these groups, as a top echelon, provide naval blockades and security of shipping lines. Special attention is paid to BMD and asymmetric warfare like hypersonic missiles, cruise-missile subs, UAVs etc.

Meanwhile, a planned dramatic \$500-billion cut of military expenses for the next 10 years will have a negative influence on the national defensive power. In this context, Washington will have to cooperate closer with regional partners, which are supposed to share American global responsibilities. The situation is complicated by the growing domestic issues in the USA and their loss of control over regional security processes.

Key words: maritime security, sea power, military presence, power projecting, the USA, East Asia.

Сегодня Восточная Азия постепенно становится регионом «морского противостояния». По мнению Р. Каплана, на то есть географические предпосылки – главные игроки не теснятся на одном континентальном пространстве, а отделены друг от друга морскими просторами. Более того, основные споры ведутся именно на море, равно как и коммуникации в случае конфликта осуществляются морским путем [12]. И если крупномасштабные военные действия на плотно заселенной суше могут привести к колоссальным людским и материальным потерям, то на океанских пространствах подобные риски слабее, что может понизить порог для принятия политического решения о начале войны. В этой связи значительное влияние на процессы в сфере безопасности имеют именно инициативы региональных и ряда внерегиональных государств, связанные с контролем над морскими пространствами и усилением собственных военных возможностей на море.

Как полагают Б. Бузан и О. Уэвер, для Восточной Азии достаточно характерно явление «секьюритизации», как процесса, в результате которого в сообществе формируется восприятие какого-либо субъекта или явления в качестве экзистенциальной угрозы и признаётся необходимость неотложных мер для отражения данной угрозы [11, 491]. Способность «секьюритизовать» (то есть представить в виде угрозы) ту или иную страну и её дей-

ствия зависит, прежде всего, от продолжительности и интенсивности исторической вражды, соотношения сил между ними, степени экономической взаимозависимости. Индикаторами подобных процессов могут выступать вооружённые конфликты, гонки вооружений, взаимные угрозы и претензии, а также прочие чрезвычайные меры.

Конкретная практика международных отношений показывает, что любые действия государств региона по повышению собственной безопасности, как то: повышение расходов на оборону, модернизация вооруженных сил, разработка новых систем вооружений, защита торговых путей и т.д. неизменно «секьюритизируются» и воспринимаются соседними странами как угроза. Наиболее значимым раздражителем выступают при этом именно военно-морские приготовления, поскольку они неизменно трактуются государственными акторами как попытка установления контроля над стратегически важными морскими пространствами. Иными словами, в пределах макрокомплекса Большой Восточной Азии пока остаётся неразрешимой традиционная «дилемма безопасности», определяющая повышение агрессивности общего фона региональной обстановки [9, 8–34]. Государствам региона не удастся сформировать эффективного механизма по безопасности и отойти от антагонизма, основанного на военной силе.

В целом, с учётом всех современных тенденций во внешней политике ключевых государств, Восточноазиатский комплекс, вероятно, либо придёт к умеренной конфликтности, либо к еще более размытой системе безопасности. Формирование всеобъемлющего сообщества безопасности возможно только в случае демократизации Китая, а погружение АТР в сплошной конфликт, подобный ближневосточному, невозможно как ввиду углубляющейся экономической взаимозависимости, так и наличия фактора ядерного сдерживания.

Вслед за Б. Бузаном и О. Уэвером можно предположить, что в обозримой перспективе ни одно государство не будет в состоянии достигнуть комплексного доминирования в регионе. Даже у Китая сегодня не хватит для этого ни материальных ресурсов, ни цивилизационно-культурной привлекательности, кроме того в Восточной Азии слишком много сильных государств, а также велико влияние внерегиональных участников [11, 174].

В этой связи, несмотря на очевидный системный кризис во внешней политике Соединённых Штатов, пока рано говорить о полном их отходе от восточноазиатских дел. Хотя Вашингтон географически и внерегиональный игрок, но его союзные отношения с некоторыми государствами заставляют использовать ВМС для укрепления собственных политических позиций. Более того, Аляска, Алеутские острова, Гуам фактически находятся в регионе, что повышает и уязвимость США от возможных враждебных действий. По этой причине американское руководство испытывает крайнюю озабоченность в связи с «гонкой морских вооружений» в АТР, особенно ростом китайского потенциала, и намерено предпринимать необходимые меры для сохранения своего влияния.

В марте 2014 года Министерство обороны США выпустило Четырёхгодичный обзор по вопросам национальной обороны [13]. Пентагон отмечает необходимость реагирования на изменение характера угроз, исходящих из внешней среды, равно как и использования сложившихся возможностей для реализации национальных интересов США. При этом особо отмечается смещение «гравитации» в системе международных отношений, что увеличивает значение малых стран и негосударственных акторов, с которыми не работает логика традиционного военного решения. В этой связи, для сохранения роли глобальной державы США придется искать новые пути решения проблем и действовать более оперативно.

Авторы Обзора-2014 делают акцент на том, что США – преимущественно тихоокеанская держава, потому регион жизненно важен для этой страны. Быстрый рост военных возможностей Китая вкупе с отсутствием транспарентности в двусторонних отношениях представляется первостепенной угрозой безопасности для всего региона. В Пентагоне полагают, что одним из средств сдерживания потенциального конфликта является создание многосторонней архитектуры безопасности на основе механизмов АСЕАН, при этом главными ее элементами должны быть Австралия, Япония, Республика Корея, Индонезия и Индия [13, 26].

Вместе с тем, несмотря на декларируемую институционализацию системы безопасности в регионе, Вашингтон по-прежнему склонен полагаться на традиционную «твердую силу». Главным средством глобального проецирования военной силы, бесспорно, являются ВМС США. В ближайшем будущем будет сохранён упор на повышение возможностей флота по участию в любом военном конфликте в любом регионе. Финансирование будет осуществляться по нескольким приоритетным направлениям:

1. Поддержание эффективности морского компонента ядерного сдерживания, включая разработку новых ПЛАРБ;
2. Создание асимметричных боевых систем и средств поражения (крылатые и гиперзвуковые ракеты, палубные ударные самолеты, модули для надводных кораблей и подводных лодок) [13, 52].

Во второй половине XX века США начали широко использовать военное присутствие для создания на удалённых театрах военных действий группировок вооруженных сил для охраны коммуникаций, демонстрации мощи с целью защиты своих интересов и оказания поддержки союзникам. Передовое военное присутствие – более эффективное средство обеспечения национальной безопасности, чем дисклокация войск на американском континенте и их развертывание за рубежом в случае кризисов и конфликтов [3, 99–118]. Основой для реализации политики в этой области стал «Глобальный план перебазирования» (Global Posture Review), представленный в 2004 году. Суть его сводится к сокращению зарубежных военных баз с полным комплектованием и увеличением количества небольших операционных баз, а также и их географического охвата. В условиях необходимости экономии США активно используют такие формы присутствия, как «нахо-

ждение с миссией» и «ограниченный доступ». Первое – это постоянные американские военные миссии в разных странах, которые по своим характеристикам не квалифицируются как передовое военное базирование, но вносят свой вклад в общее присутствие США за границей. «Ограниченный доступ» – каналы влияния, которые США устанавливают посредством участия в двусторонних и многосторонних военных учениях, визитах, консультациях и прочих мероприятиях [4, 83–87].

В современных условиях, когда картина мира меняется с однополярной на многополярную, в руководстве США растёт понимание невозможности обеспечения лидерства только за счёт стратегических ядерных сил. В этой связи часть функций сдерживания перекладывается на обычные вооружения.

В документе «Основные положения стратегии национальной безопасности США в 2010 г.» говорится о необходимости развития систем противоракетной обороны и высокоточных систем оружия для достижения военно-политических целей как глобального, так и регионального характера [7, 515–531]. «Национальная военная стратегия», опубликованная в 2011 году, делает акцент на технологиях создания сверх- и гиперзвуковых неядерных ударных средств большой дальности; ударных беспилотных аппаратов и т.д. При этом внимание уделяется средствам как воздушного, так и морского базирования [5, 8–11].

В начале XXI в. Пентагон приступил к полномасштабной реализации концепции «Глобальный удар», которая подразумевает наличие вооружений, способных поразить цель в течение часа с момента принятия решения президентом. В 2003 году ВМС США запустили программу «Инициатива по улучшению эффективности» ради создания неядерных высокоточных боевых частей для баллистических ракет «Трайидент». Среди американских экспертов распространено мнение, что размещение на одной лодке ракет в ядерном и неядерном оснащении может привести к ядерной войне, так как при запуске ракеты будет сложно идентифицировать. По этой причине в настоящее время реализуется программа по созданию неядерных баллистических ракет средней дальности (до 3 500 км) для оснащения ими БРПЛ класса «Огайо» (до 66 боеприпасов). Принятие на вооружение возможно до 2020 года [2, 8–11].

К началу XXI века характер боевого применения ВМС США претерпел существенные изменения в связи с переориентацией на ведение операций в приморско-прибрежных районах. При этом особую значимость приобрели авианосные соединения и ударные группы (АУГ). Сегодня они выступают в роли передового эшелона, обеспечивают блокаду, а также защиту судоходства. Командование ВМС намерено и в дальнейшем использовать господство в воздухе и на море и нацеливает силы флота и морскую пехоту на поражение наиболее важных объектов и систем противника: систем управления, объектов ПВО, скоплений войск и военной техники, административно-политических органов, значимых экономических единиц.

Ожидается, что к 2030 году характер использования АУГ изменится благодаря развитию информационных технологий. Удар будет наноситься

двумя эшелонами – прорыва ПВО и поражающего, при этом широко будут использоваться беспилотные летательные аппараты (БЛА), крылатые и гиперзвуковые ракеты, а временной интервал между эшелонами будет практически отсутствовать. Основным инструментом останутся ударная палубная авиация и боевые корабли, оснащенные крылатыми ракетами. При этом применение АУГ будет связано с использованием моря как пространства для маневра при переносе действий объединенного оперативного формирования на сушу; проведением операций в стремительном темпе; интеграцией всех сил, средств и возможностей для минимизации усилий и потерь [1, 79–83].

В современной американской военной стратегии упор делается также на экстренное массированное развертывание ударных сил флота, важным элементом которых являются амфибийные силы, основная задача которых – проведение десантных операций с моря. Боеготовые амфибийные группы в составе десантных кораблей, сил поддержки и средств высадки обеспечивают передовое военное присутствие и поддерживают оперативный режим в заданных районах. В 2011 году командование ВМС США вернулось к идее доктрины полномасштабных операций на новой элементной базе. Форсируются программы строительства универсальных десантных кораблей «Уосп», десантно-вертолетоносных кораблей-докков «Сан-Антонио», морских транспортных судов, начато строительство новых атомных авианосцев типа «Джеральд Форд», универсальных десантных кораблей (УДК) типа «Америка», боевых кораблей прибрежной зоны, массово обновляется парк самолетов и вертолетов авиации ВМС и Корпуса морской пехоты (КМП), модернизируются морские и воздушные средства высадки десанта [10, 67–72].

Как представляется, при сохранении тенденций и темпов развития систем и средств боевого управления, разведки, электронного и киберпротиводействия ВМС США будут способны действовать в едином информационном поле с другими видами вооруженных сил не только США, но и их союзников. Взаимодействие упрощается также ввиду значительной унификации систем вооружений Японии, Республики Корея, Австралии с американскими.

По замыслу Пентагона, силы и средства противоракетной обороны морского базирования должны обеспечить возможность быстрого реагирования на возникающие ракетные угрозы. Предусмотрено их оперативное развертывание в любом регионе мира сообразно степени опасности для борьбы с баллистическими ракетами средней и малой дальности. С повышением технологического уровня корабельных средств станет возможен и перехват ракет большой дальности, включая межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) и баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ).

Первоначально в состав морского компонента противоракетной обороны (ПРО) предполагалось включить 18 боевых кораблей – три крейсера «Тикондерога» и 15 эскадренных миноносцев (ЭМ) «Орли Бёрк». Однако в связи с неопределенностью планов по размещению противоракет шахтного

базирования в Европе, вероятно, численность и возможности корабельной группировки будут увеличены. При этом морской компонент должен быть способен как обеспечивать противоракетную оборону театра военных действий (ПРО ТВД), так и создать первый рубеж отражения удара по США баллистическими ракетами большой дальности [6, 74–78].

Ожидается, что к 2020 году в составе ВМС США будет до 40 кораблей, способных решать задачи ПРО. Для этих целей могут использоваться и десантные корабли «Сан-Антонио», имеющие вдвое большую вместительность средств поражения. В настоящее время на военно-морских базах (ВМБ) Перл-Харбор, Йокосука, Сан-Диего размещено 16 боевых кораблей, ориентированных на задачи ПРО [6, 74–78].

Большая часть противоракет способна перехватывать тактические и оперативно-тактические ракеты на расстоянии до 300 км, однако США совместно с Японией активно работают над созданием вариантов ракет «Стандарт» с дальностью перехвата 1000 км и расширенными возможностями поиска, распознавания и маневрирования [4, 131–132; 5]. В марте 2013 года министр обороны США Чак Хэйгел объявил о приостановке планов создания новых систем ПРО морского базирования в связи со сложностями технического и финансового характеров [14]. По этой причине возможно некоторое замедление развертывания американских систем ПРО морского базирования. Также неопределенной остается ситуация с реализацией ранее объявленных планов по направлению 60% всех американских боевых кораблей и подводных лодок, включая несущие ядерное оружие, в Азиатско-Тихоокеанский регион [8].

Вместе с тем, несмотря на одобренные масштабные кораблестроительные программы, корректировка военного бюджета в сторону его сокращения на 50 млрд долл. ежегодно затрудняет обновление флота. Срок службы некоторых кораблей, в частности, крейсеров типа «Тикондерога», будет продлен до 2030-х годов. Строительство трех эсминцев типа «Арли Бёрк» третьей серии будет отменено. Заказано 32 боевых корабля прибрежной зоны, однако нового контракта не последует, пока данные единицы не покажут свою пригодность: существуют сомнения, что они смогут эффективно действовать против хорошо оснащенного противника, например, в АТР. ВМС придется списать авианосец «Джордж Вашингтон» и сократить число авианосных ударных групп до десяти, будет выведена в резерв одна атомная подводная лодка и три судна обеспечения. Секвестр затронет и корпус морской пехоты – численность военнослужащих сократится со 182 тыс. до 175 тыс., уменьшается количество закупаемых высадочных средств [14, 13, 52–53].

Сокращение военных расходов может негативно отразиться на обороноспособности страны. В этих условиях Вашингтону придется более тесно сотрудничать с региональными партнёрами, которые по замыслам возьмут на себя часть американской глобальной ответственности. Главный недостаток – не столько сокращение единиц боевой техники, замедление поступлений новых систем и модернизации имеющихся, а сокращение количества

проводимых учений, что снижает боеспособность армии и степень ее взаимодействия с союзными силами.

Ситуация осложняется тем, что ключевые союзники – Япония, Республика Корея, Австралия – также склонны сокращать военную активность, что чревато образованием «вакуума силы» и выхода некоторых конфликтов из-под контроля. К тому же концепция «ответственного акционера», которая должна была прийти на смену двусторонним военным альянсам, никак не может реализоваться – ни Япония, ни Республика Корея не готовы к самостоятельным действиям в интересах укрепления безопасности США, в их поведении все более отчетливо видны элементы национализма.

Можно отметить, что, несмотря на мощный дестабилизационный потенциал боевых средств ВМС США и агрессивный характер стратегии их использования, реальное значение Вашингтона в азиатско-тихоокеанских делах постепенно уменьшается. Этому способствуют рост внутренних проблем в США, обострение кризисных ситуаций на Ближнем Востоке и Европе, намерения Китая по пересмотру региональной системы безопасности в Восточной Азии. В условиях резкого ухудшения российско-американских отношений, ситуации стратегической неопределенности в американо-китайских отношениях Вашингтону придется либо осознанно идти на эскалацию напряженности в АТР, увеличивая свою активность, либо переходить к концепции «точечного присутствия», разворачивая группировку только в одном районе в случае кризиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баулин, В. Перспективы боевого применения авианосных ударных сил ВМС США // Зарубежное военное обозрение. – 2012. – № 3. – С. 79–83.
2. Горячев, Ю. Разработка перспективного стратегического неядерного вооружения США в рамках концепции «Глобальный удар» // Зарубежное военное обозрение. – 2012. – № 5. – С. 8–11.
3. Ермаков, С. М. Американские вооруженные силы в Европе : от глобального базирования к глобальному присутствию // Проблемы национальной стратегии. – 2010. – № 4. – С. 99–118.
4. Карякин, В. В. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике современного мира / В. В. Карякин. – М. : Граница, 2011. – 288 с.
5. Карякин, В. В. Военно-политические стратегии США и угрозы для России / В. В. Карякин. – М. : РИСИ, 2014. – 32 с. – (Аналитические обзоры РИСИ. Вып. 2).
6. Крымов, А. Планы Пентагона по развитию морского компонента глобальной системы противоракетной обороны США // Зарубежное военное обозрение. – 2013. – № 8. – С. 74–78.
7. Сидорин, А. Н. Вооруженные силы США в XXI веке: военно-теоретический труд / А. Н. Сидорин, В. М. Прищепов, В. П. Акуленко. – М. : Военная книга, 2013. – 821 с.

8. США направляют 60% своих кораблей на Дальний Восток [Электронный ресурс] // РБК. 2 июня 2012 г. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/politics/02/06/2012/653332.shtml>.

9. Тимофеев, И. Н. Дилемма безопасности: риск вооруженного конфликта между великими державами // Полис. – 2009. – № 4. – С. 8–34.

10. Чертанов, В. ВМС США – возрождение доктрины десантных операций // Зарубежное военное обозрение. – 2012. – № 5. – С. 67–72.

11. Buzan, B. *Regions and Powers: The Structure of International Security* / B. Buzan, O. Waever. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 588 p.

12. Kaplan, R. D. The South China Sea is the Future of Conflict [Electronic resource] // *Foreign Policy*. September-October 2011. – Режим доступа: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/08/15/the_south_china_sea_is_the_future_of_conflict.

13. Quadrennial Defence Review 2014 [Electronic resource] // US Department of Defence. – Режим доступа: http://www.defense.gov/pubs/2014_Quadrennial_Defense_Review.pdf.

14. Weitz, R. US Missile Defence: Closing the Gap [Electronic resource] // *World Affairs*. July/August 2013. – Режим доступа: <http://www.worldaffairsjournal.org/article/us-missile-defense-closing-gap>.

REFERENCES

1. Baulin V. Perspektivy boevogo primeneniya avianosnykh udarnykh sil VMS SShA [Prospects of the U.S. Navy's Carrier Task Forces in Combat Actions]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, 2012, no. 3, pp. 79–83.

2. Goryachev Yu. Razrabotka perspektivnogo strategicheskogo neyadernogo vooruzheniya SShA v ramkakh kontseptsii «Global'nyi udar» [Development of the Advanced Strategic Non-Nuclear Munition under the 'Global Strike' Concept]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, 2012, no. 5, pp. 8–11.

3. Ermakov S.M. Amerikanskije vooruzhennye sily v Evrope: ot global'nogo bazirovaniya k global'nomu prisutstviyu [American Army in Europe: from Global Stationing to Global Presence]. *Problemy natsional'noi strategii*, 2010, no. 4, pp. 99–118.

4. Karyakin V.V. *Voennaya politika i strategiya SShA v geopoliticheskoi dinamike sovremennogo mira* [U.S. Military Politics and Strategy in Geopolitical Dynamics of the Contemporary World]. Moscow, Granica Publ., 2011. 288 p.

5. Karyakin V.V. *Voенно-politicheskie strategii SShA i ugrozy dlya Rossii* [U.S. Military and Political Strategies as Threats for Russia]. Moscow: RISI Publ., 2014. 32 p.

6. Krymov A. Plany Pentagona po razvitiyu morskogo komponenta global'noi sistemy protivoraketnoi oborony SShA [Pentagon Plans on Developing Naval Component of the U.S. BMD]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, 2013, no. 8, pp. 74–78.

7. Sidorin A.N., Prishhepov V.M., Akulenko V P. *Vooruzhennye sily SShA v XXI veke: voenno-teoreticheskii trud* [U.S. Military in the 21st Century: Military Theoretical Treatise]. Moscow: Voennaja kniga Publ., 2013. 800 p.
8. *SShA napravlyayut 60% svoikh korablei na Dal'nii Vostok* [U.S. direct 60% of their ships to the Far East]. RBC, June, 2, 2012. Available: <http://top.rbc.ru/politics/02/06/2012/653332.shtml> (accessed 23 November 2014).
9. Timofeev I. N. Dilemma bezopasnosti: risk vooruzhennogo konflikta mezhdru velikimi derzhavami [Security Dilemma: Risk of the Armed Conflict among Great Powers]. *Polis*, 2009, no. 4, pp. 8–34.
10. Chertanov V. VMS SShA – vozrozhdenie doktriny desantnykh operatsii [U.S. Navy: Revival of the Amphibious Operations Doctrine]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, 2012, no. 5, pp. 67–72.
11. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 588 p.
12. Kaplan R.D. *The South China Sea is the Future of Conflict*. *Foreign Policy*. September-October 2011. Available: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/08/15/the_south_china_sea_is_the_future_of_conflict (accessed 23 November 2014).
13. *Quadrennial Defence Review 2014*. US Department of Defence. Available: http://www.defense.gov/pubs/2014_Quadrennial_Defense_Review.pdf (accessed 23 November 2014).
14. Weitz R. *US Missile Defence: Closing the Gap*. *World Affairs*. July/August 2013. Available: <http://www.worldaffairsjournal.org/article/us-missile-defense-closing-gap> (accessed 23 November 2014).

Фёдоров Александр Вячеславович, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, г. Москва, Россия. E-mail: 1956af@mail.ru

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ФОРМАТЕ АТЭС

В статье рассматриваются вопросы, связанные с антикоррупционной составляющей деятельности Межправительственного форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Приводятся краткие сведения о создании этого форума и анализируются принятые в его формате антикоррупционные решения. Раскрывается характер деятельности специальных органов форума – Группы по борьбе с коррупцией и Региональной антикоррупционной сети для правоохранительных органов АТЭС. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что АТЭС представляет собой уникальный институт современных международных отношений с огромным потенциалом для развития дальнейшего сотрудни-

чества экономик Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) – участниц форума, и раскрываются тенденции развития антикоррупционного сотрудничества в рамках АТЭС. Проведенный в статье анализ указывает на взаимосвязь принимаемых в формате АТЭС антикоррупционных решений с положениями основных для региона АТР международных антикоррупционных договоров: Межамериканская конвенция против коррупции (1996 г.), Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (1997 г.), Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.) и Конвенция ООН против коррупции (2003 г.). Констатируется, что принятие антикоррупционных мер в формате АТЭС объективно обусловлено интересами развития экономики и связано с созданием условий для нормального развития рыночных отношений и формирования условий для добросовестной конкуренции на рынке, что особенно важно в условиях глобализации. Делается заключение о том, что антикоррупционная составляющая деятельности АТЭС в настоящее время становится одним из главных направлений деятельности этого форума, имеющих перспективу дальнейшего развития.

Ключевые слова: Межправительственный форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), антикоррупционная деятельность АТЭС, Группа по борьбе с коррупцией, Региональная антикоррупционная сеть для правоохранительных органов АТЭС.

Aleksandr V. Fedorov, Sci. Cand. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Russian Federation, Moscow. E-mail: 1956af@mail.ru

ANTI-CORRUPTION IN THE APEC FORMAT

This article addresses the issues connected with the anti-corruption activity of the Intergovernmental Forum of the Asia-Pacific Economic Cooperation. It provides a short overview of how this forum was established and analyzes the anti-bribery decisions taken within the forum. It describes the nature of the activity pursued by the forum's special bodies – the Anti-Corruption Working Group and the APEC Regional Network of Anti-Corruption Authorities and Law Enforcement Agencies. Based on this analysis, a conclusion that the APEC is a unique institution for modern international relations, which has a huge potential to develop further cooperation between the member economies in the Asia-Pacific Region (APR) has been made; also the trends in the development of cooperation against corruption within the APEC have been described. The analysis reveals that the anti-corruption decisions taken in the APEC format are connected with the provisions of the key international anti-corruption treaties applicable

in the APR area, such as the Inter-American Convention against Corruption (1996); OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions (1997), United Nations Convention against Transnational Organized Crime (2000), and United Nations Convention against Corruption (2003). It is stated that the anti-corruption steps taken in the APEC format are objectively required for the sake of economic development and are linked with the attempts to foster the conditions for normal development of market relations and fair competition in the market, which is particularly important in the context of globalization. A conclusion that the anti-corruption component in the APEC activity is becoming now one of the long-term core areas in the forum's activity has been made.

Key words: Intergovernmental Forum of the Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC), Asia-Pacific Region (APR), anti-corruption activity, Anti-Corruption Working Group, APEC Regional Network of Anti-Corruption Authorities and Law Enforcement Agencies.

В современном мире коррупция, несомненно, является одной из наиболее острых социально-экономических проблем, характер которой требует адекватной реакции государств, в том числе проведения эффективной политики противодействия коррупции, включающей реализацию комплексных мер по трем основным направлениям: предупреждение (профилактика) коррупции, борьба с коррупцией и минимизация вредных последствий коррупции [6, с. 101–103]. Соответствующие меры по противодействию коррупции принимаются как на национальном уровне, так и на международном – различными межгосударственными объединениями (организациями). Указанные меры взаимосвязаны и зачастую взаимообусловлены.

Так, существенное значение для совершенствования антикоррупционного законодательства государств и практики борьбы с коррупцией имеет их участие в международных антикоррупционных конвенциях и в различных международных организациях и форумах, осуществляющих антикоррупционную деятельность, в частности – в Межправительственном форуме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества – АТЭС (Asia-Pacific Economic Cooperation – APEC), объединяющем в настоящее время уже более двух десятков экономик Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

В последние годы российскими учеными уделяется значительное внимание исследованиям различных вопросов, связанных с Межправительственным форумом АТЭС и влиянием этого форума на развитие национальных законодательств государств АТР [4; 2]. В то же время, еще практически отсутствуют исследования, посвященные изучению антикоррупционной деятельности АТЭС [8, с. 95–112; 7, с. 184–201].

АТЭС как новый формат организации международного сотрудничества

Форум АТЭС создан в ноябре 1989 г. на встрече в Канберре (Австралия) министров экономики и иностранных дел 12 государств АТР (Австралии, Брунея, Индонезии, Канады, Малайзии, Новой Зеландии, Республики Корея, Сингапура, США, Таиланда, Филиппин и Японии) как площадка для обсуждения проблем регионального экономического сотрудничества и связанных с его развитием других вопросов с целью обеспечения либерализации торговли и инвестиций. Акцент на экономический характер этого форума обусловил именование в АТЭС государств «экономиками». Такой подход учитывал особенности ситуации в АТР, где ряд ведущих экономик в силу различных исторических и политических причин не признавались как самостоятельные независимые государства. Таким образом, замена термина «государство» на термин «экономика» позволила обеспечить присоединение к форуму АТЭС в 1991 г. Китайской Народной Республики, а также Сянган (Гонконга), получившего впоследствии статус особого административного района Китая, и Китайского Тайбэя (Тайваня).

В дальнейшем в АТЭС вошли: в 1993 г. – Мексика и Папуа – Новая Гвинея; в 1994 г. – Чили, в 1998 г. – Вьетнам, Российская Федерация [1, с. 11–21] и Перу, после чего было принято решение о моратории на прием новых членов.

Таким образом, на данный момент участниками форума АТЭС являются 21 экономика Азиатско-Тихоокеанского региона с численностью немногим менее половины населения мира и около половины от объема всей мировой торговли.

АТЭС не имеет статуса международной организации в её классическом понимании и представляет собой систему различных взаимосвязанных форумов (совещаний, встреч, заседаний) экономик – участниц АТЭС, руководящими органами которой являются ежегодный неформальный форум (саммит) лидеров экономик – глав соответствующих государств и правительств (АРЕС Economic Leaders Meeting – AELM) и сопряженные с ним встречи министров иностранных дел и торговли – министерские совещания (АРЕС Ministerial Meeting – АММ). Саммиты проводятся в разных государствах в порядке очередности. При этом саммит имеет ежегодно сменяемого председателя, которым является руководитель страны, принимающей форум лидеров государств и территорий – участников АТЭС. Для решения организационных вопросов в 1993 г. создан международный секретариат АТЭС, находящийся в Сингапуре и уполномоченный на решение административно-технических вопросов.

Большинство мероприятий АТЭС (а это, как правило, около 150 различных форумов в год) проводится на территории страны-председателя. Финансирование мероприятий осуществляется государствами, на территории которых они проводятся. В число таких мероприятий, помимо саммитов лидеров и министерских совещаний, входят:

- Совещания отраслевых министров (Sectoral Ministerial Meeting – SMM), представляющие собой совещания руководителей различных отраслевых министерств, которые проходят в государствах, согласившихся организовать и профинансировать проведение соответствующего совещания;

- Совещания старших должностных лиц – СДЛ (Senior Officials Meeting – SOM), т.е. совещания представителей министерств иностранных дел и торговли;

- Совещания старших финансовых должностных лиц – СФДЛ (Senior Finance Officials Meeting – SFOM), т.е. совещания представителей финансовых органов, предшествующие отраслевым совещаниям министров финансов;

- Заседания Делового консультативного совета – ДКС (APEC Business Advisory Council – ABAC), являющиеся автономным бизнес-форумом АТЭС, проходящие четыре раза в год для поддержания постоянного диалога между властями и предпринимателями экономик АТЭС, в которых участвуют известные бизнесмены – по три представителя от каждой экономики, назначаемые властями государств.

Проводятся также заседания комитетов, подкомитетов, экспертных групп, различных диалогов и рабочих форумов, целевых и рабочих групп.

Решения на них принимаются консенсусом и не носят обязательного характера для представленных в АТЭС государств и территорий. Отказ от принуждения и примат добровольности является одним из основополагающих принципов функционирования АТЭС. При этом все решения в АТЭС принимаются на основе достижения консенсуса, чему предшествуют предварительные консультации различного формата.

Несмотря на столь «мягкий» формат функционирования, АТЭС оказывает существенное влияние на экономическое развитие АТР.

Основным из документов, на основе которых строится работа АТЭС, является принятая в 1994 г. на втором саммите АТЭС в г. Богоре (Индонезия) «Богорская декларация», обозначившая целью АТЭС формирование в регионе системы свободной и открытой торговли и инвестиционной деятельности к 2010 г. для развитых и к 2020 г. – для развивающихся экономик.

Вступление в 1998 г. Российской Федерации в АТЭС преследовало цель повышения эффективности участия в многостороннем торгово-экономическом, кредитно-финансовом и научно-техническом сотрудничестве стран АТР, использования потенциала АТЭС в интересах развития российской экономики. Участие в АТЭС способствовало не только развитию экономических отношений Российской Федерации с другими экономиками – участницами АТЭС, но и преобразованиям в самой российской экономике.

Помимо чисто экономических вопросов в рамках АТЭС также рассматриваются проблемы, косвенно связанные с экономикой, но оказывающие влияние на экономическое развитие. К числу таких проблем относятся вопросы противодействия коррупции, так как противодействие коррупции имеет существенное значение для формирования нормальных рыночных отношений и соответствующей таким отношениям конкурентной среды,

стимулирующих развитие национальных экономик и, что особенно важно в условиях глобализации, международных экономических связей.

Антикоррупционные решения форумов АТЭС

Акцентируя внимание на экономических вопросах, страны – экономики АТЭС пришли к выводу о необходимости обеспечения должного уровня борьбы с коррупцией.

Впервые это было обозначено в Декларации лидеров экономик форума АТЭС «Партнерство во имя будущего» (21 октября 2003 г., Бангкок), в разделе «Содействие либерализации торговли и инвестиций» которой отмечалось, что коррупция является одним из наиболее серьезных препятствий для социально-экономического развития, и странам АТЭС рекомендовалось направить свои усилия на выработку в 2004 г. на национальном уровне конкретных мер по борьбе с коррупцией.

В дальнейшем на встрече старших должностных лиц АТЭС в июне 2004 г. представителями США была внесена инициатива по борьбе с коррупцией в регионе, а 25–26 сентября 2004 г. США совместно с Чили и Республикой Корея организовали в Сантьяго специальную встречу экспертов, на которой были согласованы рекомендации по борьбе с коррупцией в рамках АТЭС, основанные на положениях, принятых незадолго до этого Конвенцией ООН против коррупции (Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 31 октября 2003 г.) и учитывающих Стандарты транспарентности * АТЭС. На 16-м министерском совещании АТЭС 17–18 ноября 2004 г. в Сантьяго министры одобрили результаты указанной встречи экспертов по антикоррупции.

В результате проведенной работы были подготовлены и на 12-м саммите АТЭС 21 ноября 2004 г. в Сантьяго одобрены основополагающие антикоррупционные документы АТЭС:

- «Сантьягская декларация в поддержку борьбы с коррупцией и обеспечения транспарентности» (Santiago Commitment to Fight Corruption and Ensure Transparency) и

- «Курс действий АТЭС по борьбе с коррупцией и обеспечению транспарентности» (APEC Course of Action on Fight Corruption and Ensure Transparency), принятый в развитие этой декларации и для её осуществления, включающий антикоррупционную инициативу АТЭС «От Сантьяго до Пусана».

В Сантьягской декларации в поддержку борьбы с коррупцией и обеспечения транспарентности коррупция определялась как многосоставное явление, имеющее экономическое, политическое и социальное измерения **,

* Транспарентность применительно к экономике понимается как открытость торговли и инвестиций, прозрачность бизнеса, отсутствие секретности, доступность информации.

** В частности, отмечено со ссылкой на Всемирный Банк, что ежегодная сумма прямых издержек от коррупции для национальных экономик превышает 1 трлн долл. США.

присутствующее как в государственном, так и в частном секторах и оказывающее деструктивное воздействие на все сферы жизни общества, представляющее собой угрозу демократии и экономическому росту, целостности государственных институтов и социальных ценностей. При этом целостная система борьбы с коррупцией, наряду с надлежащим государственным управлением и транспарентным законодательством, признавались ключевыми элементами обеспечения устойчивого экономического развития, роста и процветания.

В декларации зафиксированы следующие антикоррупционные договоренности стран АТЭС:

- проводить работу по внедрению карательных и превентивных антикоррупционных мер в соответствии с Конвенцией ООН против коррупции, включая политику и практику, необходимые для надлежащего и эффективного управления государственными делами и государственной собственностью*;

- побуждать друг друга отказывать в предоставлении безопасного убежища на своих территориях коррумпированным иностранным чиновникам, тем, кто подкупает их, а также принадлежащим им активам;

- наращивать индивидуальные и совместные усилия по борьбе с коррупцией и обеспечению транспарентности, в том числе сотрудничество с другими многосторонними и региональными межправительственными институтами, а также обмен информацией о реализации национальных антикоррупционных мер;

- развивать новые формы подготовки персонала, целевых программ по наращиванию национальных потенциалов и ориентированной на результат технической помощи в антикоррупционной борьбе и обеспечении транспарентности;

- придавать приоритетное значение реализации Стандартов транспарентности АТЭС** – ключевому элементу в борьбе с коррупцией и продвижению Дохийской повестки дня развития ВТО***.

В документах АТЭС приветствовалась приверженность Делового консультативного совета (ДКС) АТЭС и лидеров азиатско-тихоокеанского делового сообщества ведению бизнеса предельно честно и принятию эффективных антикоррупционных мер в своих деловых операциях, где бы они ни

* АТЭС не имеет собственных международных договоров по вопросам противодействия коррупции, в связи с чем этим форумом придается особое значение реализации Конвенции ООН против коррупции как специально созданному юридически обязывающему глобальному инструменту противодействия коррупции.

** Стандарты транспарентности АТЭС сформулированы в заявлении лидеров АТЭС по реализации стандартов транспарентности, принятом на саммите 26–27 октября 2002 г. в Лос-Кабос (Мексика).

*** В 2001 г. 142 государства согласились подписать Дохийскую декларацию, в результате принятия которой был запущен «Дохийский переговорный раунд по повестке дня развития» ВТО, имеющей целью решение вопросов ликвидации неравенства в мировой торговле между развитыми и развивающимися странами. Переговоры по этим вопросам продолжаются до настоящего времени.

осуществлялись, а также выражалась уверенность в том, что совместная работа по борьбе с коррупцией и обеспечению транспарентности позволит АТЭС изменить ситуацию к лучшему, снизить издержки от коррупции для экономик региона, а также выработать культуру честных деловых отношений и использования плодов процветания.

Для достижения этих целей Курс действий АТЭС по борьбе с коррупцией и обеспечению транспарентности рекомендовал каждой из экономик, в соответствии с основополагающими принципами национальных законодательств, реализовать следующие группы антикоррупционных мер.

1. Меры по ратификации или подписанию Конвенции ООН против коррупции и реализации ее положений, включающие рекомендации:

- интенсифицировать усилия в борьбе с коррупцией и другими проявлениями, противоречащими этике, укрепить культуру соблюдения транспарентности, обеспечить большую эффективность государственного управления, а также завершить все необходимые действия по ратификации, подписанию и реализации положений Конвенции ООН против коррупции;

- оказывать помощь экономикам АТЭС в наращивании потенциалов для содействия выполнению антикоррупционных положений Конвенции ООН против коррупции;

- укреплять международное сотрудничество по предотвращению и противодействию коррупции, как это зафиксировано в Конвенции ООН против коррупции, включая экстрадицию и взаимную юридическую помощь, восстановление и возвращение похищенных активов.

2. Меры по повышению эффективности мер по предотвращению и противодействию коррупции, а также обеспечению транспарентности посредством рекомендаций и помощи экономикам АТЭС, направленные на:

- установление объективных и прозрачных критериев, обеспечивающих открытость, беспристрастность и эффективность отбора государственных служащих, а также содействующих при этом проявлению высочайшего уровня компетентности и честности;

- принятие всех необходимых мер по повышению уровня транспарентности государственного управления, особенно в том, что касается его организации, функционирования и процесса принятия решений;

- разработку и внедрение должных механизмов или кодекса поведения в предоставлении информации о финансовом состоянии должностных лиц высокого уровня;

- принятие правительствами эффективных мер по обеспечению транспарентности и предотвращению коррупции, включая реализацию Стандартов транспарентности, принятых лидерами экономик АТЭС, в частности, в таких важных областях, как:

- государственные поставки,
- кредитно-денежная, финансовая и финансово-бюджетная политика,
- таможенные транзакции и мобильность деловых людей;

- оказание на взаимной основе максимально широкой правовой помощи в проведении расследований, подготовке обвинительных заключений и осуществлении других юридических процедур применительно к делам, связанным с коррупцией, и прочим нарушениям, предусмотренными Конвенцией ООН против коррупции;

- учреждение в каждой экономике АТЭС должных органов, наделенных сопоставимыми полномочиями по борьбе с коррупцией, включая возможность сотрудничества между судебными и правоохранительными органами и поиск возможностей для установления в регионе действенной сети таких органов.

3. Меры, направленные на отказ в безопасном убежище должностным лицам, обвиняемым в коррупции, содержащие рекомендации:

- развивать сотрудничество между органами финансовой разведки экономик АТЭС, в том числе, где это необходимо, путем создания надлежащих институциональных механизмов;

- поощрять экономики форума к принятию правил, предусматривающих, когда это оправданно, отказ в разрешении на въезд и предоставлении безопасного убежища коррумпированным должностным лицам, взяточникам и принадлежащим им активам, в соответствии с Конвенцией ООН против коррупции;

- в случае необходимости осуществлять пересмотренные 40 мер Международного комитета по противодействию отмыванию денег – ФАТФ (Financial Action Task Force), направленных на борьбу с отмыванием денег, а также Специальные рекомендации ФАТФ по предотвращению финансирования терроризма;

- проводить совместную работу в пределах возможностей каждой экономики с использованием механизмов Конвенции ООН против коррупции, ФАТФ или других международных инициатив и, в соответствии с национальным законодательством, в целях проведения расследований и судебных разбирательств в отношении преступлений, связанных с коррупцией, а также отслеживания, «замораживания» и возвращения прибыли, получаемой посредством коррупции.

4. Меры по борьбе с коррупцией в государственном и в частном секторе, включающие рекомендации:

- разрабатывать эффективные меры по противодействию любым формам взяточничества в соответствии с Конвенцией Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (Organization for Economic Cooperation and Development) по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок, другими антикоррупционными конвенциями или инициативами;

- принимать и поддерживать меры по предотвращению коррупции путем оптимизации стандартов отчетности, инспекций и аудита в государственном и частном секторе в соответствии с положениями Конвенции ООН против коррупции.

5. Меры по развитию сотрудничества между государственным и частным сектором, содержащие рекомендацию привлекать в соответствии с национальными законодательствами каждой экономики АТЭС не состоящих на государственной службе лиц или группы лиц, представляющих гражданское общество, неправительственные организации, общественные организации, а также частный сектор, к усилиям по борьбе с коррупцией, обеспечению транспарентности, должного управления, усилению систем подотчетности государственного финансового менеджмента и строгого соблюдения законодательства.

6. Меры по развитию сотрудничества между экономиками – участниками АТЭС в борьбе с коррупцией и обеспечении транспарентности в регионе, содержащие рекомендации:

- проводить совместную работу и активизировать действия по борьбе с коррупцией и обеспечению транспарентности в АТЭС, особенно с привлечением средств сотрудничества и информационного обмена в целях реализации стратегии выполнения уже существующих договоренностей по данным инициативам, принятых правительствами экономик, а также по координации взаимодействия с другими соответствующими рабочими органами в рамках АТЭС;

- где это необходимо, координировать действия в рамках других инициатив по антикоррупции и транспарентности, включая инициативы Конвенции ООН против коррупции, Конвенцию ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при совершении международных коммерческих сделок, ФАТФ, совместный План действий Азиатского банка развития (АзБР) (Asian Development Bank) и ОЭСР по борьбе с коррупцией в АТР, а также Межамериканскую конвенцию против коррупции;

- налаживать более тесное сотрудничество, где это необходимо, между АТЭС и ОЭСР, включая организацию совместного семинара АТЭС – ОЭСР по антикоррупции, а также изучить аналогичные возможности совместного партнерства, проведения семинаров с ООН, АзБР, Организацией американских государств (ОАГ), Всемирным банком, Всемирным форумом по борьбе с коррупцией и гарантиям беспристрастности, а также с другими соответствующими многосторонними межправительственными организациями;

- разработать и запустить инновационные, скоординированные и адресные учебные программы и механизмы наращивания потенциалов (например, учебную программу АТЭС по борьбе с коррупцией и транспарентности), региональную общественно-пропагандистскую программу или другие инициативы, которые обеспечивают проведение в регионе технических экспертиз и повышение информированности общества;

- поощрять все заинтересованные экономики к подписанию двусторонних и многосторонних соглашений в целях оказания содействия и развития сотрудничества в сферах, охваченных Конвенцией ООН против коррупции.

Курс действий также включал антикоррупционную инициативу АТЭС «От Сантьяго до Пусана», согласно которой предусматривалось:

- в 2005 г. создать специальную группу экспертов по борьбе с коррупцией в целях оказания консультационного содействия старшим должностным лицам АТЭС. Мандат специальной группы должен быть разработан для одобрения старшими должностными лицами к первому их заседанию в 2005 г.;

- совершенствовать Курс действий АТЭС по борьбе с коррупцией и обеспечению транспарентности с целью его эффективного внедрения и контроля за выполнением всеми экономиками АТЭС;

- поощрять экономики форума вводить в практику, где это оправданно, меры и механизмы, зафиксированные в Конвенции ООН против коррупции;

- внедрить Стандарты транспарентности АТЭС в национальные законодательства к 2005 г.;

- рекомендовать любые дополнительные действия по борьбе с коррупцией и обеспечению транспарентности, включая выработку конкретных критериев, гарантирующих принятие соответствующих мер и осуществление согласованных решений каждой экономикой – участницей АТЭС;

- в 2005 г. в рамках АТЭС организовать Симпозиум по борьбе с коррупцией и обеспечению транспарентности* в целях обзора достижений экономик форума в деле борьбы с коррупцией и обеспечения транспарентности, обсуждения дальнейшего сотрудничества по осуществлению дополнительных действий, которые следовало бы включить в программу работы АТЭС.

С учетом итогов рассмотрения на этом симпозиуме вопросов противодействия коррупции в Совместном заявлении, принятом на семнадцатом совещании министров иностранных дел и министров торговли АТЭС в Пусане (Республика Корея) 15–16 ноября 2005 г., констатировалось, что коррупция:

- снижает экономическую динамику,
- ослабляет демократические институты и правопорядок,
- подрывает социальный порядок и разрушает общественное доверие,
- создает почву для процветания организованной преступности, терроризма и других угроз безопасности личности.

Рассматривая коррупцию как одно из серьезнейших препятствий на пути АТЭС к открытой и свободной торговле, к быстрому экономическому развитию и процветанию, министры признали, что поставленная АТЭС цель экономического процветания не может быть достигнута, если проблема коррупции, как во внутренних, так и в международных деловых операциях, не будет эффективно решаться, а обвиняемым в коррупции должностным лицам не будет отказано в безопасном убежище.

При этом они призвали экономики – участницы АТЭС принять все необходимые меры для ратификации и эффективного выполнения Конвенции

* Симпозиум АТЭС по борьбе с коррупцией и обеспечению транспарентности был проведен в 2005 г. в Республике Корея.

ООН против коррупции с тем, чтобы сделать выполнение её положений своим главным приоритетом.

Вопросы противодействия коррупции нашли отражение и в Декларации лидеров экономик форума АТЭС, принятой 19 ноября 2005 г. в Пусане.

В этой декларации фиксировалось согласие лидеров экономик АТЭС:

- активизировать региональное сотрудничество в отказе в безопасном убежище как должностным лицам и отдельным гражданам, виновным в коррупции и подкупе, так и незаконно приобретенным им средствам;

- наказывать лиц, занимающихся взяточничеством, в том числе в сфере международных деловых операций;

- в целях создания честного и транспарентного сообщества в АТР имплементировать экономиками – участницами АТЭС положения Конвенции ООН против коррупции в национальные законодательства.

Кроме того, отмечалось, что форум АТЭС намерен и в дальнейшем стремиться к принятию мер по борьбе с коррупцией.

Это нашло отражение уже в следующей декларации лидеров экономик форума АТЭС (19 ноября 2006 г., Ханой), в которой отмечалась проделанная антикоррупционная работа, включающая:

- признание коррупции одним из наиболее серьезных препятствий на пути экономического и социального развития;

- достижение согласия бороться с коррупцией и поощрять упрочение устоев добросовестности в обществе;

- обеспечение соблюдения законодательства в области борьбы с коррупцией, осуществления правоохранительных действий в отношении коррупционеров и их судебного преследования, а также отказа в предоставлении безопасного убежища;

- утверждение мер по пресечению коррупции, укреплению основ управления и повышению надежности рынков АТЭС в качестве одного из ключевых проектов АТЭС, представленных на рассмотрение в 2006 г.

Обращалось внимание на необходимость эффективной реализации инициатив Группы экспертов по борьбе с коррупцией, а также завершения в 2007 г. составления отчетов о выполнении обязательств в области борьбы с коррупцией и обеспечения транспарентности.

На саммите АТЭС 2007 г. лидерами экономик были одобрены подготовленные Группой экспертов по борьбе с коррупцией следующие документы антикоррупционной направленности:

- типовой Кодекс поведения для бизнеса *;

- типовой Кодекс поведения государственных служащих **;

* Иногда переводится как «Кодекс поведения для деловых кругов». На саммите Австралия, Вьетнам и Чили заявили о своем намерении на экспериментальной основе использовать этот кодекс в отношении национальных малых и средних предприятий, что нашло отражение в Совместном заявлении министров иностранных дел и министров торговли АТЭС (Сидней, 5–6 сентября 2007 г.).

** В ряде случаев переводится как «Кодекс принципов поведения государственных должностных лиц».

- дополнительные (взаимодополняющие) «Принципы недопущения коррупции для частного и государственного секторов»;

- Заявление АТЭС «Активизация международного правового сотрудничества в целях борьбы с коррупцией».

В Декларации лидеров экономик форума АТЭС «К укреплению нашего сообщества к строительству устойчивого будущего» (9 сентября 2007 г., Сидней) акцентировано внимание на принятие этих документов в контексте подтверждения приверженности борьбы с коррупцией и продвижения основ добросовестного управления в целях обеспечения экономического процветания и создания предсказуемой предпринимательской среды.

Форум АТЭС 2008 г. расширил антикоррупционный инструментарий АТЭС. Так, на нем были одобрены:

- Лимская декларация о борьбе с коррупцией;

- Руководство АТЭС по частно-государственному партнерству в противодействии коррупции.

Кроме того, как отмечено в Совместном заявлении министров иностранных дел и министров торговли экономик – участниц АТЭС (19–20 ноября 2008 г., Лима), было достигнуто согласие о дальнейшем укреплении международного сотрудничества в противодействии коррупции и отмыванию денег в соответствии со стандартами Международной группы финансовых действий по борьбе с отмыванием доходов (ФАТФ).

Констатируя в заявлении, что международное правовое сотрудничество является важным для предотвращения, расследования, судебного преследования и наказания за серьезные коррупционные и финансовые преступления, а также для изъятия и возвращения доходов от коррупции, министры призвали экономики к совместной работе по продвижению более жестких стандартов отчетности и устранению проблем в управлении, порождаемых в результате злоупотребления чиновниками своим служебным положением.

Была дана оценка и антикоррупционным мерам, принимаемым на национальных уровнях. Так, министры высоко оценили усилия экономик АТЭС по разработке всеобъемлющих антикоррупционных стратегий, включая усилия по восстановлению доверия в обществе, обеспечению добросовестности в государственном и рыночном управлении, а также выразили свою приверженность ликвидации противозаконных транснациональных структур и недопущению нелегального использования финансовых систем отдельными коррупционными элементами и организованными преступными группами, указав на необходимость сотрудничества между органами финансовой разведки и правоохранительными учреждениями для пресечения коррупционных платежей и нелегальных финансовых потоков (эти позиции нашли отражение и в Декларации лидеров экономик АТЭС «Новые обязательства по развитию АТЭС» (23 ноября 2008 г., Лима).

В 2009 г. на форуме АТЭС были одобрены:

- Сингапурская декларация по борьбе с коррупцией, укреплению государственного управления и усилению цельности институтов;

- Руководящие рекомендации АТЭС по укреплению государственного управления и борьбе с коррупцией.

Кроме того, в Декларации лидеров экономик форума АТЭС «К устойчивому развитию и укреплению региональных связей» (15 ноября 2009 г., Сингапур) содержался призыв к экономикам – участницам АТЭС ратифицировать не только Конвенцию ООН против коррупции, но и Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности.

В последующих решениях, например, в Совместном заявлении совещания министров иностранных дел и министров торговли экономик – участниц АТЭС в Иокогаме (10–11 ноября 2010 г.), эти конвенции уже упоминались вместе как договорная основа для искоренения коррумпированных и нелегальных сетей в АТР. При этом на форуме 2010 г. лидеры экономик АТЭС заявили о приверженности противодействию коррупции и обеспечению прозрачности (транспарентности), включая совместные действия по борьбе с незаконной торговлей и ликвидацией транснациональных преступных сетей в АТР.

На саммите АТЭС в 2011 г. в Гонолулу обсуждались такие вопросы из блока противодействия коррупции, как незаконная торговля, репатриация активов, полученных в результате коррупции, раскрытие информации о доходах и имуществе госслужащих, реализация положений Конвенции ООН против коррупции, отчеты экономик по принимаемым им мерам по борьбе с коррупцией и самостоятельная оценка данных усилий.

В Декларацию лидеров экономик АТЭС 2012 г. на саммите, проходившем во Владивостоке, было включено специальное приложение «Борьба с коррупцией и обеспечение транспарентности» («Fighting Corruption and Ensuring Transparency»), в котором вновь отмечена угроза коррупции для экономик региона. В нем, в частности, лидеры экономик констатировали взаимосвязь между борьбой с коррупцией и прогрессом в экономическом и социальном развитии, указав, что коррупция сдерживает инвестиции, в том числе – иностранные, препятствует развитию конкуренции, повышает стоимость инфраструктурных проектов и коммунальных услуг. Они выступили за обеспечение транспарентности государственных секторов экономик, за снижение административных барьеров, за контроль принятия национальных законов против коррупции, подтвердив приверженность обязательствам, отраженным в Сантьягской декларации в поддержку борьбы с коррупцией, и наметили Курс действий АТЭС по борьбе с коррупцией и обеспечению транспарентности.

К ключевым антикоррупционным положениям принятых во Владивостоке документов относятся: реализация взятых на себя экономикой АТЭС международных обязательств по борьбе с коррупцией, в первую очередь вытекающих из Конвенции ООН против коррупции; укрепление антикоррупционных структур и содействие региональному антикоррупционному взаимодействию; поддержка государственно-частных партнерств и привлечение частного сектора к борьбе с коррупцией; повышение прозрач-

ности, добросовестности и качества управления в госсекторе; строгий контроль за соблюдением антикоррупционного законодательства; решительная борьба с отмыванием денег и незаконной торговлей как элементами коррупционных преступлений; строгие меры по изъятию средств, полученных преступным путем в результате коррупционных преступлений.

В 2013 г. саммит АТЭС прошел в Индонезии на острове Бали. Местами проведения последующих саммитов АТЭС определены: в 2014 г. – Китай (г. Пекин, ноябрь 2014 г.), 2015 г. – Филиппины, 2016 г. – Перу.

В основе разноплановых и системных усилий по противодействию коррупции, последовательно предпринимаемых экономиками АТЭС, лежат базовые положения основных для стран АТР антикоррупционных международных конвенций, к каковым относятся: Межамериканская конвенция против коррупции (1996 г.), Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (1997 г.), Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.) и Конвенция ООН против коррупции (2003 г.) [5, с. 7–104, 524–567].

В силу различных причин не все экономики АТЭС являются участниками этих конвенций. Так, например, в силу невозможности присоединения к этим международным договорам Гонконга и Тайваня, названные территории вовлечены в совместную антикоррупционную деятельность экономик региона через антикоррупционные органы АТЭС.

Следует также учитывать, что ряд стран (экономик) – участниц АТЭС являются членами «Большой двадцатки», в рамках которой приняты Руководящие принципы «Большой двадцатки» по исполнению мер по противодействию взяточничеству в отношении иностранных должностных лиц и Руководящих принципов «Большой двадцатки» по борьбе с вымогательством. Членство этих стран в «Большой двадцатке» оказывает влияние на характер принимаемых в рамках АТЭС антикоррупционных решений.

Антикоррупционные органы АТЭС

В соответствии с решениями саммита в Сантьяго, и в частности антикоррупционной инициативой АТЭС «От Сантьяго до Пусана», создан профильный антикоррупционный орган АТЭС – специальная (ad hoc) группа экспертов по борьбе с коррупцией (Anti-Corruption and Transparency Experts Task Force, АСТ). Первое заседание группы экспертов по борьбе с коррупцией (далее по тексту – ГБК) состоялось в сентябре 2005 г. в Республике Корея.

Основные задачи этой группы по борьбе с коррупцией связаны с координацией выполнения Сантьягской декларации в поддержку борьбы с коррупцией и обеспечения транспарентности, Курса действий АТЭС по борьбе с коррупцией и обеспечению транспарентности и Стандартов транспарентности АТЭС.

Решениями форума АТЭС 2005 г. в Пусане был введен механизм обзора выполнения экономиками АТЭС антикоррупционных требований. При

этом министры призвали все экономики-участницы представлять в ГБК ежегодные отчеты о ходе выполнения ими обязательств в рамках АТЭС по борьбе с коррупцией.

На форуме 2010 г. в Йокогаме лидеры экономик АТЭС поручили ГБК совершенствовать антикоррупционный мониторинг и регулярно информировать (представлять отчеты) об усилиях, принятых экономиками по выполнению взятых на себя обязательств по повышению прозрачности и искоренению коррупции.

С учетом важности этих задач в 2011 г. статус ГБК был повышен до рабочей группы АТЭС. В настоящее время ГБК также отвечает за развитие сотрудничества по таким вопросам, как экстрадиция, правовая помощь и содействие в преследовании за коррупцию, конфискация и репатриация активов, полученных в результате коррупции, взаимодействие с экспертами по борьбе с коррупцией и сотрудниками правоохранительных органов экономик АТЭС.

В пределах своей компетенции ГБК участвует в подготовке форумов АТЭС, работая над соответствующими антикоррупционными документами и инициативами. Так, к задачам ГБК относится выработка рекомендаций для старших должностных лиц и лидеров АТЭС в сфере борьбы с коррупцией, подготовка проектов итоговых документов, поддержка информационного сайта АТЭС антикоррупционной направленности, проведение различных семинаров и конференций по антикоррупционной тематике в целях обмена опытом противодействия коррупции.

Так, в год председательства России в АТЭС в Москве 2–3 февраля 2012 г. прошло 14-е заседание ГБК, на котором были обсуждены вопросы, связанные с состоявшимся повышением статуса ГБК со специальной до рабочей группы АТЭС; принятием форм отчетности о борьбе с коррупцией и повышении прозрачности; разработкой принципов АТЭС по раскрытию финансовых и имущественных данных госслужащих; развитием сотрудничества с другими органами АТЭС по вопросам борьбы с коррупцией. С 20 мая по 5 июня 2012 г. в Казани проведен комплекс мероприятий в рамках форума АТЭС, включая семинар на тему «Борьба с подкупом должностных лиц иностранных государств в странах и территориях АТЭС», организованный совместно ГБК и ОЭСР.

Реализуя достигнутые на саммите АТЭС-2012 договоренности, ГБК в июне 2013 г. в г. Сантьяго (Чили) проведен очередной экспертный семинар форума по теме «Разработка эффективных стратегий уголовного преследования по уголовным делам о коррупции и отмывании преступных доходов в целях привлечения виновных лиц к уголовной ответственности и возврата похищенных активов», в котором приняли участие помимо представителей экономик АТЭС специалисты из Базельского института управления (Швейцария) и Консалтингового бюро интернет-расследований (Великобритания). С их участием на семинаре была рассмотрены вопросы, связанные с использованием современной интернет-валюты (криптовалюты)

«Биткойн» («Bitcoin»), позволяющей быстро и анонимно совершать платежи [3, с. 179–253].

В ходе индонезийского председательства в форуме АТЭС (2013 г.) в рамках ГБК была разработана инициатива об учреждении Региональной антикоррупционной сети для правоохранительных органов Межправительственного форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (РАКС АТЭС), призванной содействовать активному взаимодействию между экономиками АТЭС по наиболее значимым вопросам борьбы с коррупцией. Решение о создании РАКС АТЭС закреплено в итоговой декларации лидеров АТЭС. Первое заседание РАКС АТЭС прошло в Пекине в августе 2014 г.

РАКС АТЭС рассматривается как площадка для двустороннего и многостороннего сотрудничества, основанного преимущественно на диалоговом формате взаимодействия с акцентом на обмен передовым опытом, наращивание антикоррупционного потенциала путем проведения различного рода экспертных мероприятий и реализации обучающих программ, а также сотрудничества по конкретным уголовным делам.

При этом принципиальным условием создания и функционирования РАКС АТЭС является отсутствие каких-либо обязывающих механизмов. Экономике АТЭС исходят из необходимости соблюдения консультативного формата работы РАКС АТЭС, основываясь на принципах строгого соблюдения положений национальных законодательств, конфиденциальности обсуждаемых вопросов и открытого характера дискуссии.

Непосредственной задачей РАКС АТЭС также является поиск точек соприкосновения и упрощенного прямого взаимодействия между ведомствами представленных в ней стран на рабочем уровне.

В этой связи важным элементом эффективного функционирования РАКС АТЭС является институт контактных лиц из числа сотрудников национальных правоохранительных ведомств*.

Фактически в настоящее время идет процесс становления РАКС АТЭС как функционального антикоррупционного органа.

В настоящей статье рассмотрена лишь одна – антикоррупционная составляющая деятельности АТЭС, но и на этом примере видно, что АТЭС представляет собой уникальный институт современных международных отношений с огромным потенциалом для развития дальнейшего сотрудничества экономик АТР – участниц форума. При этом антикоррупционная составляющая деятельности АТЭС, на наш взгляд, становится одним из главных направлений деятельности этого форума, так как противодействие коррупции является важнейшим условием обеспечения экономического роста и благополучия в странах – участницах форума, повышения их инвестиционной привлекательности.

* На данный момент координатором российского участия в РАКС АТЭС является Следственный комитет Российской Федерации. Представитель Следственного комитета Российской Федерации определен в качестве национального контактного лица в РАКС АТЭС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, А. Л. Россия и объединения стран АТР / А. Л. Абрамов, В. И. Курилов, И. И. Меламед, Е. А. Терентьева // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2012. – № 2(26). – С. 11–21.
2. Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество: вчера, сегодня, завтра : монография / В. И. Курилов [и др.]. – Владивосток : Издательство Дальневосточного федерального университета, 2010. – 568 с.
3. Ларина, В. Кибервойны XXI века: О чем умолчал Эдвард Сноуден / В. Ларина, В. Овчинский. – М. : Книжный мир, 2014. – 352 с.
4. Перспективы сотрудничества России со странами АТР : монография / В. И. Курилов [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2010. – 208 с.
5. Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов : сб. документов / сост. В. С. Овчинский. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 640 с.
6. Михайлов, В. И. Нормативно-правовое обеспечение государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции // Правовые инновации в сфере противодействия коррупции : материалы Первого Евразийского антикоррупционного форума и VII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 30–31 мая 2012 г.) / отв. ред. Л. В. Андриченко, А. М. Цирин. – М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; Юридическая фирма «Контракт», 2012. – С. 101–103.
7. Федоров, А. В. Антикоррупционная составляющая деятельности АТЭС // Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование) : монография / под ред. Т. Я. Хабриевой. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; ИНФРА-М, 2014. – С. 184–201.
8. Федоров, А. В. АТЭС : вопросы противодействия коррупции // Учен. зап. Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Рос. тамож. акад. – 2013. – № 3(47). – С. 95–112.

REFERENCES

1. Abramov A.L., Kurilov V.I., Melamed I.I., Terent'eva E.A. Rossiya i ob"edineniya stran ATR [Russia and the Association of Asia Pacific countries]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo = Pacific RIM: economics, politics, law*, 2012, no. 2(26), pp. 11–21.
2. Kurilov V.I., Melamed I.I., Terent'eva E.A., Abramov A.L., Lukin A.L. *Aziatsko-Tikhookeanskoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo: vchera, segodnya, zavtra* [Asia-Pacific economic cooperation: yesterday, today, tomorrow]. Vladivostok: Far Eastern Federal. Univ. Publ., 2010. 568 p.

3. Larina V., Ovchinskii V. *Kibervoiny XXI veka : O chem umolchal Edvard Snouden* [Century Cyberwar XXI century. What were concealed by Edward Snowden]. Moscow: Knizhnyi mir Publ., 2014. 352 p.

4. Kurilov V.I., Melamed I.I., Dyaghilev A.A., Abramov A.L., Andreev Y.A. *Perspektivy sotrudnichestva Rossii so stranami ATR* [Prospects of Russia's cooperation with Asia Pacific countries]. 2nd ed., revised and enlarged extra. Vladivostok: Far Eastern Fed. Univ. Publ., 2010. 208 p.

5. *Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s korrupsiei i otmyvaniem prestupnykh dokhodov : sb. dokumentov* [The international legal framework for combating corruption and money laundering: Sat. documents]. Comp. V.S. Ovchinskii. Moscow: INFRA-M Publ., 2004. 640 p.

6. Mikhailov V.I. Normativno-pravovoe obespechenie gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti protivodeistviya korrupsii [Normative-legal support of the state policy of the Russian Federation in the field of combating corruption]. *Pravovye innovatsii v sfere protivodeistviya korrupsii : materialy Pervogo Evraziiskogo antikorrupsionnogo foruma i VII Mezhdunarodnoi shkoly-praktikuma molodykh uchenykh-yuristov (Moskva, 30–31 maya 2012 g.)* [Legal innovations in the field of combating corruption: proceedings of the First Eurasian anti-corruption forum and VII International school-workshop of young scientists-lawyers (Moscow, 30-31 may 2012)]. Moscow: Legal firm "Contract" Publ., 2012, pp. 101–103.

7. Fedorov A.V. Antikorrupsionnaya sostavlyayushchaya deyatel'nosti ATEC [Anti-Corruption component of the activities of the APEC]. *Globalizatsiya i integratsionnye protsessy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione (pravovoe i ekonomicheskoe issledovanie)* [Globalization and integration processes in the Asia-Pacific region (legal and economic research): monograph]. Ed. T. Ya. Khabrieva. Moscow: INFRA-M Publ., 2014, pp. 184–201.

8. Fedorov A.V. [APEC: countering corruption]. *Uchen. zap. Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Ros. tamozh. akad.* [Sci. notes of the St. Petersburg name V.B. have been Bobkova branch of the Russian customs Acad.], 2013, no. 3(47), pp. 95–112.

ЭКОНОМИКА РЕГИОНА

REGIONAL ECONOMY

Арапова Екатерина Яковлевна, кандидат экономических наук, начальник отдела, эксперт МГИМО (У) МИД России, г. Москва. E-mail: arapova_katrin@mail.ru

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

В связи с падением темпов роста мировой торговли, главным образом за счет снижения спроса группы развитых стран Запада, а также изменением «баланса сил» в мировой экономике, государства Восточной Азии, в первую очередь развивающиеся, сталкиваются с необходимостью пересмотра национальных стратегий экономического развития и диверсификации источников экономического роста. Цель настоящего исследования заключается в выявлении современных тенденций в поиске новых источников экономического роста на фоне замедления темпов мировой торговли и необходимости повышения региональной финансовой стабильности. В настоящей работе с помощью методов качественного и количественного анализа выявлены современные изменения в формировании стратегий экономического роста государств Восточной Азии, изучены направления их экономической политики, нацеленные на стимулирование внутреннего спроса и инвестиций, снижение нормы сбережений и смягчение проблемы глобальных дисбалансов. Автором выявлены общерегиональные тенденции перехода от экономических стратегий, движимых, главным образом, внешней торговлей, к расширению внутреннего потребления и инвестирования. Результаты проведенного исследования заключаются в систематизации ключевых тенденций в изменении стратегий экономического роста государств Восточной Азии. Автором сделан вывод о том, что в последние годы (2010–2014 гг.) происходят постепенное снижение «вклада» внешней торговли в прирост ВВП азиатских государств, активизация обмена инвестициями по сравнению с наращиванием торговых потоков, а также формирование модели экономического роста, определяемой внутренним спросом, благодаря активному использованию инструментов налогово-бюджетной и денежно-кредитной политик, направленному на стимулирование внутреннего потребления и расширение частного сектора.

Ключевые слова: Восточная Азия, региональная торговля, внутренний спрос, стратегия экономического развития, инвестиции, норма сбережений, торговый протекционизм, диверсификация источников роста.

Ekaterina Y. Arapova, Cand. Sci (Economics), Head of Department, Expert, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow. E-mail: arapova_katrin@mail.ru

EAST ASIA: DIVERSIFICATION OF ECONOMIC GROWTH SOURCES

Restrained pace of the world trade, stemming mainly from lower demand of western developed countries, and “balance of power” shifts in global economy compel East Asian countries, mainly developing ones, to revise their national economic strategies and diversify the sources of economic growth. The main goal of the research is to reveal the contemporary trends in searching for new sources of economic growth by East Asian countries amid the lower pace of global trade and the need to enhance a regional financial stability. Using techniques of quantitative and qualitative analysis, the author examines the contemporary shifts in East Asian countries’ strategies of economic growth. The author examines East Asian countries’ measures that aim to stimulate domestic demand and investments, to lower saving rates and to reduce global imbalances; the author also reveals a regional shift from economic strategies, led mainly by foreign trade towards higher domestic demand and investments. The research has resulted in structuring the core trends in the changes of East Asian countries’ economic growth strategies. Recent years (2010-2014) have seen a gradual lowering of foreign trade “contribution” to East Asian countries’ GDP augmentation, more active exchange of investments in comparison with the trade development, and formation of economic growth model towards higher domestic demand and better developed private sector, stimulated by fiscal and monetary instruments.

Key words: East Asia, regional trade, domestic demand, economic growth strategy, investments, saving rate, trade protectionism, diversification of economic growth sources.

За период с 2010 г. по 2013 г. годовой темп прироста мировой торговли товарами сократился с 12,8% до 3% [3, с. 203], что было связано в первую очередь с резким падением спроса со стороны государств ЕС (в 2012 году физический объем товарного импорта в ЕС сократился на 2,8%, а стоимостной – на 5% [1, с. 5]). При этом замедлился рост цен на сырьевые товары, и, по оценкам экспертов ЮНКТАД, цены на сырье в последующие годы не будут расти теми темпами, какими они росли на протяжении последнего десятилетия [1].

Глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. значительно изменил «баланс сил» в мировой экономике, однако его последствия оказались даже глубже и серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Помимо того, что кризис выявил необходимость реформирования глобальной мировой финансовой архитектуры, следствием чего стали выработка и активное

внедрение международных правил ведения банковской деятельности Базель III, ужесточающих требования к капиталу банков, создание ряда межрегиональных финансовых институтов, в частности банка развития и фонда международного резерва БРИКС и проч., кризис значительно повлиял на модели и стратегии экономического роста развивающихся стран, в частности, государств Восточной Азии.

В последние годы в Азии происходит диверсификация источников роста. От модели, движимой расширением внешней торговли, азиатские государства постепенно переходят к относительно более быстрому накоплению инвестиций и стимулированию внутреннего спроса.

Частично этот процесс обусловлен мерами экономической политики, реализацией стратегий экономического развития, разработанных на уровне органов исполнительной власти и продиктованных необходимостью устранить диспропорции и дисбалансы внутреннего экономического развития на уровне национальной экономической системы. Примером подобного развития событий является Китай. С другой стороны, относительное снижение интенсивности внешней торговли и снижение спроса на внешних рынках (в первую очередь, со стороны развитых стран) ведет к снижению региональных и общемировых темпов экономического роста.

Это, в свою очередь, вынуждает государства более активно задействовать внутренние ресурсы, концентрироваться на поиске новых источников роста (в частности, стимулировать внутренние инвестиции и потребление), а в ряде случаев и прибегать к протекционизму, главным образом путем введения нетарифных ограничений. Таким образом, образуется «замкнутый круг», следствием которого может стать кардинальное изменение модели экономического роста в Азиатском регионе, располагающем высокими международными резервами, значительным (и часто не в полной мере реализованным) производственным потенциалом и высокой склонностью к сбережению.

«В 2012 году, как и в предыдущие годы, высокие темпы роста наблюдались в странах Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии (5,3%), однако в последнее время рост в этих странах замедлился из-за снижения спроса со стороны некоторых крупных экспортных рынков. В Китае сохраняется тенденция к сокращению «вклада» чистого экспорта в обеспечение роста ВВП, в то время как инвестиции в основной капитал и частное потребление, увеличившиеся благодаря ускорившемуся росту заработной платы, продолжают стимулировать рост производства. Внутренний спрос, поощряемый различными мерами политики в области доходов, служит драйвером роста производства и в ряде других стран региона, в том числе в Индии, Индонезии, Таиланде и на Филиппинах» [1, с. iv].

Тенденции внешней торговли

Пока еще рано говорить об отходе от экспортно-ориентированной модели экономического развития, которая была характерной чертой Азиатского региона на протяжении нескольких десятилетий и обеспечила азиат-

ским государствам значительную долю прироста ВВП. Однако в последние годы наметились тенденции изменения динамики внешней торговли: происходило замедление темпов прироста внешней торговли при опережении импорта, что вело к резкому сокращению профицита торгового баланса, а с отдельными торговыми партнерами – накоплению дефицита.

Только за последние пару лет темп прироста экспорта стран АСЕАН сократился с 18,31% в 2011 г. до 1,84% в 2013 г., показатели по импорту – с 21,5% до 3,22% за аналогичный период (табл. 1). Профицит торгового баланса с 2010 г. сократился почти в девять раз: с более 100 млрд долл. до 11,91 млрд долл.

Таблица 1

**Динамика показателей внешней торговли стран АСЕАН,
2010–2013**

Годы	2010	2011	2012	2013
Торговля товарами				
Экспорт, млрд долл.	1051,791699	1244,414077	1254,502684	1277,606019
Темп прироста, %		18,31	0,81	1,84
Импорт, млрд долл.	951,641393	1156,202205	1226,186911	1265,694611
Темп прироста, %		21,50	6,05	3,22
Сальдо торгового баланса, млрд долл.	100,150306	88,211872	28,315773	11,911408
Торговля услугами				
Экспорт услуг АСЕАН, млрд долл.	206,0459	239,4576	260,7836	278,6659
Темп прироста экспорта, %	20,85	16,22	8,91	6,86
Импорт услуг АСЕАН, млрд долл.	229,4309	263,2335	282,1208	293,6139
Темп прироста импорта, %	20,35	14,73	7,18	4,07

Источник: International Trade Center. Trade Map. Trade statistics for international business development. Available at: [http://www.trademap.org/Product_Sel Country_TS.aspx](http://www.trademap.org/Product_Sel_Country_TS.aspx).

На фоне значительного замедления роста торговли товарами, динамика торговли услугами государств АСЕАН оказалась относительно более благоприятной. Был существенно облегчен доступ производителей услуг из одних государств на рынки других стран – членов АСЕАН, был достигнут значительный прогресс, выразившийся в расширении номенклатуры предоставляемых услуг, их диверсификации и повышении конкурентоспособности. Большое значение имеет повышение мобильности высокопрофессиональных специалистов, предоставляющих разнообразные виды услуг внутри региона. В результате за период с 2009 г. по 2013 г. общий оборот услуг Ассоциации вырос на 58,5%. Однако тенденция замедления темпов прироста торговли

была характерна и для услуг. На протяжении исследуемого периода они оставались несколько выше соответствующих показателей внешней торговли товарами, кроме того, экспорт рос опережающими темпами по сравнению с импортом, однако при этом с 2010 г. темпы прироста сократились с более чем 20% до 6,86% по экспорту и до – 4,07% по импорту.

Таблица 2

**Динамика показателей внешней торговли
товарами государств Северо-Восточной Азии**

Годы	2009	2010	2011	2012	2013
Китай					
Экспорт, млрд долл.	1201,6468	1577,7638	1898,3884	2048,7822	2210,52266
Темп прироста, %		31,30	20,32	7,92	7,89
Импорт, млрд долл.	1005,5552	1396,0016	1743,3949	1818,1992	1949,93469
Темп прироста, %		38,83	24,88	4,29	7,25
Торговый баланс, млрд долл.	196,0916	181,7622	154,9935	230,583	260,587971
Доля к экспорту, %	16,32	11,52	8,16	11,25	11,79
Япония					
Экспорт, млрд долл.	580,71873	769,77383	823,18376	798,56759	715,097244
Темп прироста, %		32,56	6,94	-2,99	-10,45
Импорт, млрд долл.	551,98475	694,05916	855,38047	885,84334	833,166061
Темп прироста, %		25,74	23,24	3,56	-5,95
Торговый баланс, млрд долл.	28,733983	75,714672	-32,196715	-87,275747	-118,068817
Доля к экспорту, %	4,95	9,84	-3,91	-10,93	-16,51
Республика Корея					
Экспорт, млрд долл.	363,53106	466,38062	555,2089	547,85445	559,618559
Темп прироста, %		28,29	19,05	-1,32	2,15
Импорт, млрд долл.	323,08168	425,20801	524,40522	519,5756	515,57297
Темп прироста, %		31,61	23,33	-0,92	-0,77
Торговый баланс, млрд долл.	40,449388	41,172613	30,803674	28,278851	44,045589
Доля к экспорту, %	11,13	8,83	5,55	5,16	7,87

Источник: International Trade Center. Trade Map. Trade statistics for international business development. Available at: http://www.trademap.org/Product_Sel Country_TS.aspx.

Среди государств Северо-Восточной Азии наиболее высокими темпами росли показатели внешней торговли Китая, при этом в 2013 г. темп прироста экспорта замедлился почти в 4 раза по сравнению с соответствующим показателем 2010 г., по импорту – более чем в 5 раз за аналогичный период (табл. 2). Отрицательный прирост как экспорта, так и импорта был отмечен в Японии, что привело к резкому накоплению дефицита торгового баланса. Относительно более благоприятной оказалась динамика показателей внешней торговли Республики Корея: при общем замедлении темпов роста, по сравнению с показателями 2010 г., положительный прирост по экспорту и отрицательный – по импорту позволили увеличить положительное сальдо баланса торговли товарами.

Тенденции внутрирегиональной торговли

Общее замедление темпов роста внешней торговли стран АСЕАН в последние годы стало, в том числе, результатом снижения интенсивности торговли с Китаем. Однако относительно динамики торговли с другими странами, как внутри азиатского региона, так и вне его, темпы прироста торговли с Китаем были выше, что обеспечило повышение доли этой страны в товарообороте АСЕАН, закрепив за ним роль лидера. Тем не менее, именно торговля с Китаем лишила АСЕАН возможности накапливать международные резервы за счет расширения чистого экспорта. Из-за резкого роста в последние два года дефицита торгового баланса между АСЕАН и Китаем, который традиционно был характерен для их взаимной торговли, существенно сократился общий профицит счета текущих операций АСЕАН (табл. 3).

В отношениях с Японией в последние пять лет также наблюдалась устойчивая тенденция постепенного уменьшения темпов прироста показателей взаимного товарооборота, более того, в 2013 г. прирост как по экспорту, так и по импорту, а соответственно по товарообороту в целом, был отрицательным. Тем не менее, важно, что в 2013 г. странам АСЕАН удалось достичь профицита торгового баланса в торговле с Японией.

Повышение значимости Республики Корея в качестве торгового партнера стран АСЕАН и доли страны во внешнеторговом товарообороте Ассоциации стало следствием наращивания импорта. За четыре года в структуре импорта АСЕАН из Республики Корея значительно возросла доля высокотехнологичных товаров при сокращении доли продукции сырьевого сектора. В частности, доля импортируемого АСЕАН электрического и электронного оборудования выросла с 28,1% до 33,5%. При этом значительный разрыв в объемах экспорта и импорта АСЕАН повлек за собой накопление значительного дефицита внешнеторгового баланса.

Индия стала одной из немногих стран – торговых партнеров АСЕАН в азиатском регионе, с которыми у неё сложился положительный торговый баланс, хотя и неуклонно сокращавшийся на протяжении последних четырех лет. Отрицательный темп прироста экспорта компенсировался относительно большим положительным приростом потоков импорта, что позво-

лило Индии сохранить долю в товарообороте на уровне 2,94%, наблюдавшуюся в 2011 г.

Таблица 3

**Динамика торговых связей АСЕАН
с региональными торговыми партнерами,
2009–2013 гг.**

Страна	Показатель	2009	2010	2011	2012	2013
Китай	Экспорт, млрд долл.	82,67843	113,7748	143,7392	142,827	156,82
	Темп прироста, %		37,61	26,34	-0,63	9,80
	Импорт, млрд долл.	98,59886	127,1666	158,2418	180,5861	215,097
	Темп прироста, %		28,97	24,44	14,12	19,11
	Торговый баланс, млрд долл.	-15,9204	-13,3918	-14,5026	-37,7591	-58,277
Япония	Экспорт, млрд долл.	78,3787	103,0557	128,5986	128,3993	124,0042
	Темп прироста, %		31,48	24,79	-0,15	-3,42
	Импорт, млрд долл.	82,81679	116,9633	127,6334	136,6142	116,4138
	Темп прироста, %		41,23	9,12	7,04	-14,79
	Торговый баланс, млрд долл.	-4,43809	-13,9076	0,965207	-8,2149	7,590412
Республика Корея	Экспорт, млрд долл.	34,50751	45,08621	54,31386	55,54901	53,77448
	Темп прироста, %		30,66	20,47	2,27	-3,19
	Импорт, млрд долл.	40,75557	57,12072	70,9973	76,83505	82,21168
	Темп прироста, %		40,15	24,29	8,22	7,00
	Торговый баланс, млрд долл.	-6,24806	-12,0345	-16,6834	-21,286	-28,4372
Индия	Экспорт, млрд долл.	27,04519	37,01374	46,07973	43,11374	43,09968
	Темп прироста, %		36,86	24,49	-6,44	-0,03
	Импорт, млрд долл.	14,26317	19,83821	28,4239	27,86553	29,50963
	Темп прироста, %		39,09	43,28	-1,96	5,90
	Торговый баланс, млрд долл.	12,78202	17,17553	17,65584	15,24821	13,59005

Источник: International Trade Center. Trade Map. Trade statistics for international business development. Available at: [http://www.trademap.org/Product_Sel Country_TS.aspx](http://www.trademap.org/Product_Sel_Country_TS.aspx).

Особого внимания заслуживает тот факт, что в структуре внешней торговли и ВВП развивающихся государств Восточной Азии все большую долю приобретает торговля услугами. В частности, вклад сферы услуг в ВВП Китая в 2013 г. составил 46,2% [10, с. 38], значительно превзойдя долю промышленного производства.

На фоне снижения интенсивности внешней торговли многие государства прибегают к введению протекционистских мер с целью расширения экспорта, снижению импорта и стабилизации состояния торговых балансов. По оценкам Всемирной торговой организации, число новых ограничительных мер с середины 2012 г. по ноябрь 2013 г. возросло до 407 по сравнению с 308, наблюдавшимся годом ранее. Меры затронули около 1,3% мирового импорта объемом 240 млрд долл. [7, с. 3]. Среди развивающихся государств Восточной Азии инструменты нетарифных ограничений применяет Индонезия, к числу которых относятся ужесточение требований санитарного и фитосанитарного контроля в отношении импортируемых товаров [12]. Таиланд ужесточает требования сертификации и стандартизации по отношению к отдельным товарным позициям (изделиям из каучука и керамики). В июне 2013 г. Вьетнам ввел технический барьер на открытие иностранными инвесторами дополнительных точек розничной торговли в форме проведения тестирования экономической целесообразности (economic needs test) с целью защиты национального малого и среднего бизнеса [7, с. 41].

Тем не менее, следует отметить, что торговый протекционизм в современных условиях носит так называемый качественный характер: по данным ВТО, 70% технических ограничений импорта сводится к защите здоровья и безопасности, а также защите окружающей среды, 13% относятся к повышенным требованиям качества товаров, и лишь 7% мер были направлены на предотвращение недобросовестной конкуренции и защиту потребителей [7, с. 29].

О стимулировании потребления и внутренних инвестиций

Диверсификация источников роста выражается в постепенном движении в направлении создания модели, определяемой внутренним спросом. По прогнозам экспертов МВФ, вклад потребления в прирост ВВП развивающихся стран Восточной Азии в 2014 г. вырастет до 2 проц. пунктов по сравнению с 1,3 проц. пунктов в 2013 г. [11, с. 6].

В последние годы государствами Восточной Азии был предпринят ряд мер государственной политики в области доходов с целью стимулирования внутреннего спроса. Правительства азиатских государств принимают активные меры, направленные на стимулирование потребления населения и развитие частного сектора. Структурные реформы затронули как налогово-бюджетную, так и денежно-кредитную политику, в результате во многих государствах Восточной Азии в 2013 г. было отмечено значительное сокращение профицитов государственных бюджетов (Республика Корея,

Сингапур) или рост их дефицитов (Япония, Китай, Индонезия, Лаос, Мьянма, Вьетнам).

Наиболее активные меры стимулирования внутреннего спроса предпринимает **Китай**, который взял курс на проведение реформ с целью «стимулирования инноваций и повышения производительности, сдерживания нерациональных инвестиций и увеличения доходов домохозяйств и потребления» [2, с. 11]. Уровень валовых национальных сбережений в стране остается довольно высоким – 51,4% ВВП, а вклад потребления частного сектора в ВВП составил в 2013 г. всего треть, хотя в среднем для развивающихся стран АТР этот показатель был на уровне 55% [10, 39].

Пакет реформ, направленных на переориентацию экономической системы, будет включать в себя, в первую очередь, либерализацию системы регистрации домашних хозяйств («хукоу»); межбюджетную реформу; финансовую либерализацию и открытие сектора услуг Китая для конкуренции [2, с. 11]. Пакет реформ, обнародованный в ноябре 2013 г., ставит целью ускорение темпов либерализации процентных ставок и повышение конвертируемости китайского юаня, что призвано содействовать снижению зависимости от негативных тенденций на мировом финансовом рынке, повышению стабильности национальной финансовой системы. Частные инвесторы будут допущены к участию в государственных инвестиционных проектах, кроме того правительство ставит целью постепенное снижение разрыва в уровнях жизни сельского и городского населения. Одним из главных объектов реформ становится налоговая политика, в результате чего бюджетный дефицит в 2013 г. вырос до 2% ВВП с 1,5% в 2012 г. В качестве пробного шага в рамках реализации двенадцатого пятилетнего плана в Шанхае в сферах транспорта, лизинга и современных услуг налог на предпринимательскую деятельность был заменен налогом на добавленную стоимость.

Реформы в **Японии** затронули как денежно-кредитную, так и налогово-бюджетную политику. Курс на увеличение денежной массы в экономике, расширение государственных расходов и проведение структурных реформ составляет основу экономической политики Синдзо Абэ, с помощью которых премьер-министр планирует выйти на 2%-ный уровень инфляции и повысить производительность. Банк Японии продолжает проводить операции на денежном рынке, объем денежной массы растет ежегодно на 430–500 млн долл. Правительство страны принимает меры агрессивного монетарного стимулирования, заключающиеся в первую очередь в реализации масштабной программы выкупа облигаций Банком Японии. Связанный с реализацией данных мер рост денежной массы привел к росту потребительских расходов и цен на активы. Правительством страны предпринимаются и стимулирующие меры налогово-бюджетной политики. В октябре 2013 г. правительство обнародовало пакет дальнейших мер стимулирования, способных обеспечить прирост ВВП на уровне 0,9%, на реализацию инфраструктурных проектов и стимулирование частного инвестирования путем сокращения налогов было выделено 116 млрд долл.

Республика Корея также взяла курс на повышение государственных расходов: правительством было инициировано введение дополнительного бюджета в размере около 980 млн долл., средства которого будут расходоваться на поддержку малого и среднего бизнеса и создание дополнительных рабочих мест. В рамках национальной политики снижения зависимости от экспорта и повышения производительности в сфере услуг государство выработало три принципа стратегии национального развития (укрепление фундаментальных показателей, обеспечение инновационности, креативности и динамизма развития и расширение внутреннего спроса), достижению которых и призваны содействовать реформы в налогово-бюджетной политике. Тем не менее, в 2013 г. национальные сбережения оставались на уровне предыдущего года и составили 31% ВВП страны.

Государства **Юго-Восточной Азии** также проводят масштабные реформы, в частности происходит постепенное сокращение энергетических субсидий и расширение государственных расходов на развитие инфраструктуры и социальные нужды (образование, здравоохранение и социальная защита населения). Ряд государств активно используют инструменты денежно-кредитной политики с целью повышения общего уровня доходов и стимулирования внутреннего потребления. В Таиланде произошло трехкратное, до 2%, сокращение процентной ставки за период 2013 г. – начало 2014 г., Малайзия сохранила процентную ставку на уровне 3% с середины 2011 г., а на Филиппинах соответствующий показатель держится на отметке 3,5% с конца 2012 г.

В свою очередь, Индонезия снизила срок владения векселями центрального банка с шести до одного месяца, что призвано повысить их ликвидность. За счет сокращения с середины 2014 г. субсидий энергетическому сектору Индонезии удалось сэкономить около 1,79 млрд долл. [9], которые будут направлены в числе прочего на развитие инфраструктуры, в первую очередь в сферу транспорта и социальную сферу.

Некоторые государства активно используют инструменты налоговой политики для стимулирования потребления: в частности, в Таиланде произошло сокращение налога на прибыль корпораций и введена система дополнительных налоговых льгот.

Довольно устойчивую динамику продемонстрировали показатели внутренних инвестиций: за счет реализации ряда инфраструктурных проектов, в первую очередь в сферах строительства и транспорта, на достаточно высоком уровне сохранялись внутренние инвестиции в Китае и на Филиппинах.

На фоне замедления торговли активизируется обмен инвестициями со странами – партнерами по региону (табл. 4), а факторы роста постепенно перемещаются из государственного сектора в частный. В Индонезии, Малайзии, на Филиппинах и во Вьетнаме в первой половине 2013 г. приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) составил от 3 до 14%.

**Торгово-инвестиционные связи АСЕАН
с партнерами по АСЕАН+3, %**

Обмен инвестициями	АСЕАН		Китай		Япония		Республика Корея	
	2005	2012	2005	2012	2005	2012	2005	2012
Экспорт в страну-партнер, %	24,7	25,2	8,0	11,1	10,7	10,0	3,8	4,3
Приток ПИИ из страны-партнера, %	9,7	17,1	1,4	4,0	15,2	21,4	1,2	2,0

Источник: составлено на основе данных: Asian Economic Integration Monitor. April 2014. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2014. P. 27.

При этом в последние годы в Восточной Азии активно реализуются двусторонние межправительственные инициативы, преимущественно с участием и по инициативе Японии, направленные на стимулирование взаимного инвестирования. В частности, в 2011 г. между органами денежно-кредитной политики Японии и Таиланда было подписано соглашение о том, что последние откроют кредитную линию японским компаниям, осуществляющим свою деятельность на территории Таиланда, под залог японских государственных облигаций. 26 июля 2013 г. Центральный банк Японии объявил о заключении аналогичного соглашения с органами денежно-кредитной политики Сингапура [4].

Подписание соглашения направлено, с одной стороны, на обеспечение японских корпораций финансовыми средствами в случае недостатка ликвидности, а с другой – на расширение прямого иностранного инвестирования японских компаний и банков в экономику Сингапура.

Японию и Сингапур можно считать региональными лидерами по степени открытости национальных финансовых систем и развитию инвестиционного взаимодействия. За последние пять лет объем прямых инвестиций из Японии в экономику Сингапура увеличился на 56%, Япония остается одним из ключевых инвесторов в эту страну [5]. В 2012 г. 29 японских компаний зарегистрировали коммерческое присутствие в Сингапуре, в то время как в 2008 г. подобных компаний было всего шесть [8]. Многие крупнейшие японские транснациональные корпорации (ТНК), например, Panasonic Corp. и Mitsui Chemicals Inc., перевели ключевые производственные функции под юрисдикцию Сингапура [6].

Таким образом, диверсификация источников экономического роста государств Восточной Азии, главным образом развивающихся, выражается в:

1) снижении «вклада» внешней торговли в прирост ВВП азиатских государств за счет:

- замедления темпов роста внешней торговли, как внутрорегиональной, так и с третьими странами, главным образом развитыми государствами Запада;

- опережения темпов прироста импорта по сравнению с экспортом;
 - резкого сокращения профицита торгового баланса, а с отдельными партнерами – накоплению дефицита;
- 2) активизации обмена инвестициями по сравнению с наращиванием торговых потоков;
 - 3) расширении торговли услугами по сравнению с торговлей товарами;
 - 4) формировании модели экономического роста, определяемой внутренним спросом, благодаря активному использованию инструментов налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики, направленному на стимулирование внутреннего потребления и расширение частного сектора;
 - 5) сокращении профицитов/расширении дефицитов государственных бюджетов в результате реализации широкомасштабных инфраструктурных проектов, программ поддержки малого и среднего бизнеса, а также повышения государственных расходов на социальную сферу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Trade and Development Report 2013. UNCTAD. UN. – New York, Geneva, 2013. – 150 p.
2. Dollar, D. Sino Shift // Finance and Development / IMF. – 2014, June. – Vol. 51, no. 2. – P. 10–13.
3. World Economic Outlook (WEO). Recovery Strengthens, Remains Uneven / IMF. – Washington D.C., April 2014. – 217 p.
4. Establishment of an Arrangement for the Provision of Singapore Dollar Liquidity against Japanese Government Securities as Collateral [Electronic resource] / Bank of Japan. July. 2013. – Access: https://www.boj.or.jp/en/announcements/release_2013/re1130726b.pdf.
5. Foreign Direct Investment in Singapore by Country/Region [Electronic resource] / Singapore Department of Statistics. – Access: http://www.singstat.gov.sg/statistics/browse_by_theme/investment.html.
6. More Japanese firms relocating to Singapore [Electronic resource] // Japan Times. 14 August. 2012. – Access: http://www.japantimes.co.jp/news/2012/08/14/business/more-japanese-firms-relocating-to-singapore/#.U-i8k-N_tqU.
7. Overview of Developments in the International Trading Environment : Annual Report by the Director-General / Trade Policy Review Body. WTO. 31 January 2014. – Geneva, 2014. – 140 p.
8. Profile of S.E. Asian IP Network of Japanese Commerce and Industry (SEAIPJ) [Electronic resource] / JETRO SEAIP Profile. March 2012. – Access: https://www.jetro.go.jp/en/jetro/activities/business/seaipj_profile.pdf.
9. Rahadiana, R. Indonesia says 2014 budget to focus on raising domestic demand [Electronic resource] / R. Rahadiana, J. Thatcher // Reuters. – 2013. – 14 August. – Access: <http://www.reuters.com/article/2013/08/14/us-indonesia-economy-financeminister-idUSBRE97D0MI20130814>.

10. *Regional Connectivity for Shared Prosperity / Economic and Social Survey of Asia and the Pacific*. UN. – Bangkok, 2014. – 220 p.
11. *Regional economic outlook. Asia and Pacific / International Monetary Fund*. – Washington, D.C., 2014. – 78 p.
12. Yulisman, L. Indonesia wary of rise in protectionism [Electronic resource] // *The Jakarta Post*. – 2014. – 10 March. – Access: <http://www.thejakartapost.com/news/2014/03/10/indonesia-wary-rise-protectionism.html>.

REFERENCES

1. *Trade and Development Report 2013*. UNCTAD. UN. New York, Geneva, 2013. 150 p.
2. Dollar D. Sino Shift. *Finance and Development. IMF*, 2014, June, vol. 51, no. 2, pp. 10–13.
3. *World Economic Outlook (WEO)*. Recovery Strengthens, Remains Uneven. IMF. Washington D.C., April 2014. 217 p.
4. *Establishment of an Arrangement for the Provision of Singapore Dollar Liquidity against Japanese Government Securities as Collateral*. Bank of Japan. July. 2013. Available at: https://www.boj.or.jp/en/announcements/release_2013/re1130726b.pdf (accessed 15 September 2014).
5. *Foreign Direct Investment in Singapore by Country/Region*. Singapore Department of Statistics. Available at: http://www.singstat.gov.sg/statistics/browse_by_theme/investment.html (accessed 17 July 2014).
6. More Japanese firms relocating to Singapore. *Japan Times*, 2012, 14 August. Available at: http://www.japantimes.co.jp/news/2012/08/14/business/more-japanese-firms-relocating-to-singapore/#.Ui8k-N_tqU (accessed 19 August 2014).
7. *Overview of Developments in the International Trading Environment. Annual Report by the Director-General. Trade Policy Review Body. WTO 31 January 2014*. [Geneva, 2014]. 140 p.
8. *Profile of S.E. Asian IP Network of Japanese Commerce and Industry (SEAIPJ). JETRO SEAIP Profile. March 2012*. Available at: https://www.jetro.go.jp/en/jetro/activities/business/seaipj_profile.pdf (accessed 18 August 2014).
9. Rahadiana R., Thatcher J. *Indonesia says 2014 budget to focus on raising domestic demand. Reuters*, 2013, August 14. Available at: <http://www.reuters.com/article/2013/08/14/us-indonesia-economy-financeminister-idUSBRE97D0MI20130814> (accessed 21 September 2014).
10. *Regional Connectivity for Shared Prosperity*. Economic and Social Survey of Asia and the Pacific. UN. Bangkok, 2014. 220 p.
11. *Regional economic outlook. Asia and Pacific*. International Monetary Fund. Washington, D.C., 2014. 78 p.

12. Yulisman L. *Indonesia wary of rise in protectionism. The Jakarta Post, 2014, 10 March.* Available at: <http://www.thejakartapost.com/news/2014/03/10/indonesia-wary-rise-protectionism.html> (accessed 18 September 2014).

Кравченко Алла Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: kravchenko.aa@dvfu.ru

Сергеева Олеся Олеговна, ассистент кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: sergeeva.oo@dvfu.ru

ПОЛИТИКА КИТАЯ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МОДЕРНИЗАЦИЯ АГРАРНОЙ СФЕРЫ

Статья посвящена аграрной политике Китая. По данным Академии общественных наук КНР, в стране обеспечивается самодостаточность по основным сельскохозяйственным культурам, поддерживается продовольственная независимость на уровне 95%. Тем не менее, у Китая существует зависимость от импорта определенного перечня продуктов питания. Наиболее острые проблемы в продовольственной сфере: сокращение площади пахотных земель, изменение климата, острый дефицит воды, увеличение импорта зерна.

Правительство Китая стремится снизить зависимость страны от импорта продовольствия, которая ставит государство в зависимость от колебания цен на мировом рынке. Для этой цели правительство Китая оказывает помощь агропродовольственному сектору. Одним из наиболее эффективных инструментов государственного регулирования сельскохозяйственной отрасли является государственное инвестирование. Сельское хозяйство также вошло в перечень приоритетных отраслей для привлечения иностранных инвестиций. Эффективность аграрной политики государства демонстрируют и ряд программ по развитию и поддержанию сельскохозяйственного производства, сельскохозяйственной науки и техники, развитию бедных сельских районов. Вопрос о совершенствовании жесткой налоговой политики в сельскохозяйственной отрасли рассматривается в Китае как важный фактор успешного реформирования аграрной сферы. Особое внимание властей уделяется стремительному процессу урбанизации. Миграция населения в городские районы ведет к снижению экономического потенциала аграрного сектора, а в перспективе способна нарушить продовольственную самокупаемость Китая.

В статье рассматриваются основные направления аграрной политики китайского государства в области продовольственной безопасности на ближайшие годы: увеличение посевных площадей, научное и техническое

перевооружение аграрного сектора экономики, увеличение объемов инвестирования в сельское хозяйство, совершенствование налоговой политики, развитие негосударственных сельскохозяйственных предприятий, формирование резервных и страховых продовольственных фондов, укрепление рыночных отношений, а также концепция комплексного развития частного сектора экономики деревни.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, сельское хозяйство Китая, импорт продовольствия, достаточность продовольствия, международная торговля, налоговая политика, система инвестиций, государственное регулирование.

Alla A. Kravchenko, Cand. Sci (Economics), Associate Professor of the Department of World Economics, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: kravchenko.aa@dvfu.ru

Olesya O. Sergeeva, Assistant of the Department of World Economics, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: sergeeva.oo@dvfu.ru

CHINA POLICY IN THE AREA OF FOOD SECURITY: MODERNIZATION OF AGRICULTURE

The article is devoted to the agricultural policy of China. According to the PRC Academy of Social Sciences, the food security of China is 95%. However, the country is dependent on the import of several food products. The most pressing challenges of Chinese food supply system include the following: reduction in the area of cultivated land, climate changes, significant deficiency of water, and grain import growth.

The government of China is trying to reduce the country's dependence on food imports, which makes China sensitive to price fluctuations at the global market. In order to achieve this goal, the government provides assistance to the agricultural sector. State investment is one of the most efficient tools in state regulation of agriculture. Agriculture was also included into the list of top priority sectors for attracting foreign investment. A number of programs of developing and supporting the agriculture, science and technology, and poor rural areas show efficiency of the agricultural policy. The issue of perfecting the strict tax policy in agriculture is being discussed in China as an important factor of agricultural reforms. Special attention is paid to the rapid urbanization process. Migration of the population into urban areas reduces the economic potential of agriculture and can disrupt the food self-sufficiency of China.

The article reviews the main trends of Chinese agricultural policy in the area of food security for the next few years: increasing the area of cultivated lands, technological modernization of agriculture, increasing the volume of investment

into agriculture, perfecting the tax policy, developing the non-governmental agricultural companies, creating reserve and insurance food funds, improving market relations, as well as the concept of comprehensive development of the private economic sector in rural areas.

Key words: food security, Chinese agriculture, food import, sufficiency of food, international trade, tax policy, system of investment, state regulation.

До провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г. сельское хозяйство КНР играло главенствующую роль в экономике страны и на его долю приходилось порядка 70% от всего национального дохода и общественного производства. С ускорением урбанизации и индустриализации с 1980-х годов, доля сельского хозяйства в ВВП страны постоянно уменьшалась, но роль данного сектора как основы национальной экономики остается неизменным [1].

Китай, являясь крупнейшей и наиболее динамично развивающейся экономикой мира (темпы роста ВВП за последние 10 лет не опускались ниже 9% [1]), также остается страной с наибольшей в мире численностью населения – 1 366 млн чел. по состоянию на октябрь 2014 г. [2]. Эти факторы, наряду с масштабным вовлечением страны в международную торговлю, показателем которой является более чем шестикратный рост внешнеторгового оборота за последнее десятилетие, а также активным вложением инвестиций по всему миру и особенностями системы государственного управления, определяют позиции Китая по решению ключевых проблем глобального управления, оказывают существенное влияние на формирование повестки дня международных форумов и глобальное управление в целом.

Китай поддерживает стабильный и высокий уровень продовольственной безопасности. В стране обеспечивается самодостаточность по основным сельскохозяйственным культурам от 91 до 97% внутреннего потребления. КНР выполняет рекомендации Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, которая призывает поддерживать уровень продовольственной независимости на уровне 95%. Тем не менее у Китая есть зависимость от импорта определенного перечня продуктов питания. На сегодняшний день КНР наиболее остро ощущает потребность в сое, растительном (соевом) масле и зерновых культурах (рис, пшеница). Экспортирует Китай в основном фрукты, овощи и мясо.

Важным показателем продовольственной безопасности и защищенности государства является производство зерна на душу населения. Данный индикатор отражает обеспеченность населения в зерновых объемах. Минимально приемлемый, по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, показатель данного фактора – 230 кг на душу населения [3]. В Китае данный показатель находится на грани минимально приемлемого значения. В 2012 г. производство зерна составило 237,3 кг на душу населения. В России данный показатель дос-

тигает уровня 627 кг на душу населения, что в 2,7 раза больше порогового значения.

Таблица 1

Производство, потребление и запас зерновых, в том числе пшеницы, 2011–2012 с/х г., млн т

Страна	Производство	% от мирового производства	Потребление	Запас	% запаса от потребления	Запасы, кг/чел	Производство на душу населения, кг
Зерновые, млн т							
Мир	1850,7	100	1851,5	366	19,8	52,1	263,6
Россия	89,7	4,85	65,4	13,6	20,8	95,1	627
Китай	319	17,24	324,5	115,3	35,5	85,8	237,3
Пшеница, млн т							
Мир	965,6	100	692,7	197,1	28,5	28,1	137,5
Россия	56,2	5,82	37,6	11	29,3	76,9	392,9
Китай	117,9	12,21	121,5	53,9	44,4	40,1	87,7

Как видно из данных таблицы 1, производство зерновых в Китае в 2011–2012 сельскохозяйственном году составило 319 млн т, из них 117,9 млн т (51,7%) – пшеница. В то же время потребление составило 324,5 млн т. Разница довольно существенная. При таких темпах потребления запасы зерновых Китая (115,3 млн т) достаточно быстро израсходуются.

Производство зерновых в России в 2011–2012 сельскохозяйственном году составило 89,7 млн т, что в 3,5 раза меньше, чем в Китае. Из них 56,2 млн т (62,6%) – пшеница. В то же время Россия полностью удовлетворяет потребность населения в зерне, потребление составило 65,4 млн т.

В течение 2013 г. специалистами Академии общественных наук КНР было проведено комплексное исследование по выявлению наиболее острых проблем в продовольственной сфере, среди которых выделены четыре:

1. Сокращение площади пахотных земель (рис. 1). В 2012 г. площадь посевных земель Китая составила 8 028 кв. км, на 54 кв. км меньше, чем в 2011 г. В целом с 1983 г. по 2012 г. размер сельскохозяйственных площадей сократился на 2% (178,8 кв. км). Основными причинами стремительного уменьшения пахотных земель является рост городов с сопровождающимся ухудшением состояния окружающей среды. Урбанизация зачастую служит большим препятствием на пути роста сельскохозяйственного производства из-за проблемы обезземеливания крестьян.

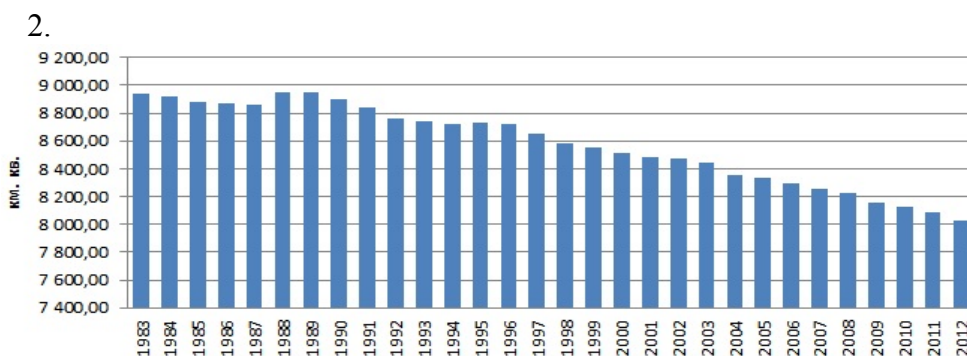

Рис. 1. Динамика площади сельскохозяйственных земель Китая в 1983–2012 гг.

2. Изменение климата и как следствие – снижение урожайности, деградация почв. Американскими учеными из Международного института по продовольственной политике было подсчитано, что при повышении среднегодовой температуры на 1 градус происходит уменьшение продукции сельского хозяйства на 10%. По прогнозам международной природоохранной организации «Гринпис», в ближайшие 20–50 лет климатические изменения окажут серьезное влияние на сельскохозяйственное производство в Китае. Повышение температуры воздуха, уменьшение количества воды для полива и другие негативные факторы приведут к сокращению валового сбора зерна в Китае на 14–23%. Климатические изменения могут вызвать эрозию почвы, ослабить способность сельскохозяйственной экосистемы противостоять стихийным бедствиям, привести к распространению сельскохозяйственных вредителей.

3. Острый дефицит воды. Одной из причин сокращения пахотных земель и в целом ключевой проблемой обеспечения продовольственной безопасности является дефицит водных ресурсов в Китае. Сегодня расход воды в КНР составляет более 600 млрд куб. м в год, из них дефицит воды составляет 50 млрд куб. м в год. По данным министерства водных ресурсов КНР, в настоящее время на душу населения приходится лишь 2100 куб. м воды в год, или около 28% от среднего мирового значения. В 2012 г. проблема получения чистой воды стала особенно насущной для регионов Китая, пострадавших от сильной засухи: Сычуаня, Юньнаня и Внутренней Монголии. Между тем большая часть рек Китая серьезно загрязнена и непригодна для использования [4].

4. Увеличение импорта зерна. В 2012–2013 гг. Китай собрал 309 млн т зерна, около 14 млн т было импортировано из-за рубежа. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, в структуре китайского импорта зерна в 2012 г. преобладали кукуруза (37%), пшеница (26%), ячмень (18%), рис (17%). Китай все еще остается крупнейшим импортером американского зерна и кукурузы. По прогнозам, в 2020 г. китайский импорт кукурузы может составить 20 млн т. По мнению экспертов Института мировой экономики Шанхайской академии социальных наук,

зависимость Китая от внешних поставок зерна является одной из сложных задач в плане обеспечения продовольственной безопасности.

Зависимость Китая от импорта определенного перечня продуктов ставит страну в сильную зависимость от колебаний цен на мировом рынке. Об этом можно судить по индексу потребительских цен (табл. 2), опубликованному Статистическим бюро КНР. Наивысшие показатели индекса приходятся на 2008 г. и 2011 г., именно тогда Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН был зарегистрирован самый высокий рост цен на продовольствие.

Таблица 2

Индекс потребительских цен в Китае за 2008–2014 гг., %

Год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Индекс потребительских цен	6,47	1,71	1,48	4,64	4,05	2,31	2,67

Повышение цен на продукты питания вызывает удорожание стоимости жизни в КНР, что, в свою очередь, становится причиной роста недовольства населения уровнем жизни и вызывает тревогу у китайских властей.

Таким образом, с учетом возможных и уже реальных угроз продовольственной безопасности КНР власти страны принимают комплексные меры. Одним из наиболее эффективных инструментов государственного регулирования в сельскохозяйственном секторе является система инвестиций. Консолидированный бюджет сельского хозяйства КНР формируется из 4 источников:

- прямое государственное финансирование;
- кредиты через государственные банки;
- средства коллективных хозяйств в деревне;
- средства, полученные от налогообложения крестьянских, фермерских дворов.

«Закон КНР о сельском хозяйстве» обязывает государство увеличивать капиталовложения в эту отрасль экономики наряду с местными правительствами всех ступеней, которые должны в своих бюджетах специально предусматривать средства на внедрение достижений агротехники и ежегодное их увеличение. Закон определяет источники капиталовложений, прописывает механизм их применения, порядок подготовки специалистов в области сельского хозяйства. Принят также «Закон о внедрении в производство агротехнических достижений», согласно которому их распространение возлагается на административные органы, научные и учебные центры, а сам перечень внедрения агротехнических достижений должен включаться в государственный и местный планы развития науки и техники [5].

Госплан КНР утвердил Перечень приоритетных отраслей экономики, куда намечается привлекать иностранные инвестиции. Сельское хозяйство наряду с транспортом, связью, охраной окружающей среды входит в число этих приоритетов. За последние 20 лет правительство Китая обеспечило

поступление в аграрный сектор около 20 млрд долл. иностранных инвестиций, примерно по 1 млрд долл. в год. В настоящее время в аграрной сфере реализуется более 10 тыс. проектов с иностранными инвестициями. Именно инвестирование является главным рычагом осуществления намеченных на перспективу программ развития аграрного сектора экономики Китая и, в конечном счете, достижения продовольственной независимости страны [6].

Совершенствованию налоговой политики также придаётся важное значение при поддержании продовольственной независимости страны. Цены на продовольствие в Китае определяются рынком, но при контроле со стороны государства, которое гарантирует их стабильность и необходимый уровень. В этих целях созданы резервные и страховые продовольственные фонды в качестве стабилизирующей меры, особенно на период стихийных бедствий и неурожая. По данным за 1999 г., резерв товарного зерна в стране составлял 226,75 млн т [7]. В начале 90-х годов было объявлено о широкомасштабной либерализации цен. Почти повсеместно были введены свободные цены на зерно и другие сельскохозяйственные товары, отменена карточная система распределения. Однако инфляционный подъем заставил правительство КНР в скором времени заявить о частичном возврате к государственному контролю над закупочными и розничными ценами на зерно и растительное масло [8].

Совершенствование налоговой политики в деревне является важным фактором успешного реформирования социально-экономической сферы в АПК. В большинстве стран Запада нет специального налогообложения крестьян, так как проводится политика прямых дотаций производителям. Так, в США на 1 га пашни такие дотации составляют 100–150 долл., в странах ЕС – 300–350 долл. В Китае же, по подсчетам китайских специалистов, сельскохозяйственный налог и «бремя» косвенных сборов играют роль прямых «антидотаций», которые в пересчете на 1 га пашни составляют 100–150 долл. В таких условиях доходы китайских крестьян с 1 га пашни оказываются ниже, чем в США, более чем на 200–250 долл., а по сравнению со странами ЕС – на 400–450 долл. Эти расчеты, сделанные китайскими экспертами, наглядно демонстрируют, что нынешняя налоговая политика в китайской деревне исключает всякую возможность повышения конкурентоспособности китайской сельскохозяйственной продукции на мировом рынке. Более того, это уже обернулось крайней неэффективностью производства и низкой конкурентоспособностью основных видов продукции отрасли, что, естественно, подрывает продовольственную безопасность страны [9].

Решению проблемы по снижению численности сельского населения отводится важная роль на пути обеспечения нужного уровня продовольственной безопасности Китая. Стремительный процесс урбанизации является основной причиной постепенного снижения продуктивности сельского хозяйства страны [4]. Наряду с критическим уменьшением пахотных земель также происходит отток сельского населения в крупные города, что, в свою

очередь, приводит к снижению производительности сельскохозяйственных производств (рис. 2).

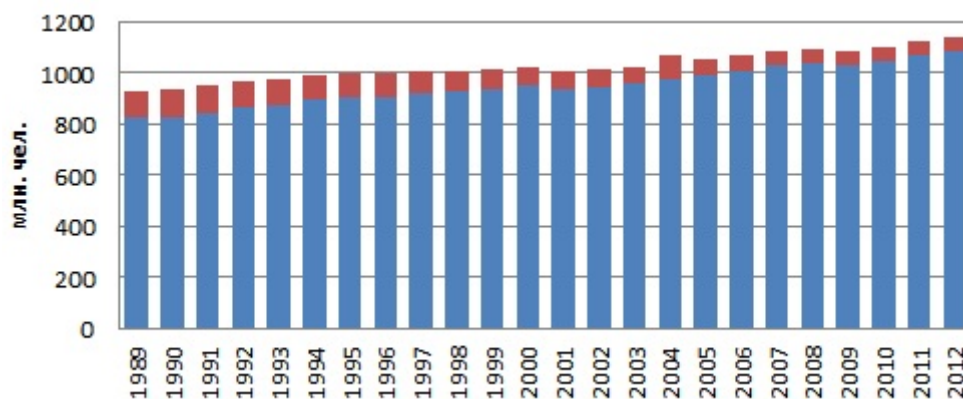

Рис. 2. Динамика численности городского и сельского населения в 1989–2012 гг.

При общем росте численности населения Китая доля сельского населения снижается. В 2012 г. численность сельского населения составила 54,4 млн чел., 5% от общей численности населения. За период с 1989 по 2012 гг. численность сельского населения сократилась на 51%, что составило 52,2 млн чел.

Государственные меры направлены на решение еще одной немаловажной проблемы при сохранении продовольственной безопасности – уменьшение посевных площадей. В 2010–2030 гг. объемы производства зерна в КНР прогнозируются на уровне 550 и 640 млн т в год соответственно за счет повышения продуктивности средне- и низкоурожайных площадей, которые по оценкам составляют 71,3% пахотного клина страны [10]. В связи с чем большое значение придается решению задачи «несокращения» посевных площадей, так как Китай ежегодно теряет и до сих пор продолжает терять посевные площади главным образом из-за изъятия их из сельскохозяйственного оборота для строительства промышленных предприятий, дорог, карьеров по добыче строительного сырья и пр. Предусматривается стабилизация пахотного клина страны или даже увеличение его за счет распашки целинных земель в приграничных территориях на уровне 110 млн га. В последние годы в Китае наряду с распашкой нетронутых земель значительное внимание стало уделяться борьбе с эрозией почв, их заболачиванием, а также орошению, дренажу и выравниванию земельных участков. В 2001 г., по официальным данным, регулярно обрабатываемая пахотная площадь составляла 105,8 млн га. Сейчас, согласно сообщениям Государственного статистического управления КНР, имеется 130 млн га обрабатываемых земель [1].

Промышленное загрязнение воды и почвы привело к ряду экологических бедствий в сельскохозяйственных районах. В конце 2013 г. более

3,3 млн га пахотной земли в Китае стало непригодно для выращивания сельскохозяйственных культур из-за загрязнения промышленными отходами и пестицидами. Особую озабоченность властей вызывают граничащие с Россией северо-восточные области КНР, где скапливающиеся годами экологические проблемы уже привели к уменьшению запасов пресной воды.

Научное и техническое перевооружение аграрной экономики приобретает первостепенное значение при сохранении продовольственной безопасности Китая. В промышленно развитых странах доля научно-технического фактора в росте производительности труда составляет свыше 60%. Политическое руководство страны поставило задачу в ближайшее время увеличить вклад научных разработок в рост сельскохозяйственного производства до 50%, а в дальнейшем, к 2030 г., ликвидировать разрыв по данному показателю между КНР и западными странами [2].

В изменениях структуры производства сельскохозяйственной продукции важная роль отводится мясу и продукции водных промыслов.

По данным Государственного статистического управления КНР, в начале XXI в. среднегодовое производство мяса в стране достигло 60 млн т, а продукции водных промыслов – 32 млн т. Тем не менее, это значительно ниже среднедушевого показателя в развитых странах мира. Провинция Ляонин, единственная из трех северо-восточных территорий, имеет выход к морю и успешно развивает морской промысел, а также марикультуру. Здесь создан ряд предприятий с использованием иностранного капитала, и по современной технологии осуществляется углубленная переработка морепродуктов. Получило развитие искусственное разведение креветок на экспорт. Развивается и животноводческий комплекс – с 2003 г. население провинции полностью обеспечивает себя мясомолочной продукцией [11]. Успешно осуществляется «Программа развития животноводства провинции Хэйлунцзян», в соответствии с которой поголовье молочного стада в 2011 г. достигло 1,45 млн (среднегодовой рост 15,8%), производство молока и мяса – 4,3 млн и 2,6 млн т соответственно, общие доходы хозяйств от сбыта продукции животноводства составили 26 млрд юаней, а чистый среднедушевой доход скотоводов – 650 юаней [1]. Осуществляются поставки мяса за границу, в том числе и на российский Дальний Восток.

Канцелярией Госсовета КНР 05.05.2014 г. был опубликован «План основной работы в сфере продовольственной безопасности на 2014 г.». В документе подчеркивается, что необходимо устранить причины основных проблем в сфере продовольственной безопасности, обеспечения населения здоровыми продуктами питания и включить работы по обеспечению продовольственной безопасности в компетенцию местных правительств.

Потенциальные возможности современного аграрного комплекса страны есть и в развитии негосударственных сельскохозяйственных предприятий. В условиях становления рыночной экономики правительство выдвинуло и активно осуществляет концепцию комплексного развития частного

сектора экономики деревни – ее волостных и поселковых предприятий. Помимо использования ряда льгот, получаемых из государственных и региональных источников с учетом распределения материальных и финансовых ресурсов, волостно-поселковым предприятиям также предоставляется право привлечения иностранных инвестиций, что позволяет создавать прибыльные предприятия с высоким техническим и технологическим уровнем, большим масштабом производства и высокой экономической эффективностью [12].

В последние годы в Китае активно формируются рынки основных фондов производства, земли, рабочей силы и капиталов с целью создания более крупных хозяйств и концентрации земли в руках «умелых крестьян» при сохранении государственного контроля за использованием земли.

Вступление Китая в ВТО в 2001 г. рассматривалось в стране как необходимый шаг для ускорения экономического развития, для привлечения необходимых ресурсов и расширения масштабов открытости китайской экономики внешнему миру. Укрепление рыночных отношений в стране стимулирует ускорение структурных реформ в сельском хозяйстве, что поможет решению проблемы эффективности и конкурентоспособности агросферы.

Эффективность аграрной политики государства демонстрируют приуроченные к вступлению в ВТО средне- и долгосрочные планы и программы:

- «Программа стратегического урегулирования производственной и отраслевой структуры сельского хозяйства, сельской экономики (2001–2010 гг.)»;
- «Программа развития сельскохозяйственной науки и техники (2001–2010 гг.)»;
- «Программа развития производства продовольственной продукции и повышения ее питательных качеств (2001–2010 гг.)»;
- «Программа поддержки и развития бедных сельских районов (2001–2010 гг.)»;
- «Программа освоения Западного Китая (2001–2010 гг.)» и др. [2].
- Поддержка государства способствовала решению основных задач экономической реформы в КНР:
 - созданию слоя независимых товаропроизводителей – экономических агентов в различных отраслях экономики, в том числе в сельском хозяйстве, что обеспечило социальную стабильность на селе;
 - привлечению дополнительных инвестиций в экономику, в том числе в аграрную сферу, как из государственного бюджета, так и иностранных инвестиций;
 - повышению жизненного уровня крестьянства. Прямым следствием реформ стало повышение платежеспособности жителей города и деревни и расширение потребительского рынка, а также укрепление «политического» доверия к руководству государством и заинтересованности населения в дальнейшем проведении экономических реформ.

15 января 2008 г. в Китае был введен режим государственного регулирования цен на основные виды товара, в том числе и продукты питания. Мера была введена как временная, но действует и по настоящий момент [13].

В рамках программы «Продовольственная корзина» предполагается также осуществление следующих мер:

1. Создание системы взаимодействия провинций – основных производителей риса и баз продовольствия в больших и средних городах. Предполагается, что для каждого города будет отведена определенная площадь сельскохозяйственных земель, благодаря которым города будут полностью обеспечиваться сезонными овощами и фруктами.

2. Создание фондов регулирования и сдерживания роста цен на товары. Работа этих фондов предполагает компенсирование расходов крестьян в рамках данной программы.

3. Упрощение цепочки «производитель – продавец». Уменьшение количества посредников в этой цепи поможет существенно снизить стоимость товара и сэкономить на логистических услугах.

Таким образом, в настоящее время благодаря принимаемым мерам правительству КНР в целом удается в некоторой степени сдерживать рост цен на продукты, и продовольственная безопасность в основном гарантирована. Однако, по прогнозам специалистов, в ближайшее время КНР предстоит столкнуться с новыми угрозами и вызовами относительно продовольственного обеспечения, среди которых негативные последствия демографического роста, дефицит пахотных земель, проблема снабжения пресной водой, трудности в работе закупочной системы, а также рост потребностей населения страны. Тем не менее, проблеме продовольственной безопасности в Китае на государственном уровне отводится только второе место. На первом же месте по-прежнему стоит задача стимулирования экономического роста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Statistical Yearbook of the Republic of China [Electronic resource] // Statistical. – Access: <http://eng.dgbas.gov.tw>.
2. OECD Statistics [Electronic resource] // The Organization for Economic Co-operation and Development (OECD). – Access: <http://www.oecd.org>.
3. FAO: Applications and uses for food balance sheets data [Electronic resource] // Food and Agriculture Organization. – Access: <http://www.fao.org>.
4. Chen, J. Rapid urbanization in China: A real challenge to soil protection and food security // CATENA. – 2007. – Vol. 69 (1). – P. 1–15.
5. Zhu, J. 2004. Public investment and China's long-term food security under WTO // Food Policy. – 2004. – Vol. 29 (1). – P. 99–111.
6. Hansen, J. Impact of China's Agriculture Policies on Domestic and World Commodity Markets / J. Hansen, F. Tuan, A. Somwaru, R. Seeley. – Washington DC : Economic Research Institute, 2009. – 124 p.

7. Kwiecinski, A. Quantitative Evaluation of Agricultural Policy Reforms in China: 1993–2005 / A. Kwiecinski. – Paris : OECD Publ., 2007. – 242 p.
8. Anderson, K. Food security policy options for China : Lessons from other countries / K. Anderson, A. Strutt // *Food Policy*. – 2014. – Vol. 49 (1). – P. 50–58.
9. Wang, J. Food Security, Food Prices and Climate Change in China : a Dynamic Panel Data Analysis // *Agriculture and Agricultural Science Procedia*. – 2010. – Vol. 1. – P. 321–324.
10. Wei, T. Climate change impacts on crop yield : Evidence from China / T. Wei, T. Cherry, S. Glomrod, T. Zhang // *Science of The Total Environment*. – 2014. – Vol. 499. – P. 133-140.
11. Bender, W. Population, food and nutrition / W. Bender. – Washington DC : United States Department of Agriculture, 2002. – 100 p.
12. Gandhi, P. Food demand and the food security challenge with rapid economic growth in the emerging economies of India and China / P. Gandhi, Z. Zhangyue. *Food Research International*. – 2014. – Vol. 63. – P. 108–124.
13. Badami, M. Urban agriculture and food security: A critique based on an assessment of urban land constraints. *Global Food Security*. 2014 / M. Badami, N. Ramankutty [Electronic resource]. – Access: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2211912414000431>.

REFERENCES

1. *Statistical Yearbook of the Republic of China*. Statistical. Available at: <http://eng.dgbas.gov.tw> (accessed 23 November 2014).
2. *OECD Statistics*. The Organization for Economic Co-operation and Development (OECD). Available at: <http://www.oecd.org> (accessed 23 November 2014).
3. *FAO: Applications and uses for food balance sheets data*. Food and Agriculture Organization. Available at: <http://www.fao.org> (accessed 23 November 2014).
4. Chen J. Rapid urbanization in China: A real challenge to soil protection and food security. *CATENA*, 2007, vol. 69, no.1, pp. 1–15.
5. Zhu J. Public investment and China's long-term food security under WTO. *Food Policy*, 2004, vol. 29, no. 1, pp. 99–111.
6. Hansen J., Tuan, F. , Somwaru, A., Seeley, R. Impact of China's Agriculture Policies on Domestic and World Commodity Markets. Washington DC: Economic Research Institute, 2009. 124 p.
7. Kwiecinski A. Quantitative Evaluation of Agricultural Policy Reforms in China: 1993-2005. Paris: OECD Publishing, 2007. 242 p.
8. Anderson K., Strutt A. Food security policy options for China: Lessons from other countries. *Food Policy*, 2014, vol. 49, no. 1, pp. 50-58.
9. Wang J. Food Security, Food Prices and Climate Change in China: a Dynamic Panel Data Analysis. *Agriculture and Agricultural Science Procedia*, 2010, vol. 1, pp. 321–324.

10. Wei T., Cherry T., Glomrod S., Zhang T. Climate change impacts on crop yield: Evidence from China. *Science of The Total Environment*, 2014, vol. 499, pp. 133–140.

11. Bender W. *Population, food and nutrition*. Washington DC: United States Department of Agriculture, 2002. 100 p.

12. Gandhi P., Zhangyue Z. Food demand and the food security challenge with rapid economic growth in the emerging economies of India and China. *Food Research International*, 2014, vol. 63, pp. 108–124.

13. Badami M., Ramankutty N. *Urban agriculture and food security: A critique based on an assessment of urban land constraints*. *Global Food Security*, 2014. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2211912414000431> (accessed 23 November 2014).

Жариков Евгений Прокофьевич, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток. E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

ИНТЕГРАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА – ПУТЬ К ЭФФЕКТИВНОСТИ РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

Статья посвящена проблеме повышения эффективности рыбохозяйственного комплекса (РХК) России с целью выработки эффективных подходов к организации морской хозяйственной деятельности.

Цель статьи реализуется через решение следующих задач:

- анализ и вычленение проблем рыбохозяйственного комплекса;
- обоснование необходимости интегрированного развития РХК;
- обоснование стратегии повышения эффективности РХК России.

Интегрированная структура рыбной промышленности России, по сравнению с другими отраслями народного хозяйства страны, сыграла позитивную роль в начальные годы демонтажа административно-командной системы управления. Снижение влияния деструктивных факторов было достигнуто за счет:

- сочетания в РХК практически всех основных составляющих производства;
- меньшей зависимости РХК от горизонтальных связей с предприятиями других отраслей;
- наличия резервов в виде производственного потенциала.

Но затем, по мере перехода к новым формам производственных отношений и собственности, разрыва интегрированных отношений, начался длительный спад производства. РХК распался на отдельные структуры. Нарушение управления привело к дезинтеграции отрасли по всем ключе-

вым направлениям, что опосредованно вызвало и снижение сырьевой базы, и чрезмерную изношенность рыбодобывающего флота с диспропорциями его структуры и т.д.

Обнажились следующие проблемы, основные из которых:

- разинтегрированность РХК;
- разрыв устойчивых связей между предприятиями РХК;
- маломощность рыбных предприятий для организации полного цикла рыбопереработки и т.д.

Маломощные рыбодобывающие предприятия не способны в промышленных объемах создавать предприятия с полным циклом переработки. Поэтому стоит задача повернуть рыбные потоки сырья на российский берег и наладить соответствующую глубину эффективной переработки рыбного сырья и морепродуктов с учетом формирующихся потребностей. Решение такой задачи возможно лишь при формировании крупных рыбных корпораций, осуществляющих полный цикл: добыча – переработка – реализация. Такой подход не отрицает потребности в малых предприятиях и малом предпринимательстве.

Необходимо вернуться к ранее существовавшей тесной интеграции в рыбной отрасли только на новой основе с учетом реалий собственности, политики ценообразования и т.д. К корпорациям такого типа относятся вертикально-интегрированные структуры, обеспечивающие оптимальную структуру производства, ликвидацию неэффективных посредников и эффект синергизма.

Учитывая большие затраты на формирование корпораций с полным циклом производства, проблемы наделения рыбопереработчиков квотами на вылов и добычу биоресурсов, считаем, что необходим комплексный подход на основе государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: рыба и морепродукты, рыбохозяйственный комплекс (РХК), интеграция производства, корпорации, вертикально-интегрированные структуры.

Evgeniy P. Zharikov, Doctor of Economics, Professor, Department of World Economics, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

INTEGRATION OF PRODUCTION – THE PATH TO EFFICIENCY OF THE FISHERIES IN RUSSIA

The article is devoted to the problem of increasing the efficiency of the fishing industry (FI) in Russia with the aim of developing effective approaches to organization of maritime economic activities.

- The purpose of the article is realized through the following objectives:
- analysis and delineation of the problems of the fisheries sector;

- the rationale for integrated development of the fishing industry;
- the rationale for the strategy of increasing the efficiency of FI in Russia.

Integrated structure of the fishing industry of Russia in comparison with other sectors of the national economy has played a positive role in the early years of modernization of the administrative-command system of management. Reduction in the impact of destructive factors was achieved through the following factors:

- combination of almost every major production component in the FI;
- lower dependence of the FI upon horizontal linkages with enterprises of other industries;
- availability of reserves in the form of productive capacities.

However, new forms of production relations and property, as well as the disruption of integrated relations resulted in a long decline. The fishing industry split into separate structures. The breach of control led to the disintegration of the industry in all key areas that indirectly caused the decline of the resource base, and excessive deterioration of the fishing fleet with imbalances of its structure, etc.

The following problems were revealed:

- lack of the fishing industry integrity;
- disruption of the established links between fishing enterprises;
- inefficiency of fishing enterprises in the full cycle of fish processing, etc.

Low-yield fishing enterprises are not able to create companies with a full processing cycle in industrial-scale volumes. The challenge therefore is to turn the flows of fish yields to the Russian coast and to establish the appropriate depth for efficient processing of raw fish and seafood to meet the emerging needs. The solution of this problem is possible only through the establishment of large fishing corporations engaged in the full cycle: production – processing – selling. This approach does not deny the need for small businesses and companies

It is necessary to go back to the previous system of close integration in the fishing industry, though taking into account new forms of property and pricing policies, etc. Such corporations are vertically integrated structures that provide for the optimal structure of production, elimination of inefficient intermediaries, and use of the synergy effect.

Substantial costs of establishing full-cycle corporations and the issues of bio-resource quota allocation call for an integrated approach based on the public-private partnerships.

Key words: fish and seafood, fishing industry, integration of production, corporation, vertically integrated structures.

Основная доля приморских субъектов России, в частности, российского Дальнего Востока, является весомой опорой развития рыбопромышленного комплекса Российской Федерации. Имея выход к морям, особенно Тихого и Северного Ледовитого океанов, и значительную протяженность

береговой линии, они обладают определенным потенциалом освоения океанических биоресурсов.

Рыбохозяйственный комплекс (РХК) по организации – это интегрированная многоотраслевая структура, включающая широкий спектр видов хозяйственной деятельности, а также элементы производственной и социальной инфраструктуры. Именно такая интегрированная структура рыбной промышленности России, по сравнению с другими отраслями народного хозяйства страны, сыграла позитивную роль в начальные годы демонтажа административно-командной системы управления. Снижение влияния деструктивных факторов было достигнуто за счет:

- сочетания в РХК практически всех основных составляющих производства;

- меньшей зависимости РХК от горизонтальных связей с предприятиями других отраслей, которые в существенной мере были нарушены в процессе перестройки хозяйственного механизма;

- наличия резервов в виде производственного потенциала.

Относительная замкнутость и самодостаточность РХК сыграла на первом этапе перестройки положительную роль в устойчивом его развитии, РХК оказался менее охвачен перестроечными процессами. Но затем, по мере перехода к новым формам производственных отношений и собственности, разрыва интегрированных отношений, начался длительный спад производства.

В результате приватизации государственной собственности единый рыбохозяйственный комплекс стал распадаться на отдельные структуры, в результате чего возникло большое количество самостоятельных предприятий, каждое из которых занялось добычей, обработкой и сбытом рыбопродукции, привлекая к своей деятельности массу посредников, что привело к удорожанию рыбопродукции, а следовательно – к снижению конкурентоспособности рыбохозяйственной деятельности.

С уровня достижения фактического результата – падает объем добычи рыбы и морепродуктов. К началу перестройки их добыча снизилась в 2009 г. (наиболее уловистый год) на 40,0 %. В 2012 г. снижение уловов к предыдущему году составило 2,7 %.

Снижение объемов добычи рыбы и морепродуктов связано, в первую очередь, с ухудшением промысловой обстановки. В 2012 г. резко уменьшился промысловый запас основного добываемого вида – минтая – из-за ухудшения сырьевой базы и, как следствие, это привело к сокращению квот на его вылов. Здесь уместно отметить, что еще в 1990 г. (году падения объемов производства) биологи отмечали состояние практически всех популяций минтая как неудовлетворительное и предлагали ввести с 1991 г. ограничения на объемы его вылова на 15 % на 3–5 лет. Однако никаких мер принято не было.

Отсутствие внятного управления в экономике переходного периода привело к дезинтеграции отрасли по всем ключевым направлениям, что

опосредованно вызвало и снижение сырьевой базы, и чрезмерную изношенность рыбодобывающего флота с диспропорциями его структуры и т.д., о чем уже так много написано.

Активная перестройка хозяйственного механизма управления экономикой страны и её отраслями и комплексами идет уже третий десяток лет, а внятных результатов нет, к тому же все происходит более глубокое сползание в сырьевой сектор. Формированию данной тенденции всячески содействуют как страны-партнеры России, так, к сожалению, и различные бизнес-структуры страны, лоббируя, в том числе, принятие законодательных актов, не содействующих экономическим интересам государства.

Еще одна из веских причин, сопровождающих унылый ход развития экономики страны, в частности, рыбопромышленного комплекса, – в отсутствии кадров, способных создавать и управлять интегрированными комплексами, к которым относится рыбная отрасль. За прошедшие 25–30 лет ушли из отрасли по старости компетентные кадры. Пришедшие им на смену обучались в процессе перестройки только захвату собственности и методам личного обогащения. И это происходило по всем отраслям и системам органов управления, как хозяйственными системами, так и страной.

Поэтому, анализируя состояние рыбной отрасли и предложения по её реанимации, сталкиваясь с пониманием того, что люди, ответственные за эффективное развитие РХК, или плохо понимают, что делают, либо не могут по каким-то причинам делать хорошо, либо еще что-то другое.

Простой пример: практически ни один семинар, где есть выступления работников рыбной отрасли, ни одно совещание по рыбной проблематике не обходится без призывов к необходимости «глубокой переработки» рыбного сырья и морепродуктов, поскольку переработка дает больше прибавочной стоимости и вообще это дело супервыгодное. Создается впечатление, что прибыль сама идет в руки, но её не желают брать.

Так ли всё просто? Обратимся к понятию переработки рыбы и морепродуктов. По определению [1], рыбная промышленность объединяет два вида производств: лов и добычу биоресурсов в естественных и искусственных водоемах и их переработку. Причем, из-за их свойства быстро портиться остра проблема сокращения времени между добычей и обработкой рыбы и морепродуктов. Оптимальный вариант – организация по возможности непрерывного технологического процесса.

Традиционно процесс переработки биоресурсов разделяют на первичную переработку и глубокую. К первичной переработке относят этапы обработки рыбы от ее вылова до отправки на склад в виде мороженных блоков. Она включает: приемку свежельвленной рыбы (с возможностью хранения в охлажденном виде от нескольких часов до суток), сортировку, отделение головы, потрошение и т.д. К глубокой переработке – производство рыбных полуфабрикатов и готовых продуктов. Анализируя нормативные акты о регламентации, отнесении продукции к той или иной степени пере-

работки, президент Всероссийской ассоциации рыбохозяйственных предприятий, предпринимателей и экспортеров (ВАРПЭ) А. Фомин отмечает, что в отношении рыбы не следует применять критерии промышленной продукции. В частности, в соответствии с существующим регламентом, мороженое рыбное филе не является продукцией переработки [2].

В анализе данной проблемы подсознательно мы будем исходить из понятия добавленной стоимости, формирующейся в результате определенного воздействия на предмет труда, исключая операции, не изменяющие его фактуру, в частности, простую перевозку (перемещение) в пространстве.

Для того, чтобы рыба и морепродукты (биоресурсы) стали сырьем и предметом потребления, необходимо осуществить **этап 1**, включающий следующие операции:

- лов, добычу и сортировку;
- прием биоресурсов на суда (для переработки в море, целевой транспортировки, целевой заморозки и транспортировки) или на берег. Считаем, что результатом этапа 1 является получение **сырья** (для дальнейшей переработки и относительно длительного хранения в замороженном виде) и **предметов потребления** (для непосредственного прямого использования в виде готового продукта – корма для зверехозяйств и т.п., реализации населению в свежем и свежемороженом виде).

Этап 2. Исходным объектом данного этапа является сырье в свежем или в подмороженном (замороженном) виде. Основные операции данного этапа – разделка рыбы и морепродуктов с разной степенью глубины (отсечение головы, изъятие икры, печени, промывка и т.д.). Выходом этапа является широкий спектр сырьевых полуфабрикатов, в том числе и мороженое рыбное филе.

Этап 3. Производство рыбных консервов, пресервов; варено-мороженых ракообразных; соленой, сушено-вяленой, копченой рыбопродукции; рыбных котлет, колбас, крабовых палочек, чипсов и т.д.

Из анализа сформированных этапов следует, во-первых, что для широкого спектра потребителей рыба и морепродукты становятся предметами потребления с достаточной степенью обработки уже после этапа их добычи и первичной сортировки. Следовательно, глубокая переработка биоресурсов представляет своё больше теоретическое понятие, чем практическое. Поэтому под глубокой переработкой биоресурсов можно понимать конечные предметы потребления, которые можно получить из них только в настоящее время, при существующих технологиях. Если на этот процесс наложить экономическую составляющую, то следует добавить: при выполнении принципа эффективности выгоды превосходят затраты.

Во-вторых, глубину переработки биоресурсов формирует потребитель через приобретение той или иной рыбопродукции, в том или ином виде, ассортименте и т.п. на свободном рынке.

Таким образом, получается, что проблемы РК России, в том числе вопросы его эффективности и недостаточного участия в формировании внут-

ренного рынка рыбопродукции, не так уж остро и не в первую очередь зависят от глубины переработки рыбы и морепродуктов. Следовательно, причины – в организации РХК и нормативной базе, стимулирующей и определяющей такую организацию. Тем более, ранее мы уже отмечали, что приватизация в РХК привела к распаду его на отдельные маломощные структуры, с необходимостью привлечения для своей деятельности массы посредников, что привело к снижению конкурентоспособности рыбохозяйственной деятельности. Этому способствовала и необходимость выживания в 90-е годы XX в. путем экспорта всего, что покупают за рубежом, в том числе и морепродуктов. Обнажились следующие проблемы, выделим основные:

- разинтегрированность РХК;
- разрыв устойчивых связей между предприятиями РХК;
- маломощность рыбных предприятий для организации полного цикла рыбопереработки и т.д.

В результате – сырьевая база, средства производства, холодильники, складское хозяйство и т.п. оказались у разных собственников, каждый из которых диктует свои цены, а в худшем случае они уже утратили свою ценность. С учетом растущих мировых потребностей в биоресурсах, в лучшем положении оказались собственники сырьевой базы биоресурсов. Высокие мировые цены, по сравнению с внутренними ценами, сформировали вектор направленности реализации рыбы и морепродуктов за рубеж. Параллельно проходила и либерализация законодательной базы, в основном направленной на снятие барьеров для обеспечения более неконтролируемой внешнеэкономической деятельности. Достаточно отметить принятие в июне 2013 года ФЗ № 148 «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». В результате для прибрежного рыболовства была принята разрешающая формулировка: «...при прибрежном рыболовстве осуществлять перегрузку уловов водных биологических ресурсов и производство на судах рыбопромыслового флота рыбной и иной продукции из водных биологических ресурсов». Принятый ранее Федеральный Закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» предписывал доставку всех прибрежных уловов на российский берег [3]. Это дало возможность осваивать прибрежные квоты без оглядки на береговые предприятия регионов и привело только к увеличению экспортных поставок биоресурсов. В настоящее время лоббируются и другие предложения, в частности, что «рыбными ресурсами России, и особенно Дальнего Востока, должен распоряжаться только бизнес, имеющий к ним доступ. Госконтроль в рыбной отрасли необходимо свести к минимуму, а законодательное регулирование осуществлять в интересах рыбопромышленных «игроков» [4].

Естественно, что маломощные рыбодобывающие предприятия не способны в промышленных объемах создавать предприятия с полным циклом переработки. С одной стороны, у них мало средств, с другой стороны, они уже втянуты в орбиту деятельности зарубежных перерабатывающих пред-

приятый вполне определенными обязательствами, которые не намерены менять сложившиеся цепочки поставок. В частности, представитель группы компаний «Примрыбснаб» А. Шулдык отмечает, что КНР просто так свою монополию на рыбопереработку не отдаст и будет дотировать отрасль, лишь бы не потерять российских поставщиков сырья [3].

Учитывая существующий расклад и интересы рыбопромышленников, естественен вопрос – что делать? Ведь требуется не только повернуть рыбные потоки сырья на российский берег, но и наладить соответствующую глубину эффективной переработки рыбного сырья и морепродуктов с учетом формирующихся потребностей. Решение такой задачи возможно лишь при формировании крупных рыбных корпораций, осуществляющих полный цикл: от добычи рыбы и морепродуктов до соответствующей глубины их переработки и реализации, зависящих от потребностей и экономической целесообразности. Такой подход не отрицает потребности в малых предприятиях и малом предпринимательстве, роль которых должна усиливаться в решении прибрежных проблем с учетом распределения населения в приморских зонах, реализации программ по аква-, марикультуре и т.п.

Фактически это возврат к ранее существовавшей тесной интеграции в рыбной отрасли, только на новой основе, с учетом реалий собственности, политики ценообразования и т.д.

Как показывает практика современного развития экономики, к корпорациям такого типа относятся вертикально-интегрированные структуры (ВИС), интегрированные от добычи и переработки сырья до выпуска продукции конечного спроса и утилизации. Тем самым обеспечивается оптимальная структура производства, убираются неэффективные посредники. А путем диверсификации производства и объединения однородных предприятий в составе корпорации повышается экономическая эффективность за счет эффекта синергизма [5].

Пути реализации стратегии формирования в рыбной отрасли вертикально-интегрированных структур не так уж очевидны. Важная составляющая в решении данной проблемы – квоты на вылов и добычу биоресурсов. Их надо соединить с переработчиками рыбы и морепродуктов. По мнению А. Шулдыка, российских переработчиков необходимо законодательно обеспечить рыбными квотами.

Накопленный опыт распределения квот показывает, что этого явно недостаточно, основой должно стать государственно-частное партнерство. Необходим комплексный подход к решению проблемы на основе программно-целевого метода, учитывая сложность отрасли, ее высокую затратность и зависимость от государственного регулирования.

Следует отметить, что потребность в интеграционных процессах отмечают и специалисты рыбной отрасли. Те же самые пожелания записаны и в Программе развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации [6] и дублирующих её региональных Программах. Так, в качестве од-

ного из возможных вариантов активизации интеграционных процессов предлагается разбиение квот на крупные лоты, которые способны выбрать совместно 10–12 судов. Ожидается, что в этом случае мелкие предприятия вынуждены кооперироваться для осуществления производственной деятельности. К сожалению, это совсем не очевидно. Опять же, причины кроются в несовершенной системе регламентации рыбохозяйственной деятельности. Помимо отсутствия четкой регламентирующей базы управления водными биоресурсами (добычей, переработкой, воспроизводством), нормативные документы разных ведомств – противоречивы, что характеризует недостаточную сформированность единой вертикали управления, на что мы уже указывали ранее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыбопереработка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: stellberg.ru/otrasl/10511.
2. Фомин, А. Глубокая переработка рыбы должна идти особой статьей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fishnews.ru/news/21414>.
3. Шулдык, А. Рыбопереработка КНР просто так от «услуг» рыбаков Дальнего Востока не откажется [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/economics/01.10.2014/390361/ribopererabotka-knr-prosto-tak-ot-uslug-ribakov-dv-ne-otkazhetsya.html>.
4. Верховский, [А.]. Рыбными ресурсами России должен распоряжаться только бизнес [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/politics/28.06.2013/285611/ribnimi-resursami-rossiidolzhnen-rasporyazhatsya-tolko-biznes-verhovskiy.html>.
5. Жариков, Е. П. Системные эффекты в корпоративных структурах и их измерение / Е. П. Жариков, В. Е. Жариков. – Владивосток : Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. – 108 с.
6. Государственная Программа Российской Федерации «Развитие рыбохозяйственного комплекса». Москва, 2013 (проект) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fish.gov.ru/lawbase/Documents/>.

REFERENCES

1. *Rybopererabotka* [Fish processing]. Available at: stellberg.ru/otrasl/10511 (accessed 23 November 2014).
2. Fomin A. *Glubokaya pererabotka ryby dolzhna idti osoboi stat'ei* [Deep processing of fish should go to a special article]. Available at: [fishnews.ru "fishing news"21414](http://fishnews.ru/news/21414) (accessed 23 November 2014).
3. Shuldyk A. *Rybopererabotka KNR prosto tak ot «uslug» rybakov Dal'nego Vostoka ne otkazhetsja* [Fish processing, China's "services" fishermen of the Far East will not give up]. Available at: <http://primamedia.ru/news/economics/01.10.2014/390361/ribopererabotka-knr-prosto-tak-ot-uslug-ribakov-dv-ne-otkazhetsya.html> (accessed 23 November 2014).

4. Verkhovskii [A.]. *Rybnymi resursami Rossii dolzhen rasporyazhat'sya tol'ko biznes* [The fish resources of the Russian Federation shall be administered only by business]. Available at: <http://primamedia.ru/news/politics/28.06.2013/285611/ribnimi-resursami-rossii-dolzhen-rasporyazhatsya-tolko-biznes-verhovskiy.html> (accessed 23 November 2014).

5. Zharikov E.P., Zharikov V.E. *Sistemnye efekty v korporativnykh strukturakh i ikh izmerenie* [Systemic effects in corporate structures and their measurement]. Vladivostok: Publ. house Far Eastern Feder. Univ., 2012. 108 p.

6. Gosudarstvennaya Programma rossiiskoi Federatsii «Razvitie rybokhozyaistvennogo kompleksa». Moskva, 2013 (proekt) [The state Program of the Russian Federation "Development of the fish economy". Moscow, 2013 (draft)]. Available at: <http://fish.gov.ru /lawbase /Documents/> (accessed 23 November 2014).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

CRIMINAL LAW

Коробеев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. E-mail: crimlaw@gambler.ru

Мальцев Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, магистр международного уголовного права и правосудия, доцент кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. E-mail: alex@maltsev.biz

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ СИНГАПУР*

Уголовное право Сингапура отличается особой спецификой. Такая специфика весьма ярко выражается в особенностях института наказания. Репрессивность уголовного права Сингапура проявляется в применяемых до настоящего времени телесных наказаниях, широком распространении смертной казни, а также длительных сроках тюремного заключения. В настоящей работе рассмотрены четыре функции наказания, известные и российским правоведом: возмездие, превенция (общая и специальная), изоляция и реабилитация. Кроме того, авторы анализируют особенности назначения и исполнения каждого из пяти наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом Сингапура: смертной казни, тюремного заключения, конфискации имущества, штрафа, ударов палками. Традиционно уголовное право Сингапура предусматривает лишь виды наказаний и устанавливает некоторые правила их назначения. Поскольку уголовно-исполнительное право до настоящего времени в самостоятельную отрасль не оформилось, вопросы исполнения наказания урегулированы Уголовно-процессуальным кодексом и некоторыми другими законами. В статье также проанализированы некоторые особенности назначения наказания по совокупности преступлений, и при отягчающих обстоятельствах. В заключение авторы делают вывод, что именно сочетание строгости наказания, даже при всей его жестокости, с неотвратимостью исполнения, определяет эффективность сингапурского уголовного права.

Ключевые слова: Сингапур, наказание, смертная казнь, конфискация, телесные наказания, зарубежное уголовное право, уголовное право Сингапура.

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, Государственное задание на выполнение НИР 29.763.2014/К.

Alexandr I. Korobeev, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia. E-mail: crimlaw@rambler.ru

Alexander A. Maltsev, Cand. Sci (Law), LL.M. in International Crime and Justice, Associate professor, Department of Criminal Law and Criminology, Vladivostok, Russia. E-mail: alex@maltsev.biz

PUNISHMENT IN CRIMINAL LAW OF SINGAPORE*

Criminal law of Singapore has its own distinctive features. Such specificity is most obvious within the legal norms of punishment. Repressive character of the Singaporean criminal law represents itself by the widespread imposition of the death penalty, corporal punishments, and lengthy terms of imprisonment. In this paper, we discuss the four functions of penalties, also known to Russian legislators: retribution, deterrence (general and special), isolation and rehabilitation. In addition, the authors analyze the features of imposition and execution of each of the five penalties in the Penal Code of Singapore: death penalty, imprisonment, confiscation of property, fines, and caning. Traditionally, the Singaporean criminal law only stipulates the types of punishment and some rules of applying them. Criminal procedures regarding the imposition and execution of punishment can be found in the Criminal Procedure Code and other pieces of legislature. The paper also analyzes some of the features of sentencing for multiple offenses, and aggravated offences. In conclusion, the authors state that the combination of the severity of punishment, even with all its cruelty, with the inevitability of its execution, determines the efficiency of Singapore's criminal law.

Keywords: Singapore, punishment, death penalty, confiscation, corporal punishment, foreign criminal law, criminal law of Singapore.

«Жить в обществе и быть свободным от общества – нельзя», – утверждал классик. Если принять это утверждение за истинное, то столь же очевидной будет мысль о том, что существование законодательной системы государства невозможно вне связи и зависимости ее от аналогичных систем сообщества других стран мира.

То, что это действительно так, подтверждается результатами реформы уголовного законодательства, прокатившейся в последние годы по многим государствам Европы и Азии (Германия, Франция, Испания, Чехия, Словакия, Венгрия, Украина, Россия, Казахстан, Китай, Вьетнам и др.). Анализ законодательных систем этих стран показывает, что многие из них в ходе

* Scientific results obtained in the framework of the state task of The Ministry of education and science of Russian Federation, the task № 29.763.2014 / К.

реформ дополнились отдельными нормами, институтами, положениями и принципами, заимствованными у других государств.

Уголовное законодательство Сингапура (в сравнении с уголовным законодательством многих других стран АТР) отличается весьма заметным своеобразием – как трактовкой законодателем институтов и норм Общей его части, так и кругом, объемом, формами, приемами и способами криминализации конкретных общественно опасных деяний. Сингапурский уголовный закон за почти 150-летнюю историю значительно изменился по сравнению с первой редакцией Уголовного кодекса колонии Стрейтс Сеттлментс, принятого в 1871 г. и являвшегося по сути калькой с Уголовного кодекса Индии 1860 г. Специфика законодательства того времени сохранилась даже после внесения в кодекс существенных изменений в 2007 г.

Институт уголовного наказания наиболее ярко отражает уникальную репрессивность сингапурского уголовного права, вряд ли свойственную какому-либо другому цивилизованному государству.

Традиционно уголовное право в Сингапуре предусматривает лишь виды наказаний и устанавливает некоторые правила их назначения. Поскольку уголовно-исполнительное право до настоящего времени в самостоятельную отрасль не оформилось, вопросы исполнения наказания урегулированы Уголовно-процессуальным кодексом и некоторыми другими законами.

Уголовный кодекс Сингапура не дает понятия наказания и не указывает на какой-либо единый порядок его назначения. При рассмотрении каждого уголовного дела суды руководствуются санкциями соответствующих статей УК, предусматривающих ответственность за данное преступление, а также верхними пределами каждого наказания, установленными в ст. 303 УПК. Общие начала назначения наказания оставлены уголовно-правовой науке и правовому обычаю, являющемуся в Сингапуре источником права. В свою очередь, в науке уголовного права Сингапура институт наказания рассматривается скорее с философской, нежели с практической точки зрения.

Несмотря на такую правовую неопределенность, в сингапурской пенологии принято выделять четыре (известные российским правоведам) функции (цели) наказания: возмездие, превенция (общая и специальная), изоляция и реабилитация.

Сингапурское уголовное право традиционно следует по пути кнута, нежели пряника и нередко критикуется за излишнюю строгость. Как еще в 1965 г. писал сингапурский исследователь Т.Т.Б. Кох, доминирующей идеей при назначении наказания судьями является возмездие, и когда говорят о том, что наказание чрезмерно строго, обычно имеется в виду, что оно превышает некий предел из неписанной «табели», которой следуют судьи [1]. 25 лет спустя такой подход все еще был актуален. Так, К. Кларксон при написании учебника по уголовному праву Сингапура указывал: «Возмездие» – ёмкое понятие. Оно до сих пор часто используется в его старом значении, обозначающем отмщение. Идея заключается в том, что является

правильным ненавидеть преступников и бить в ответ по принципу «око за око, зуб за зуб». Проявление такой философии может быть обнаружено в широком применении в Сингапуре ударов палками [как вида наказания – А.К., А.М.], чаще всего за насильственные преступления. Это форма подхода, выражающегося в том, чтобы «дать сдачи» [2]. Как мы видим, сохранение в уголовном законе абсолютно определенных и безальтернативных санкций, а также продолжающаяся широкая практика применения телесных наказаний и смертной казни свидетельствуют о сохранении данного подхода до настоящего времени.

Превенция в сингапурском уголовном праве, так же как и в российском, исходя из адресата разделяется на общую, направленную на всех лиц, и частную, реализуемую в отношении конкретного преступника. При этом общая превенция реализует не просто воспитательную функцию уголовного права, а, скорее, функцию устрашающую. В сочетании с возмездием превенция до настоящего времени остается господствующей целью наказания, причем его суровость законодателем возводится в ранг образцово-показательной, а судьи периодически выносят аналогичные приговоры, предусматривающие непропорционально строгие наказания за те преступления, по которым наблюдается статистический рост [2, с. 20]. Именно этот принцип до недавнего времени лежал в основе сингапурской уголовно-исполнительной системы, предусматривавшей режим отбывания лишения свободы, основанный на тяжком труде и спартанских условиях проживания [3].

Под изоляцией как функцией наказания в Сингапуре понимается исключение осужденного из общества и защита таким образом общества от возможных последующих преступлений данного индивида. Изоляция осуществляется, прежде всего, путем применения к осужденным смертной казни, а также лишения свободы, в том числе пожизненного, и применения превентивного заключения, исправительно-трудового воздействия с продленными сроками отбывания наказания.

Примерно с середины прошлого века в Сингапуре возникла тенденция гуманизации исполнения наказания. В докладе тюремной комиссии за 1948 г. указывалось на то, что система исполнения лишения свободы, основанная исключительно на возмездии, не доказала своей эффективности. Широкое внедрение коррекционных методов реформативного воздействия – единственная надежда сингапурского общества на перевоспитание преступников в такой мере, в какой они смогут снова занять свое место в обществе как ответственные граждане [4]. Такое направление уголовно-исполнительной политики развилось в весьма широкое применение штрафа как меры наказания, а также в применение прежде всего воспитательных, нежели карательных и стигматизирующих, средств исправительного воздействия в период отбывания лишения свободы.

Что касается так называемой лестницы наказаний, то в настоящее время Уголовный кодекс Сингапура предусматривает 5 видов наказаний: смертная казнь, тюремное заключение, конфискация имущества, штраф,

удары палками. Дополнительные наказания могут быть установлены специальными законами.

Смертная казнь предусмотрена за отдельные преступления против государства, пиратство, мятеж в вооруженных силах, убийство, некоторые другие преступления против жизни, похищение человека, торговлю оружием, ввоз и торговлю наркотиками. Приведение в исполнение смертельного приговора осуществляется исключительно по пятницам, утром, путем повешения в тюрьме.

Смертная казнь за убийство присутствует в уголовном законодательстве с тех времен, когда Сингапур был британской колонией, за остальные преступления данный вид наказания вводился поправками в Уголовный кодекс, а также путем принятия отдельных законодательных актов, например, Закона о незаконном обороте наркотиков.

По данным международной организации Amnesty International, более 70% казней назначается в качестве наказания за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, а за период с 1991 г. по 2011 г. в исполнение приведено около 450 смертных приговоров. Приведенные цифры являются лишь приблизительным подсчетом ввиду того, что правительство Сингапура нерегулярно обнародует сведения о приговорах и приведении их в исполнение [5]. Необходимо отметить, что в период с 2011 г. по 2013 г. смертные приговоры в Сингапуре не приводились в исполнение. Своеобразный мораторий на смертную казнь был принят под давлением мирового сообщества и правозащитных организаций. В 2012 г. было частично пересмотрено законодательство Сингапура и отменено безусловное назначение смертной казни за убийство и некоторые наркопреступления. По сообщению Международной Амнистии [6], как минимум девяти осужденным смертная казнь в этот период была заменена на пожизненное лишение свободы и телесное наказание. Тем не менее, несмотря на упомянутый «мораторий», в июле 2014 г. в исполнение приведены два смертных приговора, вынесенных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

До настоящего времени некоторые нормы уголовного законодательства Сингапура содержат безальтернативные санкции, предусматривающие наказание в виде смертной казни. Так, за преступления против президента (ст. 121А) предусмотрено единственное основное наказание – смертная казнь и штраф в качестве дополнительного. В то же время, в докладе Специального докладчика Комиссии по правам человека по вопросу о внесудебных, суммарных или произвольных казнях сообщается: «Ни при каких обстоятельствах смертная казнь не должна назначаться в обязательном порядке, независимо от характера предъявленных обвинений» [7]. Несмотря на тот факт, что обязательный приговор к смертной казни может быть впоследствии изменен с помощью процедур смягчения наказания, такая обязательная мера наказания затрудняет возможности суда принять во внимание различные смягчающие обстоятельства, которые могут вывести совершен-

ное преступление за рамки категории наиболее серьезных преступлений или даже лишить его такой возможности [8]. В то же время, по данным Организации Объединенных Наций, Сингапур является одной из стран-лидеров по количеству смертных казней на миллион жителей.

Лишение свободы является, пожалуй, наиболее распространенным наказанием в Сингапуре. Подавляющее большинство санкций уголовного кодекса предусматривает данный вид наказания. Длительность лишения свободы может составлять от нескольких дней до пожизненного. Ранее пожизненное лишение свободы приравнивалось к лишению свободы на срок в 20 лет, но в связи с последними изменениями в законодательстве такое тождество исключено. В качестве довода законодатель указал, что данная норма является устаревшей.

История сингапурских тюрем берет свое начало в 1820 г., с прибытием в колонию двухсот заключенных из Индии, приговоренных к «транспортиции» и сосланных в Сингапур. Располагались заключенные в сарае, а первая капитальная тюрьма была построена в 1847 г. [3, 254]. Самой известной сингапурской тюрьмой считается тюремный комплекс Чанги, именно в нем приводятся в исполнение смертные приговоры и исполняются телесные наказания. В настоящее время в Сингапуре насчитывается 7 тюрем, 4 наркореабилитационных центра и один исправительно-трудовой лагерь. По режиму тюрьмы делятся на тюрьмы с максимальным и средним уровнем безопасности (строгости режима). В 2003 г. в тюрьмах Сингапура содержалось 17 375 заключенных, в 2013 г. эта цифра сократилась на 42 % и составила 10 042, из которых женщин около 9 %, иностранцев около 20 %. Коэффициент заключенных на 100 тыс. населения составил в 2003 г. 412 чел., а в 2013 г. – 186 чел. [9, 10].

Что касается *конфискации имущества*, то данный вид наказания используется реже, чем штраф, но по отдельным категориям преступлений конфискация применяется достаточно часто, несмотря на то, что в Уголовном кодексе зафиксировано всего несколько преступлений, за совершение которых предусмотрена конфискация имущества: совершение мародерства на территории иностранных государств, находящихся в альянсе или мирных отношениях с Сингапуром (ст. 126), принятие имущества, добытого на территории или в ходе ведения войны против таких государств (ст. 127), подделка монет (гл. XII), подделка банкнот (гл. XVIII).

Конфискация имущества широко применяется посредством введения специальных уголовных законов, криминализирующих отдельные деяния и устанавливающих данный вид наказания, например, Закон о конфискации доходов от коррупции, торговли наркотиками и других серьезных преступлений [11], Закон о пресечении финансирования терроризма [12]. Необходимо отметить, что в соответствии с указанными законами конфискация применяется не только как наказание, но и как обеспечивающая либо процессуальная мера.

Штраф в Сингапуре применяется повсеместно не только как мера уголовного наказания. Среди жителей Сингапура даже существует поговорка:

«Singapore is a fine city», которую можно перевести и как «Сингапур – прекрасный город», и как «Сингапур – город штрафов».

Следует заметить, что санкции уголовно-правовой нормы не всегда называют минимальный и максимальный размеры штрафа, в УК чаще говорится «подлежит штрафу». УПК Сингапура предусматривает, что в случае четкого указания на порядок назначения штрафа необходимо применять следующие правила. Если сумма штрафа не определена, размер штрафа может быть неограниченным, но не должен быть чрезмерным. В любом деле при назначении штрафа в качестве меры наказания, до момента уплаты штрафа целиком, суд вправе предоставить отсрочку платежа, а также продлить ее, предусмотреть выплату штрафа частями, выдать ордер о взыскании суммы штрафа путем наложения ареста и продажи имущества, принадлежащего преступнику. Суд также может указать на изъятие суммы денег, принадлежащей преступнику и находящейся при нем в момент его задержания или заключения в тюрьму, в счет погашения суммы штрафа. Также суд может постановить, что за неимением необходимой суммы штрафа преступник подлежит отбытию тюремного заключения на определенный срок, причем срок такого заключения суммируется с основным сроком лишения свободы. Длительность такого срока может быть не более половины от максимального срока лишения свободы, предусмотренного за совершение соответствующего преступления, если срок заключения, постановленный судом, превышает 6 месяцев. Если длительность срока основного наказания не превышает 6 месяцев, дополнительно может быть назначено отбывание лишения свободы до максимума, предусмотренного соответствующей статьей, но лишение свободы в качестве основного наказания может и не быть назначено. В такой ситуации, если штраф не превышает 50 долларов и преступник неплатежеспособен, он может быть лишен свободы на срок до двух месяцев, если штраф от 50 до 100 долларов – до 4 месяцев, и в остальных случаях – до 6 месяцев. Причем дополнительный срок заключения может окончиться досрочно с уплатой или взысканием штрафа.

В Сингапуре весьма широко применяются *телесные наказания*. Традиционно удары палками как мера наказания назначались за преступления, связанные с применением насилия. Впоследствии они были предусмотрены и за совершение преступлений, которые, по сути, не были насильственными или жестокими, но несли в себе риск причинения вреда гражданам [13]. Сейчас данный вид наказания в качестве основного применяется за более чем 40 преступлений, предусмотренных различными уголовными законами, а также за воинские преступления и дисциплинарные проступки в период отбывания наказания в виде лишения свободы. Также нанесение ударов палками может применяться как дополнительное наказание. Уголовный кодекс предусматривает такое наказание за ограбление, пиратство, изнасилование, похищение человека и др. Кроме того, в соответствии с Законом о дорожном движении [14] за трехкратное вождение автомобиля в не-

трезвом виде, превышение скорости и другие правонарушения может быть назначено дополнительное наказание до 6 ударов палками.

Нанесение ударов происходит ротанговой тростью диаметром не более 1,27 сантиметров, к подросткам применяется облегченная трость. За совершение двух и более преступлений, наказуемых ударами палками, судом назначается наказание по совокупности, но в сумме количество ударов не может превышать для взрослого – 24, для подростка – 10. Не применяется данный вид наказания к женщинам, мужчинам, приговоренным к смертной казни, а также к мужчинам в возрасте старше 50 лет. При его применении обязательно присутствие медика, удостоверяющего, что наказуемый по состоянию здоровья может понести наказание. Если по медицинским показаниям удары палками не могут быть применены к осужденному, суд может отменить данное наказание полностью и постановить новое – в виде лишения свободы на срок до года.

Кроме указанных, специальные законы предусматривают и другие меры карательного воздействия, которые сингапурские правоведы относят к мерам наказания. В зависимости от возраста подсудимого, количества и видов предыдущих судимостей суд может назначить наказание в виде мер воспитательного воздействия, коррекционного воздействия, превентивного заключения.

Меры воспитательного воздействия применяются к преступникам в возрасте от 16 лет до 21 года и назначаются взамен другого наказания по усмотрению суда. Лица, которым назначено данное наказание, помещаются в реформационные центры на срок от полутора до трех лет. Кроме того, сингапурский УПК предусмотрел четырехлетний период, в течение которого лицо находится под наблюдением после освобождения из реформатория.

Меры коррекционного воздействия применяются к преступникам, достигшим возраста 18 лет на момент совершения преступления и судимым ранее (после достижения 16-летнего возраста) два или более раза за совершение преступлений, наказуемых лишением свободы на срок свыше двух лет. Также основанием для применения таких мер может быть единовременное осуждение лица за совершение трех аналогичных указанным преступлениям и при отбытии им наказания в виде лишения свободы сроком свыше одного месяца в период после достижения 16-летия.

Превентивное заключение также применяется к ранее судимым, но достигшим на момент совершения преступления 30-летнего возраста. Его цель отлична от мер коррекционного воздействия и заключается не в исправлении осужденного, а в его изоляции от общества. Причем срок такой изоляции не может быть менее 7 лет и более 20 лет. Применяется превентивное заключение к лицам, опасным для общества и признанным стойко не подчиняющимися требованиям закона. Основания для назначения данного наказания те же, что и для мер коррекционного воздействия, но дополнительным условием является предыдущее отбытие лицом лишения свободы или мер коррекционного воздействия как минимум дважды.

Сингапурский законодатель предусмотрел возможность издания в отношении подсудимого приказа о *пробации* (разновидность условного осуждения), а также применение к нему других наказательных мер, не связанных с лишением свободы [13, с. 36–38].

Непосредственно правилам назначения уголовного наказания посвящены ст. ст. 57, 71–75 УК Сингапура. Законодатель указывает, что в случаях, когда какое-либо преступление состоит из действий, каждое из которых само по себе является преступным (например, нанесение множества ударов), либо содержит в себе признаки нескольких преступлений, если иное не предусмотрено законом, преступник не должен быть подвергнут наказанию за более чем одно из таких действий или преступлений (ст. 71).

Возможно и наказание лица, признанного виновным в совершении одного из нескольких преступлений, при условии наличия сомнений (ст. 72), которые не всегда толкуются в пользу обвиняемого. Если приговором постановлено, что лицо виновно в совершении одного из нескольких преступлений, указанных в приговоре, но имеются сомнения, в каком из этих преступлений лицо виновно, преступника следует подвергать наказанию за то преступление, наказание за которое установлено минимальным, если мера наказания не является одинаковой за каждое преступление.

Еще более специфично выглядит ст. 73 «Усиление наказания за преступления против домашней прислуги». Речь в ней идет о женщине, нанятой для прислуживания в доме, а также проживающей в таком доме. За причинение телесных повреждений, в том числе тяжких (ст. ст. 323–325 УК), за незаконное лишение свободы (ст. ст. 342–344 УК), угрозы или применение силы (ст. 354 УК), оскорбление чести женщины словом или жестом (ст. 509 УК), а также за попытки и угрозы совершения указанных преступлений в отношении домашней прислуги суд может приговорить нанимателя домашней прислуги либо члена его семьи к наказанию, в полтора раза более строгому.

Новая ст. 74 предусматривает усиление наказания за преступления, совершенные на религиозной и расовой почве. Для преступников, совершивших преступление по указанному мотиву, суд обязан назначить наказание в полтора раза более строгое, чем за преступление, совершенное по другим мотивам. При этом преступлением, совершенным на религиозной или расовой почве, признаются такие деяния, до, во время или после совершения которых виновный проявлял к потерпевшему враждебность, основанную на том, что потерпевший является или может, по мнению виновного, являться членом религиозной группы или относиться к какой-либо определенной расе. Также к такому преступлению можно отнести деяние, мотивом совершения которого являлась враждебность в отношении представителей определенной расы или членов религиозной группы.

Повторным преступникам, ранее осужденным к лишению свободы на срок свыше трех лет, за преступления, относящиеся к монетам и государственным печатям, а также за преступления против собственности, назнача-

ется более строгое наказание, чем к совершившим аналогичное преступление впервые. Такой преступник подлежит наказанию в виде пожизненного лишения свободы, либо лишения свободы на срок, удвоенный в сравнении с тем, какой был бы назначен за совершение того же преступления при других обстоятельствах. Однако, как указывается в ст. 75 УК, не следует подвергать такое лицо лишению свободы на срок, превышающий 15 лет.

При совершении лицом нескольких самостоятельных преступлений и рассмотрении их в рамках одного судебного производства суд может назначить такому лицу несколько отдельных мер наказания за каждое из совершенных преступлений (ст. 17 УПК). Если наказания предусмотрены в виде лишения свободы, их отбывание может происходить последовательно одно за другим в порядке, установленном судом (по истечении первого срока, второго и так далее), а также по решению суда сроки могут отбываться одновременно. Но если лицом совершено три или более преступления, рассмотрение которых происходит в рамках одного заседания суда, такое лицо обязано отбыть наказание последовательно как минимум за два таких преступления.

В Сингапуре в качестве способа исполнения лишения свободы весьма широко используется исправительно-трудовое воздействие. Данная мера также применяется к повторным преступникам, достигшим восемнадцатилетнего возраста, если будет установлено, что ранее они совершили два или более преступления, каждое из которых наказуемо лишением свободы на срок более двух лет. Назначается исправительное воздействие на срок от 5 до 14 лет.

Немаловажным средством ограничения осужденного от общества также является *превентивное заключение*. По сути, превентивное заключение является еще более строгим режимом отбывания наказания в виде лишения свободы, избираемым в отношении преступников, достигших к моменту совершения преступления 13-летнего возраста, а также к тем преступникам, которые по достижении ими 16-летнего возраста совершили более трех преступлений, каждое из которых наказуемо лишением свободы на срок свыше двух лет. Если такие обстоятельства будут установлены судом, то суд обязан назначить наказание в виде лишения свободы на срок от 7 до 20 лет.

Традиционно принято считать Сингапур одним из самых безопасных государств мира. Зачастую к факторам, сдерживающим рост преступности, относят весьма строгие законодательные предписания, при этом высказывается мнение о том, что такая практика может быть использована в качестве примера для уголовно-правовой рецепции в российскую правоприменительную и законотворческую практики. Возможно, такая позиция может быть обоснована конечной целью в виде сокращения показателей преступности, однако в противовес такому доводу обратимся к еще одному классику правовой науки, писавшему, что «сила наказания не в его тяжести, а в его неотвратимости». Именно сочетание строгости наказания, даже при

всей его жестокости, с неотвратимостью его исполнения, по нашему мнению, и определяет эффективность сингапурского уголовного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Koh, TTB. The Sentencing Policy and Practice of the Singapore Courts. 1965. *Malayan Law Review*, pp. 291–294.
2. Criminal Law in Singapore and Malaysia. Ch. 2 Crime and Punishment by CMV Clarkson / *Malayan Law Journal*. Singapore, Kuala Lumpur, 1989. P. 17.
3. Essays in Singapore Legal History. Ed. by Kevin Y.L. Tan. Singapore: Marshal Cavendish Academic, 2006. P. 256.
4. Report of the Singapore Prison Enquiry Commission . 1948. – Singapore : Government Print. Office, 1948. – Para. 90.
5. Singapore. The death penalty: A hidden toll of executions / Amnesty International. ASA 36/001/2004, 15.01.2004 [Electronic resource]. – Access: <http://web.amnesty.org/library/Index/ENGASA360012004>.
6. Ngeow Chow Ying. Massive leap backwards as Singapore resumes executions [Electronic resource] // Amnesty International. News. – Access: <http://www.amnesty.org/>.
7. Extrajudicial, summary or arbitrary executions [Electronic resource] : Note by the Secretary-General // General Assembly, 11 August 2000 : UN Doc. A/55/288, 11.08.2000. – Accessed: <http://www.un.org/documents /ga/docs/55/a55288.pdf>.
8. Capital punishment and implementation of the safeguards guaranteeing protection of the rights of those facing the death penalty : Report of the Secretary-General, United Nations Economic and Social Council, Commission on Crime Prevention and Criminal Justice : United Nations Doc. E/CN.15/2001/10, 29.03.2010.
9. Values and Rates per 100,000 Total Population, Listed by Country [Electronic resource] // Ninth United Nations Survey of Crime Trends and Operations of Criminal Justice Systems. – P. 134. – Access: http://www.unodc.org/pdf/research/9th_survey/CTS9ByCountryExtract.pdf.
10. 2014 Singapore Prison Service Annual Statistics Release. Singapore Prison Service. 2014 [Electronic resource]. – Accessed: http://www.prisons.gov.sg/content/sps/default/newsaboutus/in_the_news/speeches_822.html.
11. The Corruption, Drug Trafficking, and other Serious Crimes (Confiscation of Benefits) : Act, 1992. Cap. 65A.
12. Terrorism (Suppression of Financing) Act, 2002. Cap. 325.
13. Cheong C.W., Phang A. The Development of Criminal Law and Criminal Justice / C. W. Cheong, A. Phang. – Singapore, 2001. – Pp. 36–38.
14. Road Traffic Act, 1961. Cap. 276.

REFERENCES

1. Koh TTB. The Sentencing Policy and Practice of the Singapore Courts. 1965. *Malayan Law Review*.
2. Criminal Law in Singapore and Malaysia. Ch. 2 Crime and Punishment by CMV Clarkson. *Malayan Law Journal*. Singapore, Kuala Lumpur, 1989.
3. *Essays in Singapore Legal History*. Ed. Kevin Y.L. Tan. Singapore: Marshal Cavendish Academic, 2006.
4. *Report of the Singapore Prison Enquiry Commission*. 1948. Government Printing Office. Singapore. 1948.
5. *Singapore. The death penalty: A hidden toll of executions*. Amnesty International. ASA 36/001/2004, 15.01.2004. Available at: <http://web.amnesty.org/library/Index/ENGASA360012004> (accessed 21 July 2014).
6. *Massive leap backwards as Singapore resumes executions*. Amnesty International. News. Available at: <http://www.amnesty.org/> (accessed 21 July 2014).
7. *UN Doc. A/55/288*, п.34. 11.08.2000.
8. *Capital punishment and implementation of the safeguards guaranteeing protection of the rights of those facing the death penalty*. Report of the Secretary-General Commission on Crime Prevention and Criminal Justice. Tenth session. 8–17 May 2001 г. UN Doc.: E/CN.15/2001/10.
9. *Values and Rates per 100,000 Total Population, Listed by Country*. Ninth United Nations Survey of Crime Trends and Operations of Criminal Justice Systems. Available at: http://www.unodc.org/pdf/research/9th_survey/CTS9ByCountryExtract.pdf (accessed 21 July 2014).
10. *2014 Singapore Prison Service Annual Statistics Release*. Singapore Prison Service. 2014. Available at: <http://www.prisons.gov.sg/> (accessed 21 July 2014).
11. *The Corruption, Drug Trafficking, and other Serious Crimes (Confiscation of Benefits) Act*, 1992. Cap. 65A.
12. *Terrorism (Suppression of Financing) Act*, 2002. Cap. 325.
13. Cheong C.W., Phang A. *The Development of Criminal Law and Criminal Justice*. Singapore, 2001. Pp. 36–38.
14. *Road Traffic Act*, 1961. Cap. 276.

Басова Татьяна Борисовна, доктор юридических наук, профессор, кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. E-mail: basova.tb@dvfu.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН АТР В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВУ, ВЫСТУПАЮЩЕМУ УГРОЗОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВУ (На примере УК Республики Корея и УК Японии)*

В современном мире одна из сложных проблем, являющихся насущной задачей общества, – предотвращение взяточничества. Широкая распространенность и высокая «темная фигура» взяточничества во многих странах обязывают эти государства принять национальное законодательство – соответствующие нормы об уголовной ответственности. Страны Азиатско-Тихоокеанского региона – не исключение. Идет постоянный поиск эффективного механизма противодействия взяточничеству.

Одно из направлений решения такой угрозы общественной безопасности неразрывно связано с улучшением Положения об уголовной ответственности. Изучение законодательной практики разных стран в части установления ответственности за взяточничество может активно способствовать как улучшению российского национального законодательства, так и эффективному сотрудничеству с другими государствами в борьбе с этим преступлением.

Правовые системы некоторых стран АТР характеризуются рядом отличительных особенностей и содержат элементы как гражданского, так и общего права. Поэтому целесообразно изучение законодательной практики в области противодействия взяточничеству как угрозе общественной безопасности. В статье изучается судебная практика уголовных кодексов двух дальневосточных стран – Республики Корея и Японии. Эти страны являются весьма эффективными в борьбе со взяточничеством. Их опыт изучается не только с позиций его познавательной ценности, но и из-за его практической значимости и возможности использования его в законодательном процессе в России. Особое внимание обращается на ряд успешных представлений, используемых азиатскими законодателями в строительстве правил уголовной ответственности за взяточничество в виде угрозы общественной безопасности.

Ключевые слова: уголовное право стран Азиатско-Тихоокеанского региона; Уголовный кодекс Республики Корея; Уголовный кодекс Японии;

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, Государственное задание на выполнение НИР 29.763.2014/К.

взяточничество; коррупционные правонарушения; получение взятки; посредничество во взяточничестве; исполнитель во взяточничестве.

Tatyana B. Basova, Professor, Doctor of Law, Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: basova.tb@dvfur.ru

**LEGISLATIVE EXPERIENCE
OF ASIA-PACIFIC COUNTRIES
IN COUNTER BRIBERY,
AS A PUBLIC SAFETY THREAT
(Case study of Criminal Codes
of the Republic of Korea and Japan)***

Prevention of bribery is one of the most pressing and complicated challenges of the modern society. Wide occurrence and a high “dark figure” of bribery in many countries result in adoption of national anti-corruption legislations. Asia-Pacific countries are not an exception and keep looking for efficient anti-corruption tools.

Finding an effective anti-bribery mechanism is closely connected with the improvement of Provisions on criminal responsibility. Study of legislative practice of different countries in the establishment of liability for bribery may contribute both to an improvement of the Russian national legislation and to efficient cooperation with other states in anti-corruption activities.

Legal systems of several Asia-Pacific countries are characterized by a number of distinctive features and contain elements of both civil and common-law systems. Study of the anti-bribery legislative experience is quite relevant, since these crimes are threat to public security. The article studies the legal practice of criminal codes of the two Far Eastern countries – Republic of Korea and Japan. These countries are highly effective in fighting with bribery. The study of legislative practices of these countries is conducted not only due to its professional cognitive value but also due to its practical importance and the possibility to use it in the legislative process in Russia. A specific attention is paid to some successful representations used by Asian legislators in construction of rules on criminal liability for bribery as a public safety threat.

Keywords: Criminal law of Asia-Pacific countries; Criminal Act of the Republic of Korea; Penal Code of Japan; bribery; corruption offenses; accepting a bribe; mediation in bribery; perpetrator of bribery.

* Scientific results obtained in the framework of the state task of The Ministry of education and science of Russian Federation, the task № 29.763.2014 / K.

Взятничество не только в России, но и на всей планете, включая страны Азиатско-Тихоокеанского региона, давно превратилось в угрозу криминального характера, оказывающую дестабилизирующее влияние на все сферы государства, общества и личности.

Поиск эффективной модели противодействия криминальным проявлениям взятничества – насущная проблема мирового социума. Складывающаяся ситуация диктует необходимость изучать законодательный опыт зарубежных стран в противодействии взятничеству как ядру коррупции в целях выработки мер по нейтрализации этого социального зла. Учитывая, что правовые системы отдельных стран Азиатско-Тихоокеанского региона характеризуются многими самобытными чертами, вполне закономерно и целесообразно обратиться к изучению законодательного опыта таких государств в противодействии взятничеству как угрозе безопасности общества. Свой выбор в настоящей публикации мы остановили на уголовных законах двух стран Дальневосточной Азии – Республики Корея и Японии.

Эти страны Азиатско-Тихоокеанского региона на протяжении последних лет постоянно оказываются в первой «двадцатке» стран мирового рейтинга, который осуществляется международной неправительственной организацией World Justice Project. Данный проект нацелен на оценку силы закона и уважения к нему в различных странах. Рейтинг базируется на основе восьми показателей, к которым причисляют такие, как «отсутствие коррупции», «порядок и безопасность», «соблюдение законов». В рейтинге «Индекс верховенства закона» за 2014 г. среди 99 стран по показателю «отсутствие коррупции» Япония заняла 12-е место, Республика Корея – 14-е, тогда как Россия расположилась лишь на 80-й строчке рейтинга [1].

По такому показателю, как «порядок и безопасность» Япония возглавляет мировой рейтинг, занимая 1-место, но и Республика Корея расположилась недалеко от лидера – на 7-м месте [1]. Это свидетельствует о том, что названные государства умеют противостоять коррупции, обеспечивая надлежащим образом безопасность общества и государства. Безусловно, изучение законодательного опыта Республики Корея и Японии в регламентации уголовной ответственности за взятничество целесообразно не только по причине того, что это имеет познавательное значение для специалистов, но гораздо важнее практическая значимость познания зарубежного опыта, который может быть использован в России при нормотворческой деятельности.

Приступим к выяснению порядка уголовно-правового регулирования ответственности за взятничество в Республике Корея и Японии.

Республика Корея. Действующий Уголовный кодекс Республики Корея (далее – УК РК) был утвержден Законом № 293 от 18 сентября 1953 г. и вступил в действие в октябре этого же года. Затем в него несколько раз вносились изменения и дополнения [2].

Структурно уголовный закон Республики Корея состоит из двух частей, каждая из которых именуется книгой и имеет заглавие: книга 1 – «Об-

щие положения», книга 2 – «Преступления», что в целом соответствует мировой законодательной традиции структурирования уголовных законов на Общую и Особенную части.

Статьи о преступлениях, связанных с обязанностями должностных лиц, размещены в главе VII УК РК и предусматривают широкий спектр должностных злоупотреблений. Анализ этой главы показывает, что сюда входят и так называемые общие должностные преступления (к примеру, злоупотребление властью), и должностные преступления, относящиеся в зарубежной законодательной практике к числу специальных (например, незаконный арест и тюремное заключение).

Ответственность за получение взятки регламентирована в ст. 129–132 действующего уголовного закона Республики Корея.

Ст. 129 УК РК (Получение взятки и обещание получения) является, если так можно выразиться, «общим» составом получения взятки и состоит из двух параграфов, каждый из которых содержит самостоятельный состав рассматриваемого преступления, отличающийся от другого по признаку субъекта.

Так, согласно параграфу 1 ст. 129 УК РК, должностное лицо, которое получило, потребовало или дало обещание получить взятку в связи с исполнением своих должностных обязанностей, подлежит наказанию в виде каторжных работ на срок не более пяти лет или приостановления в квалификации на срок не более десяти лет.

Если же лицо, которое должно стать должностным лицом или третейским судьей, получает, требует или обещает получение взятки в ответ на просьбу, связанную с должностными обязанностями, которые лицо исполняет, и лицо в действительности становится должностным лицом или третейским судьей, то такие деяния будут квалифицированы как получение или обещание взятки в соответствии с параграфом 2 ст. 129 УК РК. В случае совершения такого преступления лицо подлежит наказанию в виде каторжных работ на срок не более трех лет или временному отстранению от должности на срок не более семи лет.

Оба названных состава предусматривают специального субъекта преступления: в параграфе 1 ст. 129 УК РК – это должностное лицо, а в параграфе 2 данной статьи – лицо, которое должно стать должностным лицом или третейским судьей. Представляется, что такое формулирование данного признака состава преступления позволяет относить к субъектам получения взятки довольно широкий круг лиц.

Ещё две статьи УК РК посвящены составу получения взятки – ст. 130 (Взятка третьему лицу) и ст. 132 (Получение взятки через добрые услуги), они закрепляют самостоятельный вид данного преступления.

Своеобразие взятки третьему лицу заключается в том, что должностное лицо или арбитр требуют или обещают дать взятку третьему лицу взамен удовлетворения несправедливой просьбы, связанной с его должностными обязанностями.

Особенность получения взятки через добрые услуги сводится к тому, что должностное лицо может не только использовать свои служебные полномочия, но и действовать противоправно благодаря служебному положению, а также использовать компетенцию других должностных лиц.

Таким образом, из анализа ст. ст. 129, 130, 133, по действующему УК РК, получение взятки осуществляется в виде следующих форм поведения должностного лица:

- 1) за деяния, которые входят в служебные обязанности должностного лица;
- 2) за деяния, совершенные должностным лицом благодаря служебному положению;
- 3) за деяния, совершенные должностным лицом с использованием благоприятных условий через служебные деяния других должностных лиц.

Анализ положений действующего УК РК показывает, что законодатель при оценке деяния как признака объективной стороны состава получения взятки стоит на позиции понимания его в широком смысле, что отличает его от мнения российского законодателя.

Дача взятки как преступление описывается в южнокорейском уголовном законе в ст. 133, которая была дополнена Законом № 5057 от 29 декабря 1995 г. Анализ объективной стороны данного состава показывает, что законодателем расцениваются как дача взятки деяния в следующих формах:

- обещание вручить взятку;
- вручение взятки;
- демонстрация желания вручить взятку.

Необходимым признаком составов и получения, и дачи взятки является предмет – взятка. Из анализа параграфа 2 ст. 133 действующего УК РК можно установить, что к предмету взятки законодатель относит деньги или товары.

Закон регламентирует наказуемость взяточничества достаточно строго. За дачу взятки виновные лица в соответствии с параграфом 1 ст. 133 УК РК подвергаются наказанию в виде каторжных работ на срок не более пяти лет или штрафу в размере не более двадцати миллионов вон. Для сравнения отметим, что наказанию в виде каторжных работ на срок не более пяти лет в качестве основного вида наказания подвергаются и взяткополучатели (ст. 129, 130 УК РФ).

Следует отметить и своеобразную позицию законодателя в формулировании наказуемости за должностные преступления, размещенные в других главах закона. Так, в соответствии со ст. 135 УК РК должностное лицо за совершение с использованием своего служебного положения преступления, не предусмотренного главой VII, подлежит наказанию. Причем, оно увеличивается наполовину, за исключением случаев, когда привлечение к уголовной ответственности за совершение такого преступления обусловлено статусом должностного лица.

В завершение юридического анализа норм уголовного закона Республики Корея, регламентирующих ответственность за взяточничество, отметим,

что, в отличие от многих зарубежных законов, в нем за дачу взятки не предусмотрено освобождение от уголовной ответственности или от наказания.

Япония. По уровню преступности Япония считается одной из самых благополучных стран мира. Полагаем, что не последнюю роль в этом играет действующий уже более века Уголовный кодекс (УК) Японии. Он был создан в 1907 г. и, вступив в силу в 1908 г., многократно подвергался ревизии, в настоящее время действует в редакции Закона № 54 от 12 июня 2007 г. [3].

Уголовный кодекс Японии состоит из двух частей: I – «Общие положения» и II – «Преступления» (это традиционная архитектура большинства уголовных законов мира). Некоторые преступления предусмотрены не УК, а специальными законами (их около 30), а также уголовно-правовыми нормами неуголовного законодательства и нормативными актами местного значения. Особое внимание законодатель Японии уделяет институту должностных преступлений: они представлены в УК главой 25 «Преступления взяточничества». Заглавие обусловлено, скорее всего, тем, что шесть из десяти статей формулируют составы взяточничества.

Как было отмечено выше, уголовная ответственность за взяточничество регламентирована в шести статьях УК Японии (ст. ст. 197–197-V, 198).

В ст. 197 (Получение, требование или предварительное получение взятки) помещен основной состав получения взятки. Предмет данного преступления – взятка. Законодатель не раскрывает данное понятие.

С объективной стороны получение взятки по японскому законодательству выражается в трех формах:

- а) принятие взятки;
- б) требование взятки;
- в) согласие на обещанную взятку.

Причем, обозначенные деяния должны быть совершены виновным в связи с его служебной деятельностью. По конструкции объективной стороны состав формальный. Субъект – специальный, а именно: публичное должностное лицо или арбитр.

Во второй части данной статьи законодатель сконструировал состав, схожий по формам деяния преступления, обозначенного в ч. 1 ст. 197 УК, но совершает это деяние иной субъект. «Тот, кто, намереваясь стать публичным должностным лицом или арбитром, становится публичным должностным лицом или арбитром при условии, что дает согласие на просьбу, предъявляемую ему ввиду той деятельности, которой он должен быть облечен», – именно так законодательно обрисован субъект преступления в ч. 2 ст. 197 УК Японии.

По степени общественной опасности рассмотренные составы преступлений признаются законодателем равнозначными, так как за них и в ч. 1, и в ч. 2 ст. 197 японского УК предусмотрено одинаковое наказание – лишение свободы с принудительным физическим трудом на срок до трех лет. Если же при совершении деяния, обозначенного в ч. 1 данной статьи, была

предъявлена и принята просьба, то наказание заключается в лишении свободы с принудительным физическим трудом на срок до пяти лет.

Как своеобразную форму посредничества во взяточничестве можно истолковать преступление, описанное в ст. 197-II (Передача взятки третьему лицу). Согласно данной уголовно-правовой норме объективно деяние может быть выражено в трех формах:

- а) допущение передачи взятки третьему лицу;
- б) требование передачи взятки третьему лицу;
- в) согласие на обещанную передачу взятки.

Однако совершить любое из указанных деяний публичное должностное лицо или арбитр должны в связи с тем, что приняли просьбу, предъявленную им ввиду их служебной деятельности. Наказание за передачу взятки третьему лицу по размеру совпадает с наказанием за получение, требование или предварительное получение взятки – лишение свободы с принудительным физическим трудом на срок до трех лет.

В соответствии с ч. 1 ст. 197-III УК Японии, отягчающими обстоятельствами при совершении деяний, предусмотренных в ст. 197 и ст. 197-II, являются: а) выполнение неправомерного действия или б) невыполнение правомерного действия.

Ответственность публичного должностного лица или арбитра может наступить в связи с совершением ими ранее по службе неправомерного действия или несовершением правомерного действия:

- за принятие взятки;
- за обещание взятки;
- за допущение передачи взятки третьему лицу;
- за требование такой передачи;
- за принятие обещания этой передачи.

Это регламентировано в ч. 2 ст. 197-III УК Японии.

Наказываются оба названных в ч. 1 и ч. 2 данной статьи преступления лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок не ниже одного года. Законодатель устанавливает санкцию с открытым верхним пределом, что делает размер данной санкции с санкциями двух предыдущих статей строже. Максимальный размер наказания для лишения свободы с принудительным физическим трудом может достигать 15 лет, что установлено в ч. 1 ст. 12 УК Японии.

«Не забыл» японский законодатель и про бывшее публичное должностное лицо или арбитра, которые получают или требуют взятку либо соглашаются на обещанную взятку в связи с тем, что они в бытность свою на службе приняли просьбу и совершили по службе неправомерное действие или не совершили правомерное действие. Такие деяния квалифицируются как преступные по ч. 3 ст. 197-III УК Японии и наказываются лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок до трех лет.

Посредничество за получение взятки уголовно наказуемо в Японии в соответствии со ст. 197-IV Уголовного кодекса. В качестве особенности

данного преступления следует отметить то, что, в отличие от других видов получения взятки, субъект в этом составе определяется уже: им может стать только публичное должностное лицо. Размер и вид наказания за него совпадают с таковыми за другие виды получения взятки без отягчающих обстоятельств.

Завершает регламентацию различных видов получения взятки статья 197-V (Конфискация взятки и дополнительное взыскание), согласно которой «взятка, принятая преступником или третьим лицом, осведомленным о фактическом положении вещей, конфискуется. Если она не может быть полностью или частично конфискована, то дополнительно взыскивается соответствующий эквивалент». На наш взгляд, данная уголовно-правовая норма является в законе избыточной. В главе 2 данного кодекса уже имеются статья 19 (Конфискация) и статья 19-II (Взыскание эквивалентной суммы), которые, по сути, регламентируют то, что описано в ст. 197-V. В частности, в ч. 1 ст. 19 УК Японии в качестве предметов, которые могут быть конфискованы, определены:

- 1) предмет, который является образующим элементом преступления;
- 2) предмет, который был употреблен при совершении преступления или предназначался для этого;
- 3) предмет, который появился в результате преступления или был получен на основании преступления, либо был получен как вознаграждение за преступление;
- 4) предмет, полученный в обмен на предмет, названный в предыдущем пункте.

«Если предмет, указанный в п. 3 и 4 ч. 1 предыдущей статьи, не может быть конфискован полностью или частично, то взамен может быть взыскана соответствующая денежная сумма», – гласит статья 19-II.

Из представленных положений следует, что взятка как предмет преступления вполне вписывается в предметы, которые могут быть конфискованы на основании указанных норм части I «Общие положения» УК Японии.

Замыкает главу о должностных преступлениях статья 198 (Дача взятки и дача взятки за содействие). Согласно ч. 1 данной статьи УК Японии «лицо, передавшее предложение или обещавшее взятку в случаях, предусмотренных ст. 197–197-III, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок до трех лет или денежным штрафом на сумму до двух миллионов пятисот тысяч иен». Менее строго наказывается взяткодатель в случаях, предусмотренных ст. 197-IV. Ему грозит лишение свободы с принудительным физическим трудом на срок до двух лет или денежный штраф на сумму до двух миллионов пятисот тысяч иен.

Таким образом, анализ уголовного законодательства Республики Корея и Японии позволяет выделить общие для этих стран особенности в регламентации ответственности за взяточничество:

- широкое понимание законодателем особенностей деяния как признака объективной стороны состава получения взятки;

- дифференциация ответственности в зависимости от признаков субъекта преступления;
- достаточно суровые меры наказания за получение взятки;
- отсутствие норм об освобождении за дачу взятки от уголовной ответственности или от наказания.

Несмотря на специфичность в правовых подходах при оценке уголовно наказуемого взяточничества в уголовных законах Республики Корея и Японии, некоторые из них представляются весьма прогрессивными, а потому могут быть использованы при совершенствовании действующего УК России. В частности, целесообразно научно проработать вопрос о возможности использования в УК России (в ближайшей или отдаленной перспективе) отдельных представлений азиатского законодателя о наименовании субъекта должностных преступлений, о новом виде специального субъекта должностных преступлений, о новой самостоятельной форме получения взятки, что будет иметь практическое значение при квалификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1. WJP Rule of Law Index 2014 by the World Justice Project [Electronic resource]. – Access: <http://data.worldjusticeproject.org/#>.
2. Republic of Korea [Electronic resource] : Criminal Act (Act No. 239 of September 18, 1953, amended Act No. 11731 of April 5, 2013). – Access: <http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=13746>.
3. Japan. The Penal Code (刑法 Keihō) [Electronic resource] : Act No. 45 of April 24, 1907, amended Act No. 54 of June 12, 2007. – Access: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?vm=04&re=02&id=1960&lvm=02>.

REFERENCES

1. WJP Rule of Law Index 2014 by the World Justice Project. Available at: <http://data.worldjusticeproject.org/#> (accessed 02 June 2014).
2. Republic of Korea. Criminal Act No. 239 of September 18, 1953, amended Act No. 11731 of April 5, 2013. Available at: <http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=13746> (accessed 29 November 2014).
3. Japan. The Penal Code (刑法 Keihō). Act No. 45 of April 24, 1907, amended Act No. 54 of June 12, 2007. Available at: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?vm=04&re=02&id=1960&lvm=02>

Коротких Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. E-mail: crimlaw@gambler.ru

Лун Чанхай, кандидат юридических наук, доцент Юридического института Университета Внутренней Монголии, г. Хоххот, КНР. E-mail: longchanghai@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РЕЦИДИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И КИТАЯ*

В современном мире одна из сложных проблем, являющаяся насущной задачей общества, – предотвращение террористических атак. В условиях многогранного мира актуальным является создание международно-правовой основы противодействия терроризму, и потому необходимы консолидированные усилия многих стран для предотвращения данного негативного явления. В статье проводится сравнительный анализ уголовного законодательства России и Китая в сфере противодействия преступлениям террористической направленности. Отмечается, что уголовное законодательство России и Китая не содержат четкого определения понятия преступлений террористической направленности. Однако этот пробел восполняется разъяснениями соответствующих органов. В статье исследуются особенности установления рецидива и специального рецидива преступлений по Уголовному кодексу Китайской Народной Республики и Уголовному кодексу Российской Федерации. Особое внимание уделяется проблемам понимания преступлений террористического характера и установлению круга конкретных деяний, относящихся к преступлениям террористической направленности. Авторы анализируют изменения уголовного законодательства России и Китая, способствующие усилению ответственности за совершение повторных преступлений террористической направленности. Сделан вывод о том, что признание законодателем Китая общего рецидива и специального рецидива в преступлениях террористического характера свидетельствует о последовательной уголовной политике Китая, направленной на борьбу с конкретными лицами, совершающими наиболее опасные виды преступлений.

Ключевые слова: Уголовный кодекс КНР, Уголовный кодекс РФ, терроризм, преступления террористической направленности, общий рецидив, специальный рецидив.

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, Государственное задание на выполнение НИР 29.763.2014/К.

Natalia N. Korotkikh, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Doctoral candidate, Department of Criminal Law and Criminology FEFU, Vladivostok, Russia. E-mail: crimlaw@rambler.ru

Long Changhai, PhD of law, Associate Professor of Law Institute of the University of Inner Mongolia, Hohhot, PRC. E-mail: longchanghai@yandex.ru

SOME ASPECTS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR CRIMINAL RECIDIVISM OF TERRORISM ACCORDING TO THE LEGISLATION OF RUSSIA AND CHINA *

Nowadays prevention of terrorist attacks is one of the most pressing issues in a society. In the conditions of a multi-faceted world, it seems relevant to create an international legal basis of counteraction to terrorism, and consolidated efforts of many countries are necessary for prevention of this negative phenomenon. The article provides for a comparative analysis of the criminal legislation of Russia and China in the sphere of counteraction to terrorism-related crimes. The authors state that the criminal legislations of Russia and China lack accurate definitions of terrorism and terrorism-related crimes. However, this insufficiency is compensated for by the explanations provided by appropriate authorities. The article investigates questions of defining the criminal recidivism and special criminal recidivism under the Criminal code of People's Republic of China and the Criminal code of the Russian Federation. Special attention has been paid to problems of understanding of terrorist crimes and establishment of a circle of the specific acts related to them. The authors analyze the changes in the criminal legislation of Russia and China, which stipulate stricter responsibility for committing repeated terrorist crimes. The conclusion is made that recognition by Chinese legislators of the general criminal recidivism and special criminal recidivism of terrorist crimes testifies to the targeted legal policy of China aimed against particular persons involved in the most dangerous types of crimes.

Keywords: Criminal code of the People's Republic of China, Criminal code of the Russian Federation, terrorism, terrorism crimes, general criminal recidivism, special criminal recidivism.

Терроризм относится к числу самых опасных и трудно прогнозируемых явлений, он создает угрозу безопасности каждой страны и человечества в целом. Различные проявления терроризма как неизбежное зло присущи жизни современного общества, в том числе и в России, и в Китае. Но если Россия в рейтинге стран мира по уровню терроризма занимает 9 место из

* Scientific results obtained in the framework of the state task of The Ministry of education and science of Russian Federation, the task № 29.763.2014 / К.

158, то в Китае до недавнего времени это явление считалось крайне редким и никогда не осуществлялось по политическим мотивам [2]. Взрыв в пекинском аэропорту в 2011 г., взрывы перед зданием Компартии Китая в Тайюане (ноябрь 2013 г.), трагедия на главной площади Тяньаньмэнь в Пекине (октябрь, 2013 г.), нападение вооруженных людей в марте 2014 г. на железнодорожном вокзале в Куньмине, в результате чего 29 человек погибли и более 130 получили ранения [3], а также серия других происшествий свидетельствуют о новой тенденции в китайском обществе.

Проблема предотвращения террористических актов и преступлений террористической направленности является одной из актуальных и сложных в современном мире. Ключевым вопросом в мировой и отечественной науке в области противодействия терроризму можно назвать разработку и уточнение категориального аппарата.

Уголовное законодательство России и Китая [4, 5] не содержат четкого определения понятия преступлений террористической направленности. Однако этот пробел восполняется разъяснениями соответствующих органов. Например, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [1] к таким преступлениям, кроме террористического акта, следует относить: содействие террористической деятельности (ст. 205.1), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2), захват заложника (ст. 206), организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208), угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211), незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами (ст. 220), хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 221), пиратство (ст. 227), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277), насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278), вооруженный мятеж (ст. 279), нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360). В свою очередь, в Решении «О вопросах, связанных с усилением антитеррористической работы», принятом Постоянным Комитетом Всекитайского Собрания Народных Представителей 29 октября 2011 г., также было дано определение террористической деятельности. В Китае под таковой понимается деятельность, направленная на создание обстановки общественного страха путем применения насилия, разрушения и устрашения; причинение вреда общественной безопасности; воздействие на органы государственной власти, международные организации; причинение или намерение причинить такой вред, как человеческие жертвы, имущественный ущерб, повреждение коммунальных инфраструктур, дезорганизация общественного порядка и т.д. Вместе с тем среди специалистов в области уголовного права Китая нет единого мнения, какие же конкретно преступления следует счи-

тать террористическими. Дело в том, что в УК КНР нет отдельного состава преступления, предусматривающего ответственность именно за террористический акт. По законодательству Китая преступления террористической направленности состоят, во-первых, из преступлений, содержащих слово «терроризм», к ним относятся создание, руководство и участие в террористической организации, финансирование террористической деятельности (ст. 120 УК КНР) и составление и распространение ложной террористической информации (ст. 291 УК КНР); во-вторых, – из обычных уголовных преступлений, которые при определенных признаках могут быть квалифицированы как преступления террористической направленности, например, убийство, умышленное причинение вреда здоровью, взрыв, поджог, похищение человека и т.д.

По законодательству Китая, так же как и по Уголовному кодексу Российской Федерации, преступления террористической направленности могут совершаться в целях запугивания, шантажа, устрашения отдельных лиц или групп населения, оказания на них психического воздействия. Но основная особенность терроризма во всех проявлениях – это достижение определенных целей: подрыв экономической безопасности и обороноспособности страны, захват власти, изменение политического или социально-экономического строя, принуждение власти к принятию желаемых для террористов решений и т.д. В этом плане позиции ученых России и Китая полностью совпадают. По мнению Ху Ляньхэ, суть преступлений террористической направленности заключается в создании обстановки страха, устрашения соответствующих органов власти, общества для достижения определенной политической или социальной цели, при этом используются взрывы, поджоги, похищения людей, захваты заложников и иные виды насильственной деятельности [7].

Власти Китая, претворяющие в жизнь уголовную политику «сочетания строгости наказания со снисходительностью», неоднократно подчеркивали необходимость более интенсивной борьбы с преступлениями террористической направленности. Поправки к Уголовному кодексу КНР (№ 8), предусматривающие усиление ответственности за специальный рецидив, являются одним из проявлений жесткой борьбы с такими преступлениями.

По сравнению с УК РФ в УК Китая отношение к лицам, совершившим повторное преступление, отличается большей репрессивностью. Понятие общего рецидива регламентировано в ст. 65 УК КНР, согласно которой осужденные к срочному лишению свободы или к более строгому виду наказания, в течение пяти лет после отбытия срока наказания вновь совершившие преступление, за которое предусмотрено срочное лишение свободы или более строгий вид наказания, признаются рецидивистами и подлежат более строгому наказанию, за исключением случаев совершения преступления по неосторожности и совершения преступления до достижения 18 лет. Итак, по прямому указанию закона рецидив не образуют преступления, совершенные по неосторожности и совершенные несовершеннолетни-

ми лицами до 18 лет. В УК РФ этот перечень обстоятельств, исключающих рецидив, дополнен умышленными преступлениями небольшой тяжести и случаями осуждения к условной мере наказания, а также при отсрочке исполнения приговора.

Таким образом, содержание рецидива преступлений в УК КНР можно «вывести», используя приемы систематического толкования соответствующих норм, что не всегда, впрочем, просто сделать. Такой подход законодателя, на наш взгляд, не всегда способствует точному установлению содержания уголовно-правового явления. В этом плане четкое изложение данного понятия (как, например, в УК России) считаем наиболее целесообразным, поскольку оно снимает необходимость выяснения правоприменителем каждый раз сначала признаков рецидива как такового и лишь после этого – их интерпретирования по отношению к конкретному случаю. При указанном подходе не смешивается само понятие о явлении с теми правовыми последствиями, которые оно влечет.

Особо следует отметить, что, наряду с термином рецидив, в УК КНР употребляется термин «рецидивист» и, более того, усиление уголовной ответственности в кодексе обращено именно к автору таких деяний – «рецидивисту» как лицу, обладающему повышенной степенью общественной опасности. В теории советского уголовного права было распространено мнение о значении личностных свойств как определяющем факторе в решении вопроса об уголовной ответственности. Особенно четко эти взгляды находили отражение применительно к вопросам ответственности рецидивистов. В своей первоначальной редакции, признав неоднократность и судимость квалифицирующими признаками для любых преступлений, а судимость два или более раза – особо квалифицирующим признаком, Уголовный кодекс РФ 1996 г. фактически сохранил старую концепцию рецидива и особо опасного рецидивиста, но в последующем отказался от их использования в статьях Особенной части в качестве квалифицирующих признаков. Китайская уголовно-правовая наука, широко используя труды советских криминалистов, по-иному воспринимает необходимость усиления уголовной ответственности по отношению к лицам, совершающим повторные преступления. В соответствии со ст. 65 УК КНР рецидивисты подлежат более строгому наказанию, ст. 74 УК КНР предусматривает, что к рецидивисту не применяется условное осуждение, а в соответствии со ст. 81 УК КНР не применяется также и условно-досрочное освобождение.

Кроме того, в УК КНР существует и такая категория, как «специальный рецидив». Понятие специального рецидива дается в ст. 66 УК КНР, в соответствии с которой «лицо, совершившее преступление против государственной безопасности, преступление террористической направленности, преступление, связанное с организацией криминального характера, отбывшее наказание либо амнистированное и повторно совершившее в любое время любое из подобных преступлений, рассматривается как рецидивист». Рецидив однородных и тождественных преступлений – объективный пока-

затель таких отрицательных свойств субъекта, которые, являясь более глубокими и стойкими, доминируют над другими антисоциальными качествами его и обуславливают тенденцию совершения именно аналогичных, близких по характеру уголовных правонарушений. Китайский законодатель, в отличие от российского, учитывает, что специальный рецидив по сравнению с общим позволяет констатировать более точную антиобщественную ориентацию личности преступника.

Поскольку преступления террористической направленности характеризуются многообразием общественно опасных последствий, выражающихся в причинении физического, имущественного и иного материального и нематериального вреда, а также в угрозе общественной безопасности, здоровью населения, государственному строю, суверенитету страны, миру и безопасности человечества, то в китайской уголовно-правовой доктрине возникает ряд вопросов, связанных с квалификацией преступлений при специальном рецидиве.

Прежде всего субъектом преступления по законодательству Китая может быть как физическое, так и юридическое лицо. Одни ученые считают, что отдельное физическое лицо, совершающее преступления террористической направленности, должно являться членом террористической организации, другие полагают, что это необязательное условие, третьи отстаивают позицию, согласно которой отдельный индивид может и не являться членом террористической организации, но действовать в ее интересах или финансироваться этой организацией для совершения преступлений. Мы придерживаемся той точки зрения, что главным в установлении субъекта преступления террористической направленности должно стать определение цели совершения преступления конкретным лицом. Если цель проявляется в создании общественного страха, шантажировании общества, государства для достижения политических, религиозных или иных антисоциальных установок, путем совершения взрывов, поджогов, повреждения транспортных средств и т.д., или в финансировании такой деятельности, то независимо от принадлежности к какой-либо террористической организации физическое лицо будет являться субъектом преступления, связанного с терроризмом. Что касается ответственности юридического лица, то преступления террористической направленности в данном случае следует понимать в узком смысле и включать лишь создание, руководство, участие в террористической организации и финансирование террористической деятельности (ст. 120 УК КНР).

Немаловажной проблемой является также определение круга преступлений для образования специального рецидива. В научных кругах Китая существуют разные толкования формулировки «любого подобного преступления», содержащейся в ст. 66 УК КНР. По мнению некоторых ученых, при специальном рецидиве ранее и вновь совершенное преступление должны относиться к тождественным (одинаковым) преступлениям. В соответствии с этой точкой зрения для образования специального рецидива

преступления террористической направленности необходимо, чтобы преступник, совершивший преступление террористической направленности, после отбытия наказания или амнистии вновь совершил преступление террористической направленности. Если же лицо совершило преступление террористической направленности и было приговорено к наказанию, а после отбытия наказания или амнистии вновь совершило преступление, например, против государственной безопасности, то это не может рассматриваться как специальный рецидив преступления террористической направленности, но при соблюдении иных признаков может образовывать общий рецидив.

На наш взгляд, формулировка «любое подобное преступление» в институте специального рецидива вовсе не требует, чтобы ранее и вновь совершенное преступление были тождественными, они могут быть и однородными. Аргументами в пользу такого мнения служит то, что законодатель Китая в уголовном кодексе специально отделил три вида преступлений от других общеуголовных деяний для реализации уголовной политики жесткой борьбы с преступлениями против государственной безопасности, преступлений террористической направленности и связанных с организацией криминального характера. Если ограничивать ранее и вновь совершенные преступления только рамками тождественных преступлений, то это заметно повлияет на наказуемость данных преступлений [8]. Кроме того, по уголовному законодательству Китая не требуется, чтобы при общем рецидиве ранее и вновь совершенные преступления были только тождественными или однородными. Хотя условия образования специального рецидива отличаются от общего рецидива, тем не менее принцип единообразия должен применяться, воплощая тем самым единство законодательной мысли.

Следует отметить, что признание законодателем Китая общего рецидива и специального рецидива в преступлениях террористической направленности обстоятельством, отягчающим ответственность, объективно переносит акцент с деяния на деятеля, поскольку прежнее преступление и судимость за него характеризуют личностные особенности преступника. Это свидетельствует о целенаправленной уголовной политике Китая, направленной на борьбу с конкретными лицами, совершающими наиболее опасные виды преступлений. В Российской Федерации о переходе от юстиции деяния к юстиции субъекта можно судить по последним изменениям Уголовного кодекса в части уголовной ответственности лиц при рецидиве преступлений. К таким изменениям относится, в частности, введение в качестве определяющего признака особо квалифицированных составов по ст. ст. 131, 132, 134, 135 УК РФ наличия судимости за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Установление данного квалифицирующего признака есть не что иное, как указание на специальный рецидив преступления, характеризующийся повышенной общественной опасностью личности преступника в связи с наличием у него судимости за совершение определенной категории преступлений.

Усиление уголовной ответственности за совершение преступлений террористического характера российский законодатель предпринял, внося дополнения в правила назначения наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров [6].

В заключение отметим, что тенденциями современного терроризма являются повышение уровня организованности террористической деятельности, создание крупных террористических формирований с развитой инфраструктурой, превращение его в сетевой бизнес с хорошо организованной работой, усиление взаимосвязи с транснациональной преступностью, повышение уровня финансирования террористических группировок. Поэтому, как показывает опыт других стран, оправданно применение различных правовых конструкций, если они реально будут способствовать борьбе с терроризмом и отдельными его проявлениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 [Электронный ресурс] // Гарант.ру : информ.-правовой портал. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/380739/>.

2. Составлен рейтинг стран по уровню терроризма // Российская газета. – 2012. – 5 дек.

3. Теракт в Китае: власти пообещали расправиться с убийцами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1606574>.

4. The Criminal Code of the People's Republic of China. Order No 83 of the President of the People's Republic of China on March 14, 1997 [Electronic resource]. – URL: <http://www.china.org.cn/english/government/207319.htm>.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. на 21.07.2014 г.) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/>.

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ // Российская газета. – 2014. – 7 мая.

7. 胡联合. 当代世界恐怖主义与对策 /胡联合. – 东方出版社, 2001. – 548页. – [Ху Ляньхэ. Терроризм в современном мире и ответные меры / Ху Ляньхэ. – Пекин : Изд-во Дунфан чубаньшэ, 2001. – 548 с.].

8. 周光权主编. 刑法历次修正案权威解读 / 周光权主编. – 中国人民大学出版社, 2011年. -422页. – [Чжоу Гуанчуань. Авторитетная интерпретация всех поправок уголовного закона / Чжоу Гуаньчуань. – Пекин : Изд-во Народного университета Китая, 2011. – 422 с.].

REFERENCES

1. *O nekotorykh voprosakh sudebnoi praktiki po ugovnym delam o prestupleniyakh terroristicheskoi napravlenosti : Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 9 fevralya 2012. № 1. Garant.ru : inform.-pravovoi portal* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court on 09.02.2012 N 1, «On some issues of judicial practice in criminal cases involving terrorist crimes». Legal Information Portal]. Available at: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/380739/> (accessed 22 May 2014).
2. Sostavlen reiting stran po urovnyu terrorizma [The rating of the countries on terrorism level]. *Rossiiskaya gazeta*, 5 December 2012.
3. *Terakt v Kitae: vlasti poobeshchali raspravit'sya s ubiitsami* [Act of terrorism in China: the authorities promised to finish with murderers]. Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1606574> (accessed 22 May 2014).
4. The Criminal Code of the People's Republic of China. Order No 83 of the President of the People's Republic of China on March 14, 1997. Available at: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/.http://www.china.org.cn/english/government/207319.htm> (accessed 22 May 2014).
5. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (s posl. izm. i dop. na 21.07.2014 g.)*. SPS Konsul'tant Plyus [Criminal Code of the Russian Federation of 13 June 1996 (with the last. Amend. Ext. On 21.07.2014). Reference and legal system Consultant plus]. Available at: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (accessed 22 May 2014).
6. *O vnesenii izmenenii v otдел'nye zakonodatел'nye akty Rossiiskoi Federatsii : Federal'nyi zakon ot 5 maya 2014 g. № 130-FZ* [The federal law of May 5, 2014 No. 130-FZ «About modification of separate acts of the Russian Federation»]. *Rossiiskaya gazeta*, 2014 , May 7.
7. Hu Lianhe. *Terrorism in the modern world and countermeasures*. Beijing, 2001. 548 p. (In Chinese).
8. Zhou Guangchuan. *Authoritative interpretation of all amendments of the criminal law*. Beijing: Publ. house of Public university of China, 2011. 422 p. (In Chinese).

Надточий Юлия Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.
E-mail: crimlaw@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ОКРУЖАЮЩЮЮ ПРИРОДНУЮ СРЕДУ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И КИТАЯ*

Проблемы охраны окружающей среды в современном мире приобретают все большую актуальность, и сегодня они коснулись уже многих стран мира, в связи с чем возрастает необходимость их решения совместными усилиями государств. В статье проводится исследование системы экологического законодательства Китая как ближайшего соседа России. Особое внимание при этом уделяется сравнительно-правовому анализу уголовного законодательства этих стран в сфере охраны окружающей природной среды. Отмечается, что как в России, так и в Китае существует обширная правовая база в сфере охраны окружающей среды, основное место в которой в обеих странах занимают соответствующие законы «Об охране окружающей среды».

Автором подчеркивается, что уголовно-правовая охрана природы ведется в обеих странах с помощью Уголовных кодексов, где анализируемые преступления систематизированы в специальные главы. В работе исследуются и сопоставляются составы преступлений, предусмотренные в соответствующих главах УК РФ и УК КНР, с точки зрения спектра охраняемых природных ресурсов, законодательной техники, конструкции составов, а также их объективных и субъективных характеристик. В заключение делается вывод о том, что уголовное законодательство России и Китая имеет как схожие, так и отличительные черты. Выявлены позитивные тенденции, на которые может обратить внимание Россия при совершенствовании норм УК РФ в сфере охраны окружающей среды. В целом же сделан вывод о том, что УК КНР не может служить России образцом для подражания в связи с недостаточной разработанностью его уголовно-правовых норм в данной сфере.

Ключевые слова: Уголовный кодекс КНР, Уголовный кодекс РФ, экологические преступления, охрана окружающей природной среды, уголовная ответственность.

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, Государственное задание на выполнение НИР 29.763.2014/К.

Julia V. Nadtochiy, Cand. Sci. (Law), Department of Criminal Law and Criminology, Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: crimlaw@rambler.ru

PECULIARITIES OF CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF ENVIRONMENTAL LEGISLATION OF RUSSIA AND CHINA *

Environmental protection issues in the modern world are becoming increasingly topical and, today, they have already touched many countries of the world, and therefore, the need for their solutions through joint efforts of the states increases. The article is devoted to the study of the system of environmental legislation of China, as the nearest neighbor of Russia. Special attention is paid to a comparative legal analysis of the criminal legislations of these countries in the sphere of environmental protection. It is noted that there is an extensive legal framework in the sphere of environmental protection both in Russia and in China with the federal law "On environmental protection" being the key element in both countries. The author emphasizes that legal protection of the environment in both countries is ensured via Criminal codes, where these crimes have been systematized into special chapters. This work investigates and compares the crimes stipulated by the relevant chapters of the Criminal Codes of RF and PRC from the point of view of the spectrum of protected natural resources, legislative techniques, components of crime as well as their objective and subjective characteristics. It is concluded that the criminal legislations of Russia and China have both similar and distinctive features. The study has defined the positive trends, which may be used by Russia for the improvement of the RF Criminal Code in the sphere of environmental protection. In general, the conclusion is that the Criminal Code of the PRC cannot not serve as a role model for Russia, due to insufficient development of its criminal-legal regulations in this field.

Key words: Criminal code of the People's Republic of China, Criminal code of the Russian Federation, ecological crime, environmental protection, criminal liability.

Сегодня уже ни для кого не секрет, что преступность, в большинстве своём, обретает транснациональный характер, и для эффективного международного сотрудничества в борьбе с ней крайне необходимы знание и учет особенностей уголовного законодательства зарубежных стран. Не исключение в этом плане составляет и экологическая преступность. В рамках сравнительно-правового исследования несомненный интерес представляет законодательство стран АТР, и прежде всего Китая, так как именно он яв-

* Scientific results obtained in the framework of the state task of The Ministry of education and science of Russian Federation, the task № 29.763.2014 / К.

ляется ближайшим соседом России и к тому же имеет схожие экологические проблемы, что порождает потребности решения многих из них совместными усилиями государств. Так, по оценкам специалистов, в России около 300 000 человек ежегодно погибают из-за неблагоприятного состояния окружающей среды, из которых до 40 000 человек умирают исключительно от поражения дыхательной системы; зоны экологического неблагоприятия охватывают уже около 15% российской территории. Для Китая это – нарушение экологического баланса, деградация природных комплексов, земельных ресурсов, глубокое изменение природной среды и распространение антропогенных ландшафтов [3]. В марте 2014 г. Организация экономической кооперации и развития (ОЭСД) заявила, что «загрязнение воздуха в городах станет главной экологической причиной смертности к 2050 г., при этом подсчитав, что каждый год в Китае до 3,6 млн человек будут умирать, не достигнув половой зрелости [2]. Именно поэтому в данной работе мы остановим свое внимание на изучении китайской правовой системы в сфере охраны окружающей среды.

Обращаясь к системе экологического законодательства Китая, отметим, что в настоящее время она включает в себя: конституционные положения в этой сфере; базовый экологический закон («Закон КНР об охране окружающей среды»); специальные законы, регламентирующие охрану окружающей среды по разным направлениям (в их числе: «Закон о предотвращении и ликвидации загрязнения вод», «Закон о предотвращении и ликвидации загрязнения атмосферы», «Закон о предотвращении и ликвидации загрязнения окружающей среды твердыми отходами», «Закон об охране окружающей среды морей и океанов», «Лесной кодекс», «Закон о степях», «Закон о рыбном промысле», «Закон об ископаемых ресурсах», «Закон о землеустройстве», «Закон о воде», «Закон об охране дикой фауны», «Закон о предотвращении эрозии почв», «Сельскохозяйственный кодекс»); административно-нормативные акты (их разработано более 30, среди которых такие, как «Положение о предотвращении и ликвидации загрязнения шумами», «Положение о природных заповедниках», «Положение о защите от радиоактивного излучения при обращении с радиоактивными изотопами и установками», «Положение о контроле за утилизацией отходов в морском бассейне», «Положение о мерах по охране дикой фауны» и др.) [3]. Важной составной частью нормативной системы Китая являются стандарты. В области охраны окружающей среды разработано более 360 стандартов качества среды, например, стандарты по содержанию вредных веществ в сбрасываемых отходах, стандарты по отбору проб и методам анализа.

Как мы видим, законодательная база Китая очень обширна и многогранна. Примерно та же ситуация наблюдается и в России, где, как известно, также действует множество законов и подзаконных актов. Это, в частности, ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне РФ», ФЗ «Об исключительной экономической зоне РФ», ФЗ «О континентальном шельфе РФ», ФЗ «О рыболовстве и сохранении вод-

ных биологических ресурсов», ФЗ «О животном мире», «Лесной кодекс», «Водный кодекс» и многие другие. Базовым же является ФЗ «Об охране окружающей среды».

Такое обилие законодательных актов, посвященных охране природы в обеих странах, объясняется, на наш взгляд, обширным числом природных объектов, подлежащих охране, их специфическими природными свойствами, наличием большого спектра общественных отношений, требующих законодательного урегулирования.

Основное же место в уголовно-правовой охране окружающей среды как в России, так и в Китае занимает Уголовный кодекс. В УК обеих стран имеются специальные главы, в которых сосредоточены нормы об экологических преступлениях. В УК РФ это глава 26 «Экологические преступления» [5], в УК КНР – параграф 6 «Преступления против охраны окружающей среды» [4]. Это говорит о систематизации экологических преступлений, которая происходит по признаку видового объекта, что, безусловно, является позитивным и заслуживает одобрения, другое дело, каково их наполнение (внутреннее содержание). Попробуем разобраться.

В сравнении с УК РФ УК Китая содержит достаточно скромное количество статей, посвященных охране природы. Их насчитывается всего 9 (против 18 по УК РФ), из которых ст. 346 посвящена ответственности организаций за деяния, предусмотренные в иных восьми статьях. Насколько оправданна такая лаконичность? Сопоставляя содержание глав обоих кодексов, можно заметить следующие особенности.

УК Китая не выделяет отдельные природные объекты в самостоятельные составы преступлений, а формулирует общие большие составы, где под одной «шапкой» собран целый ряд разнообразных деяний, посягающих на различные природные объекты. В частности, от различного рода загрязнений окружающая среда и отдельные ее компоненты (вода, почва, атмосферный воздух) охраняются с помощью двух общих норм (ст. 338–339), где речь идет о различных альтернативных действиях, причиняющих вред этим компонентам, таких как: размещение, хранение, выброс, ввоз, захоронение различного рода опасных веществ, причем в ст. 338 акцент сделан на радиоактивные и ядовитые вещества, а в ст. 339 – на твердые отходы. Получается, что как таковой ответственности за загрязнение отдельных природных объектов в УК КНР не установлено. Российский же кодекс предусматривает на этот счет целых пять составов (два общих и три специальных, посвященных охране от загрязнения вод, морей и атмосферного воздуха).

Представляется, что такой подход китайского законодателя непродуктивен и малоэффективен, так как каждый природный объект имеет свою специфику, которую необходимо учитывать при конструировании состава для действенной охраны окружающей среды. О неэффективности такого подхода свидетельствуют неутешительные данные по экологической обстановке в Китае. Согласно официальным данным, которые многими считаются заниженными, две трети грунтовых вод в 118 крупнейших городах страны

«сильно загрязнены». Последний анализ воздуха в Китае выявил превышение содержания опасных частиц в 22 раза по сравнению с нормой ВОЗ [2].

Надо сказать, что китайский законодатель предпринимает меры по улучшению экологической обстановки в стране, в частности, в апреле 2014 г. был одобрен проект изменений в Закон КНР «Об охране окружающей среды», который вводит прямую и неограниченную материальную ответственность для нарушителей закона. В числе изменений также введение системы длительных штрафов за загрязнение окружающей среды, расширение применения административного ареста в качестве наказания за такие нарушения, ужесточение наказаний за экологические преступления [1]. Представляется, что, в свете изложенного, китайскому законодателю стоит задуматься и об усовершенствовании УК страны.

При этом уголовно-правовая охрана некоторых компонентов природной среды по УК КНР ведется всё же с помощью отдельных норм. Речь идет об охране земли и недр, подобные составы есть и в УК РФ. Однако примечательно (и не только применительно к этим составам), что китайский законодатель в тексте статей дает ссылку на соответствующий закон, к которому отсылает уголовно-правовая норма. Так, в ст. 342 УК КНР говорится о незаконном занятии пахотных земель сравнительно большой площади для иных целей в нарушение Закона о земельном управлении. Такую практику следует признать позитивной, поскольку это упрощает работу правоприменителя, сокращает судебные ошибки и, как следствие, ведет к более эффективной охране окружающей среды.

Отдельно следует сказать о составах браконьерства, куда входят: незаконная добыча водных биологических ресурсов, незаконная охота, незаконная рубка лесов. Подобные нормы имеются в УК обеих стран. Сопоставляя законодательные конструкции соответствующих норм УК, отметим, что УК Китая в статьях о незаконной добыче водных биологических ресурсов и незаконной охоте воспроизводит по сути редакцию ст. 163 УК РСФСР 1960 г. В них, так же как и в нашем ранее действовавшем кодексе, не разъясняются ни запрещенные орудия лова, ни запрещенные места, ни запретное время. Кроме того, в качестве условия наступления уголовной ответственности в УК Китая предусмотрено наличие отягчающих обстоятельств. Но какие именно это обстоятельства – не уточняется. Совершенно очевидно, что наличие такого обилия оценочных признаков лишь затрудняет работу правоприменителя.

Стоит также обратить внимание, что в УК Китая предусмотрены отдельные составы, посвященные охране редких, находящихся на грани вымирания животных и ценных пород лесов (ст. ст. 341, 344 УК). К слову сказать, в УК РФ не так давно была введена новая норма похожего содержания (ст. 258.1), с той разницей, что по УК РФ охране подлежат особо ценные животные и водные биологические ресурсы, а по УК КНР – животные и леса.

Как мы видим, недоработки имеются, но в целом такая практика заслуживает одобрения.

Обращаясь к законодательным конструкциям составов экологических преступлений рассматриваемых стран, надо отметить, что как в УК РФ, так и в УК КНР большинство составов сформулированы по типу материальных, т.е. для привлечения к уголовной ответственности необходимо устанавливать наличие не только деяния, но и предусмотренного законом последствия. Такие последствия весьма разнообразны в обеих странах. Объединяет и то, что для их описания употребляется большое количество оценочных понятий. В УК Китая фигурируют такие последствия, как: «значительный ущерб государственному или частному имуществу либо жизни и здоровью людей», «сравнительно крупный объем», «крупный объем», «особо крупный объем». В УК РФ фигурируют:

- существенный вред здоровью человека, водным биологическим ресурсам, окружающей среде, зонам отдыха либо другим охраняемым законом интересам;
- крупный ущерб, массовая гибель рыбы или других водных биологических ресурсов;
- уничтожение в значительных размерах кормовых запасов, тяжкие последствия, значительный ущерб и т.п.

При этом содержание данных терминов законодателями обеих стран не раскрывается, исключение составляет ст. 260 УК РФ, в примечании к которой определяется значительный, крупный и особо крупный размер. Правильная трактовка указанных дефиниций имеет важное значение для квалификации совершаемых общественно опасных деяний, разграничения смежных преступлений, отграничения преступлений от административных правонарушений. Подобные оценочные понятия являются огромным минусом таких законодательных конструкций.

Стоит также сказать, что по УК Китая не предусмотрена ответственность за целый ряд объектов уголовно-правовой охраны, фигурирующих в главе 26 УК РФ. В частности, это: нарушение законодательства о континентальном шельфе РФ и об исключительной экономической зоне РФ, уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу, нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов.

Что касается субъективных признаков, то составы преступлений, посвященные охране окружающей среды, как в Китае, так и в России, построены таким образом, что предполагают умышленную форму вины, а если говорить о нормах, устанавливающих ответственность за деяния, связанные с размещением, хранением и т.п. вредных объектов, то здесь предполагается не только умышленная, но и неосторожная форма вины.

Отличительной чертой УК Китая является то, что он предусматривает за совершение экологических преступлений уголовную ответственность юридических лиц. Так, если подобные действия совершены организацией, то по отношению к ней применяются штрафные санкции (ст. 346 УК КНР). Такая практика, на наш взгляд, заслуживает одобрения. Дело в том, что преступле-

ния в сфере экологии (особенно такие, как браконьерство) совершаются часто в рамках предпринимательской деятельности. В этом случае в совершении преступления принимают участие именно предприятия и организации, и очень часто невозможно указать конкретное лицо, виновное в совершении общественно опасного деяния, а кроме того – привлечение к ответственности наемных работников зачастую почти не влияет на деятельность предприятия, которое продолжает вести противоправную деятельность.

Не меньший интерес представляет исследование особенностей пенализации экологических преступлений. Санкции в обеих странах альтернативные, причем в УК РФ предусмотрен больший спектр возможных наказаний, что способствует реализации принципа индивидуализации наказания.

Интересно, что в УК Китая мы встречаем такой вид наказания, не известный УК РФ, как надзор. Содержание и сроки этого вида наказания раскрываются в части Общей УК КНР, где согласно ст. 38 он исчисляется от трех месяцев до двух лет, в части Особой – сроки не установлены. Кроме того, в УК Китая присутствует такой вид наказания, как конфискация имущества. В России же, как известно, этот вид исключен из системы наказаний (ФЗ от 8 декабря 2003 г.), а включен в раздел VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера» в качестве отдельной главы 15.1 «Конфискация имущества» (ФЗ от 27 июля 2006 г.). При этом законодатель определил перечень преступлений, за которые может быть назначена конфискация имущества, куда рассматриваемые нами преступления не вошли (исключение составляет новая ст. 258.1, посвященная охране особо ценных животных).

Анализ санкций позволил нам прийти к выводу о том, что экологические преступления по УК КНР наказываются более строго, нежели в РФ. Чтобы проиллюстрировать сказанное, возьмем для примера статьи, посвященные незаконной рубке лесных насаждений (ст. 260 УК РФ и ст. 245 УК КНР). По УК Китая максимальный порог наказания в виде лишения свободы за незаконную рубку лесов в сравнительно крупном объеме установлен в 3 года, в крупном – 7 лет, в особо крупном – свыше 7 лет. По УК РФ за рубку в значительном размере – 1 год, в крупном – 3 года, в особо крупном – 6 лет. Примечательно также, что за незаконную охоту на редких, находящихся на грани вымирания диких животных при особо отягчающих обстоятельствах срок лишения свободы может превышать 10 лет, в России же максимальный срок не может превышать 7 лет лишения свободы.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что, несмотря на достаточно разработанную систему экологического законодательства, нормы УК КНР выглядят весьма скудными и недоработанными, содержат множество оценочных понятий как при описании деяний, так и при формулировании последствий и, соответственно, не могут служить для России образцом для подражания.

К заслуживающим внимания моментам стоит отнести наличие в УК КНР уголовной ответственности юридических лиц за экологические преступления, а также тенденцию к усилению наказания за подобные деяния.

В остальном, как нам представляется, для более эффективной охраны природы и ее ресурсов, как Китаю, так, впрочем, и России предстоит еще большая работа по совершенствованию уголовно-правовых норм об охране окружающей среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Внесены изменения в Закон КНР «Об охране окружающей среды» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cnlegal.ru/uncategorized/china_environment_protection_law_amended/.
2. Китай вводит смертную казнь за экологические преступления [Электронный ресурс] // Мир и политика. – Режим доступа: <http://mir-politika.ru/5275-kitay-vvodit-smertnuyu-kazn-za-ekologicheskie-prestupleniya.html>.
3. Лю, Хун Янь. Развитие экологического права Китая и России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Лю Хунь Янь. – М., 2005. – 24 с.
4. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / пер. с кит. под ред. и с предисл. А. И. Коробеева. – СПб. : Юридический центр, 2014. – 416 с.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. на 21.07.2014 г.) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/>.

REFERENCES

1. *Vneseny izmeneniya v Zakon KNR «Ob okhrane okruzhayushchei sredy»* [Changes in the Law of the PRC On environmental protection]. Available at: http://cnlegal.ru/uncategorized/china_environment_protection_law_amended/ (accessed 02 September 2014).
2. *Kitai vvodit smertnuyu kazn' za ekologicheskie prestupleniya. Mir i politika* [China introduces the death penalty for environmental crimes. Peace and policy]. Available at: <http://mir-politika.ru/5275-kitay-vvodit-smertnuyu-kazn-za-ekologicheskie-prestupleniya.html> (accessed 02 September 2014).
3. *Lyu Khun Yan'. Razvitie ekologicheskogo prava Kitaya i Rossii* [The development of environmental law in China and Russia]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2005. 24 p.
4. *Ugolovnyi kodeks Kitaiskoi Narodnoi Respubliki* [Criminal code of the people's Republic of China]. Ed. of the Translation from Chinese and Foreword by Prof. A. I. Korobeev. St. Petersburg: Press Law Center, 2014. 416 p.
5. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii of 13 June 1996 No 93-FZ (s posl. izm. i dop. na 21.07.2014 g.)* [Criminal Code of the Russian Federation of 13 June 1996 (with the last. Amend. Ext. On 21.07.2014)]. SPS Konsul'tant Plyus. Available at: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf> (accessed 29 November 2014).

Морозов Николай Александрович, канд. юрид. наук, научный сотрудник
Юридической школы Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток, Россия. E-mail: nmorozov@mail.ru

ПРАКТИКА БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ В ЯПОНИИ В НАЧАЛЕ XXI в.*

В настоящее время противодействие киберпреступности является одной из наиболее актуальных задач мирового масштаба. Количество киберпреступников растет, постоянное совершенствование информационных технологий и, как следствие, новые возможности «совершенствования» этих преступлений создают очевидные угрозы для глобальных информационных сетей и общества в целом.

Киберпреступность признана глобальной международной проблемой. Развитие за прошедшее десятилетие глобальной компьютерной сети Интернет привело к тому, что информационно-телекоммуникационные инфраструктуры экономически развитых стран, их национальные информационные ресурсы оказались уязвимыми объектами посягательств со стороны преступных сообществ и групп, отдельных криминальных элементов.

Важную роль в развитии информационных технологий играет кибербезопасность. Её усиление имеет огромное значение для безопасности и экономического благосостояния любой страны; поэтому сдерживание киберпреступности стало составной частью системы национальной безопасности и государственной стратегии защиты информационной инфраструктуры с тем, чтобы способствовать снижению рисков и последствий киберпреступности.

Киберпреступность отличается высокой латентностью. При этом её причины лежат в другой плоскости, чем причины латентности «обычных» преступлений. Зарегистрированные преступления чаще всего связаны с крупными денежными потерями, а если они не столь значительны, физические лица не всегда сообщают о таких преступлениях правоохранительным органам. Для отечественной криминологии представляет особый интерес пока малоизвестная нам практика борьбы с киберпреступлениями в Японии, рассмотрению которой и посвящена предлагаемая статья.

Ключевые слова: киберпреступность, компьютерные преступления, сравнительная криминология, Япония, борьба с преступностью, компьютерная безопасность.

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, Государственное задание на выполнение НИР 29.763.2014/К.

THE PRACTICES OF FIGHT AGAINST CYBERCRIME IN JAPAN IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY*

Currently cybercrimes are one of the most pressing global problems. The number of cybercrimes is growing, continuous improvement of information technology and, as a result, new opportunities of "improvement" of these crimes pose obvious threats to global information networks and society in general.

Cybercrime is recognized as a global international issue. Development of the World Wide Web over the past decade has led to the fact that information and telecommunications infrastructure in economically developed countries, their national information resources have become vulnerable objects to attacks from criminal groups and communities, and some criminal elements.

Cybersecurity plays an important role in the development of information technology. It is of great importance to the security and economic well-being of any country; therefore, impeding cybercrimes has become an integral part of national security and state strategy of protecting its information infrastructure in order to reduce the risks and consequences of cybercrimes.

Cybercrimes have a high level of latency, which is quite different from the causes of latency in case of "ordinary crimes". Registered crimes are most often associated with large monetary losses, and if they are not very significant, individuals do not always report such crimes to law enforcement authorities. The experience of dealing with cybercrimes in Japan, described in the article, is of particular interest to the Russian criminology.

Keywords: cybercrime, computer crime, comparative criminology, Japan, crime, computer security.

С тех пор, как человечество осознало, что оно вступило в новую технологическую эру, стремительно растущая компьютеризация все шире проникала в социальную практику, открывая все новые и более широкие возможности для развития общества и жизнедеятельности людей. Этот процесс не обошел стороной и криминальный мир, осознавший перспективы «приобщения» к техническому прогрессу. На X Конгрессе ООН по предупреждению преступности отмечалось, что преступные организации действуют таким образом, что совершенные ими преступления становятся все более многогранными и взаимосвязанными; преступные навыки, приобретенные в одной области, быстро переносятся на новые криминальные рынки, а партнерские отношения устанавливаются с различными субъектами,

* The research is conducted with the support by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Public research task 29.763.2014/K.

независимо от того, занимаются ли они законной или противоправной деятельностью [7].

Важную роль в развитии информационных технологий играет кибербезопасность. Её усиление имеет огромное значение для безопасности и экономического благосостояния любой страны; поэтому сдерживание киберпреступности стало составной частью системы национальной безопасности и государственной стратегии защиты информационной инфраструктуры с тем, чтобы способствовать снижению рисков и последствий киберпреступности.

Для отечественной криминологии представляет особый интерес пока малоизвестная нам практика борьбы с киберпреступлениями в Японии [8, с. 56–57]. Конец 90-х гг. прошлого века и начало 2000-х гг. прошли под знаком новых тенденций – изощренных способов совершения преступлений («фишинг», атаки бот-сети, голосовые передачи по IP-протоколу) и широко распространившихся технологий, затруднявших работу правоохранительных органов. По оценкам экспертов ООН, свыше 80% киберпреступлений совершаются организованными преступными группами, со сложившимися черными рынками вредоносных программ, компьютерных вирусов, краденых персональных и финансовых данных [2; 4].

Здесь следует отметить, что в разных странах национальная статистика имеет существенные различия, связанные с особенностями регистрации таких преступлений и уголовного законодательства. Поэтому она не может адекватно отражать проблему в мировом масштабе; в силу тех же причин данные национальной статистики не являются достаточно прочной основой для сравнительных исследований [1; 9]. Достоверность такого рода специфической информации (применительно к киберпреступности) всегда носит релевантный характер. Статистика той или иной страны отражает лишь преступления, которые были выявлены и зарегистрированы; она, конечно, необходима для разработки политики на национальном уровне, но её показатели зависят не столько от уровня преступности, сколько от уровня развития страны и возможностей полиции. Не случайно две трети стран считают свои системы полицейской статистики недостаточно совершенными для того, чтобы регистрировать киберпреступность [4].

Киберпреступность отличается высокой латентностью [5]. При этом её причины лежат в другой плоскости, чем причины латентности «обычных» преступлений. Зарегистрированные преступления чаще всего связаны с крупными денежными потерями, а если они не столь значительны, физические лица не всегда сообщают о таких преступлениях правоохранительным органам. Что же касается юридических лиц, то, во-первых, государственные органы и предприятия частного сектора по-разному воспринимают относительные риски и угрозы. Во-вторых, компании, потерпевшие, например, от хакерских атак на их серверы, зачастую скрывают такие факты, опасаясь, что огласка сможет повредить их репутации. В Японии, например, в 2010 г. в ходе анкетирования, проведенного полицией, лишь 25% компаний сообщили об убытках, понесенных ими от киберпреступности.

Более надежную основу для анализа ситуации в этой сфере представляют виктимологические опросы. Их результаты показывают, что виктимизация частных лиц от киберпреступности значительно выше, чем от «обычных» преступлений. Так, показатели виктимизации от мошенничества с кредитными картами, от краж персональных данных, ответов на попытки «фишинга» и незаконного доступа к электронным записям среди пользователей Интернета в 20 странах составляют до 17%, при этом в более развитых странах уровень виктимизации от таких преступлений, как правило, значительно ниже.

Ключевую роль в предупреждении киберпреступности играют правовые меры [10]. Ныне в плане криминализации многих правонарушений достигнута более высокая степень консенсуса. Значительно большее единообразие получила криминализация деяний, связанных с контентом Интернета. Вместе с тем криминализация киберпреступлений еще имеет существенные различия. Разные подходы существуют, например, при криминализации вмешательства в функционирование компьютерных систем в зависимости от формы вины (в Японии такое вмешательство должно быть преднамеренным). Есть различия и по способам вмешательства, они охватывают различные деяния – от повреждения или удаления данных до изменения, блокировки, передачи данных и т.п. Достижение большего единообразия в понимании и криминализации таких преступлений – одна из актуальных задач мирового сообщества.

Власти Японии еще с конца прошлого века оперативно реагировали на изменение ситуации в сфере киберпреступности, связанное с появлением новых видов преступлений и ростом их распространенности. В 1985 г. был принят Закон о размещении интегральных полупроводниковых схем, которым вводились нормы, предусматривающие наказания в целях охраны информации как объекта собственности. В 1987 г. был принят закон, объявляющий преступными и наказуемыми производство электромагнитных дисков, уничтожение компьютеров, их мошенническое использование, а также создание связанных с этим предприятий. Соответствующие изменения и дополнения вносились в УК и УПК Японии.

В 1999 г. был принят специальный закон, установивший меры ответственности за вовлечение несовершеннолетних в занятие детской проституцией и производство детской порнографии (*Act on Punishment of Activities Relating to Child Prostitution and Child Pornography, 1999*). В 2000 г. специальным законом (*Unauthorized Computer Access Act, 2000*) установлена уголовная ответственность за несанкционированный доступ к компьютерам. В целях повышения эффективности борьбы с киберпреступностью 26 июня 2001 г. был принят специальный закон, согласно которому вносился ряд изменений и дополнений в УК, установивших уголовную ответственность за новые виды компьютерных преступлений, в том числе за подделку и использование поддельных и краденых кредитных и дебетовых карт. Кроме того, специальным законом (*Act on Protection of Deposition*

and Postal Saving Holders from Unauthorized Automated Withdrawal Using Counterfeit and Stolen Cards) устанавливались меры защиты таких карт, высылаемых банками их владельцам по почте, а также меры контроля за снятием денежных средств в банкоматах по поддельным и краденым картам [11].

В 2004 г. в законодательство об ответственности за распространение материалов, связанных с детской проституцией и порнографией, были внесены изменения, ужесточившие ответственность за изготовление такого рода видеопродукции и ее распространение в Интернете.

В 2006 г. в порядке реализации положений Европейской конвенции и других международно-правовых документов в Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс Японии были внесены изменения и дополнения, предусматривающие криминализацию новых компьютерных преступлений, в том числе производство и распространение вирусов. Работа по дальнейшему совершенствованию законодательства, направленная на ужесточение правовых мер борьбы с компьютерной преступностью, продолжалась и в последующие годы.

Появление компьютерных преступлений в Японии относится к середине 1970-х гг., но их рост и осознание опасности стали ощутимыми лишь спустя 15 лет. Такое развитие ситуации, на первый взгляд, кажется парадоксальным, поскольку 1970–1980-е гг. связаны со стремительным развитием в стране прогресса науки и техники, составной частью которого были быстрые темпы компьютеризации. Здесь сказалось влияние многих факторов, с которыми связана специфика страны на этом этапе ее развития. К ним можно отнести новизну самих компьютерных преступлений, отсутствие законодательной базы, квалификации и опыта у сотрудников правоохранительных органов. Сюда относятся и особенности психологии и менталитета японцев (граждан «честного общества»), и взаимосвязанные изменения в демографической ситуации, в темпах миграции сельской молодежи, изменения в структуре трудовой занятости населения, в концентрации трудовых ресурсов, используемых для преобразований инфраструктуры крупных городов, для создания всего, что вскоре стали называть «японским чудом».

Подтверждением сказанному являются не только динамика, но и сам характер компьютерных преступлений, зафиксированных в этот период. В 1977 г., например, было зарегистрировано 61 преступление. К 1981 г. их число выросло до 288, а к концу 1994 г. (т.е. почти за 20 лет) – до 492 преступлений, из которых 447 составили изменение или уничтожение программной информации.

Следует отдать должное японским криминологам и специалистам в области уголовного права, которые предвидели будущее компьютерной преступности, ее быстрый рост и серьезные проблемы, с которыми столкнется правоприменительная практика. Они указывали, что сложность расследования растущего числа таких преступлений заставит переосмыслить тра-

диционные основы ведения следствия, для чего потребуются критически проанализировать следственную практику, одновременно находя решения возникающих проблем в расследовании и в судебном процессе. Четверть века назад авторы первого научно-практического пособия по компьютерной преступности писали: «До сих пор количество компьютерных преступлений было невелико, но несомненно, что число их будет расти. Кроме того, благодаря распространению компьютерной техники, преступления прежних видов будут осуществляться с использованием компьютеров, а также будет возрастать число дел, в которых информация об их использовании станет необходимой как доказательство преступления» [6, с. 191].

Помимо процессуальной стороны проблемы особое внимание уделялось её уголовно-правовым аспектам. Так, видный исследователь японского уголовного права профессор Х. Итакура еще 25 лет назад определял новые формы преступности как явления антисоциального характера, тесно и неразрывно связанные с социально-экономической структурой общества, как преступность, присущую современной форме общества. Возникает, отмечал Х. Итакура, проблема социальной и юридической оценки «новых форм» преступлений, поскольку квалифицировать их как преступления было бы трудно, если опираться на традиционный образ мышления [3, с. 7].

С середины 1990-х гг. стремительное развитие Интернета выводит компьютерную преступность в стране на принципиально новый уровень, что в первую очередь сказывается на росте экономических преступлений в кредитно-финансовой сфере (оплата счетов, махинации с кредитными карточками и т. п.), а также хищении персональных данных и разглашении конфиденциальной информации. Начало 1990-х гг. отмечено резким ростом фактов незаконного использования кредитных и дебетовых карточек. Их пик приходится на 1992 г., когда было зарегистрировано свыше 11 тыс. таких деяний. В 1994 г. их число, благодаря оперативной реакции полиции и финансовых органов, снизилось до 8 740 (в 38% дел использовались украденные карты).

В 1997 г. случился скандал, с которым в лексиконе японской полиции связано появление термина «киберпреступность». Речь идет о деле хакера, который более сотни раз пытался с территории Израиля проникнуть в компьютерную сеть базы ВМС США в Калифорнии через японскую компанию – производителя программного обеспечения в префектуре Исикава, не имевшей к этому факту никакого отношения. В связи с этим скандалом шеф Главного управления полиции был вынужден выступить с заявлением по телевидению, в ходе которого сообщил о решении создать специальное подразделение «киберполиции» (Cyber Force) и наладить непрерывный контакт с аналогичными зарубежными службами. Кроме того, сообщалось, что на 1999 г. запланированы бюджетные средства на закупку специального оборудования для компьютерных систем.

В том же 1997 г., подписав ряд соглашений с зарубежными странами о взаимодействии в борьбе с компьютерными преступлениями, Япония

обязалась предпринять ряд радикальных мер – принять законы против киберпреступлений, организовать обучение сотрудников полиции методам расследования, открыть круглосуточную «горячую линию» для обращений в полицию, разработать новые технологии отслеживания источников вторжения в компьютерные сети, ускорить процесс выдачи подозреваемых в преступлениях, осуществлять резервное архивирование информации [13]. В 2000 г. на конференции по проблемам компьютерной преступности в Париже страны G8 (вместе с Россией) пришли к соглашению о развитии международной кооперации в этой сфере, в том числе в деле отслеживания преступников за пределами своих границ. В последующие годы, развивая такое сотрудничество, Япония выполняет взятые ею обязательства.

С начала 2000-х гг. для анализа ситуации в Японии используют собственную типологию преступлений, которая позволяет учитывать почти всю палитру правонарушений в этой сфере и развивающиеся тенденции. В рамках этой типологии выделяются две основные группы: преступления, связанные с проникновением в компьютеры, и преступления, связанные с использованием Интернета. К группе относятся: мошенничество; повреждение электромагнитных записей и создание помех бизнесу; преступления с платежными картами; несанкционированный доступ (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика и структура преступлений,
связанных с проникновением в компьютеры, в 2006–2010 гг.**

Виды преступлений	Годы				
	2006	2007	2008	2009	2010
Всего	1151	1853	2264	2888	1926
Повреждение электромагнитных записей	56	34	20	22	36
Компьютерное мошенничество	63	74	220	1609	91
Преступления, связанные с платежными картами	319	298	277	259	192
Несанкционированный доступ к компьютеру	703	1442	1740	2534	1601

Из приведенных в табл. 1 данных прежде всего обращает на себя внимание рост общего числа преступлений, связанных с проникновением в компьютеры (исключение составляют лишь показатели 2010 г.). На этом общем фоне динамика компьютерных мошенничеств носит «турбулентный» характер. С 2003 г. по 2008 г. число таких преступлений выросло в три раза, а за 2006–2008 гг. – почти в четыре раза. В 2009 г. показатели компьютерного мошенничества снизились на 23,2%, а в 2010 году на 42%, что свидетельствует об эффективности усилий правоохранительных органов.

Вместе с тем, неблагоприятной выглядит динамика постоянно растущего числа фактов несанкционированного доступа к компьютерам. При этом обращает на себя внимание не только значительный рост абсолютных

показателей, но и рост удельного веса таких деяний в общей структуре преступлений, связанных с проникновением в компьютеры, где в течение 2006–2010 гг. на долю несанкционированного доступа приходится в среднем почти 80%. Если в 2006–2007 гг. их удельный вес составлял 60–62%, то в 2008 г. – 77%, в 2009 г. – 87%, в 2010 г. – 84%. В абсолютных значениях рост этих преступлений начался ещё с 2005 г. В 2007 г., по сравнению с 2006 г., их число выросло в 2 раза, а в 2009 г., по сравнению с 2008 г., на 45,6%. Лишь в 2010 г. зафиксировано их снижение. Как видно, борьба с несанкционированным доступом к компьютерам всё еще остаётся серьезной проблемой.

Вторую группу преступлений составляют мошенничество, распространение непристойных материалов, распространение материалов, связанных с детской порнографией, нарушение авторских прав.

Обратимся к количественным и качественным трансформациям в группе преступлений, совершенных с использованием сети Интернета (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика и структура преступлений, совершенных
в сети Интернета в 2006–2010 гг.**

Виды преступлений	Годы					
	2006	2007	2008	2009	2010	
ВСЕГО	3593	3918	4334	3961	5199	
Мошенничество	1597	1512	1508	1280	1566	
Распространение непристойных материалов	192	203	177	140	218	
Распространение материалов, связанных с детской проституцией и порнографией	Всего	714	743	761	923	1193
	связанные с детской проституцией	463	551	507	416	410
	порнографией	251	192	254	507	783
Нарушение авторских прав	138	165	144	188	368	
Прочие	952	1295	1744	1430	1854	

Во-первых, наблюдается более высокая распространенность этих преступлений (по сравнению с преступлениями в первой группе) – ежегодно их в три раза больше. Во-вторых, заметной является тенденция роста общего числа «сетевых» преступлений (в 2010 г. они, по сравнению с предыдущим годом, выросли на 31,3%). О значительно большей общественной опасности этих преступлений свидетельствует, далее, не только их высокая

распространенность, но и их структура, где наибольшую часть составляет мошенничество. На долю сетевых мошеннических операций еще с 2005 г. приходится в среднем треть всех преступлений, связанных с использованием Интернета: от 44% в 2006 г. – до 32% в 2010 г. При этом отметим, что на протяжении последних шести лет динамика мошеннических операций отличается очевидной стабильностью, а снижение их удельного веса обусловлено лишь ростом общего числа преступлений этой группы. Что же касается конкретизации сферы сетевого мошенничества, то, как свидетельствует статистика, в 2009–2010 гг. соответственно 40% и 43,2% таких деяний составляли операции на Интернет-аукционах (в абсолютных показателях число таких преступлений выросло с 522 до 677) [13, с. 47; 15, с. 31].

Негативные тенденции проявляются, далее, в динамике и структуре сетевых преступлений, относящихся к распространению материалов, связанных с детской проституцией и порнографией. Ответственность за такие преступления помимо закона 1999 г. (*Act on Punishment of Activities Relating to Child Prostitution and Child Pornography, 1999*) предусмотрел и специальный закон о защите несовершеннолетних (*Youth Protection Ordinance violations*).

Общее число таких преступлений, а они составляют в среднем 20% от всех сетевых преступлений, ежегодно растет. В рамках этой общей тенденции особенно заметно растёт, причем ежегодно, распространение материалов, связанных с детской порнографией (за 2009 г. число таких преступлений выросло в два раза, а за 2010 г. – в 1,5 раза) [15, с. 16].

Распространение материалов, связанных с детской проституцией, в абсолютных значениях в последние годы снижается (на 20%), но эту тенденцию не следует оценивать слишком оптимистично, ибо, во-первых, выявление и расследование таких преступлений сопряжено со многими трудностями, а, во-вторых, статистика нарушений специальных законов о пользовании сайтами Интернет-знакомств (*Online Dating Site Control Act; Act on Regulation on Soliciting Children by Using Opposite Sex Introducing Service on Internet*) показывает, что число нарушений, связанных с поиском несовершеннолетних для вовлечения их в занятие проституцией, растет (в 2010 г. за год выросло на 18,1%). В 2009 г., например, зарегистрировано 1 203 нарушения правил пользования указанными сайтами, где из 548 потерпевших 453 (83%) были детьми [14, с. 31]. Отмеченной общей тенденции (табл. 2) соответствует и динамика преступлений, связанных с нарушением авторских прав, число которых за последние два года выросло в 2,5 раза.

Суммируя итоговые показатели компьютерных преступлений в обеих группах, (табл. 1, 2), получим следующий динамический ряд зарегистрированных преступлений: в 2007 г. – 5 473; в 2008 г. – 6 321; в 2009 г. – 6 690; в 2010 г. – 6 933; в 2011 г. – 5 741 [16, с. 18]. Такая стабильность, помимо всего прочего, означает, что за этот период добиться перелома в борьбе с компьютерными преступлениями еще не удалось, и потому про-

тивоедействие таким правонарушениям останется важным и перспективным направлением деятельности японских правоохранительных органов. Этот общий вывод, как будет показано далее, подтверждается и анализом других, входящих в общую проблематику составляющих.

В указанные типологические группы не входят, однако, такие преступления, как, например, использование поддельных и краденых кредитных и дебетовых карт; несмотря на то, что их распространенность постепенно снижается, эффективность борьбы с такими преступлениями все же остается актуальной проблемой. Об этом говорит не столько динамика таких преступлений, которая носит спорадический характер, сколько сравнение показателей их раскрываемости и числа арестованных.

Из приведенных в табл. 3 данных следует, что на фоне стабильной раскрываемости этих преступлений уровень арестов по отношению к числу раскрытых преступлений из года в год снижается. Это означает, что одни и те же арестованные многократно использовали поддельные или краденые кредитные карты (в среднем по 7-8 эпизодов). Таким образом, высокий уровень специального рецидива говорит о том, что предупреждение таких преступлений еще остается актуальной задачей.

Таблица 3

**Динамика и раскрываемость преступлений,
связанных с использованием поддельных
и краденых кредитных карт**

Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Зарег. прест.	6970	5527	4938	4862	6926	7333	6859	5518	4345	4155	4460
Раскрыто	4514	4080	3521	3213	4248	4449	4681	4060	3412	3342	3560
Аресты	1803	921	918	832	1094	1046	794	623	547	592	613

Значительное число компьютерных преступлений, связанных с различными финансовыми махинациями, совершается, как уже отмечалось, организованными преступными группами со сложившимися черными рынками вредоносных программ, краденых персональных и финансовых данных и т.п. К 2010 г. долевое участие организованных сообществ в таких преступлениях, по данным статистики, составляет 28,7%.

В полицейской статистике отдельно фиксируются также сообщения о компьютерных вирусах, которые в электронной почте получателей выглядят как письма от легально действующих фирм. Рассылка таких вирусов является фактором, препятствующим нормальной работе информационных систем. Резкий всплеск таких правонарушений в 2004–2007 гг. вызвал в обществе настолько серьезную озабоченность, что власти вынуждены были в 2006 г. открыть в Национальном управлении полиции «горячую» линию – Internet Hotline Center [15, с. 18], создать федеральное агентство –

Technology Promotion Agency, куда направлялись сообщения о заражении компьютеров для оказания необходимой помощи, а также объявить о готовящихся мерах по ужесточению ответственности за распространение вирусов. Однако еще до принятия законодательных решений активизация специальных технических мер и усилий полиции привела, как видно из показателей в таблице № 3, к значительному снижению числа таких преступлений: в 2009–2010 гг. число арестованных снизилось в 3 раза.

Тем не менее, 17 июня 2011 г. специальным законом (*Act № 74 of 2011*) в УК Японии были внесены изменения и дополнения, установившие ответственность за рассылку сообщений непристойного характера, а также значительно ужесточившие введенные в 2006 г. меры уголовной ответственности за распространение вирусов.

В заключение необходимо признать, что высокая прибыль от различных экономических и финансовых преступлений не может не привлекать внимания преступных сообществ. В последние десятилетия сложилась мировая тенденция «миграции» криминальной активности в киберпространство. Киберпреступность становилась реальностью современной жизни. Это мошенничество с кредитными карточками, изготовление фальшивых банкнот, хищение документов, удостоверяющих личность, для последующего использования персональных данных в корыстных целях. Широкие возможности для расширения такой преступной деятельности открывало быстрое развитие Интернета и рост электронных банковских операций. Интернет становится угрозой для миллионов новых потенциальных жертв. Доходы от такой преступной деятельности могут превысить доход от незаконного оборота наркотиков. Однако практика развитых информационных обществ, в том числе в современной Японии, доказывает возможность уголовной политики, эффективно противостоящей новому криминогенному вызову – киберпреступности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Генрих, Н. В. Сравнительный анализ преступности в России и зарубежных странах / Н. В. Генрих, А. К. Камалова, Н. А. Морозов // Российский криминологический взгляд. – 2013. – № 3. – С. 373–380.
2. Герке, М. Понимание киберпреступности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gosbook.ru/node/23462 /.
3. Итакура, Х. Современные формы преступности и дискуссионные элементы уголовного права / Х. Итакуро. – Токио, 1990. – 233 с. – Яп.
4. Группа экспертов для проведения всестороннего исследования киберпреступности, Вена, 25–28 февраля 2013 г. Всестороннее исследование проблемы киберпреступности и ответных мер со стороны государственных и частного сектора [Электронный ресурс] : (UNOD/CCPCJ/EG4/2013/2). – Режим доступа: http://www.unodc.org/documents/organized-crime/UNODC_CCPCJ_EG.4_2013/UNODC_CCPCJ_EG4_2013_2_R.pdf.

5. Карпец, И. И. Преступность: иллюзии и реальность / И. И. Карпец. – М. : Российское право, 1992. – 432 с.
6. Компьютерные преступления и современное уголовное право. – Токио, 1990. – 362 с. – Яп.
7. A/Conf.187/L.3. Report of Committee I on topic I [Electronic resource] // Tenth United Nation Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, Vienna, 10–17 April. – Access: <http://www.uncjin.org/Documents/congr10/l3e.pdf>.
8. Морозов, Н. А. Преступность и борьба с ней в Японии / Н. А. Морозов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 215 с.
9. Морозов, Н. А. Российская преступность в зеркале международной статистики // Научный портал МВД России. – 2013. – № 3. – С. 41–49.
10. Морозов, Н. А. Законодательство и практика противодействия киберпреступности в Японии / Н. А. Морозов, Н. В. Генрих // Российский криминологический взгляд. – 2014. – № 1. – В печати.
11. XI United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice (Bangkok, Thailand, 18–25 April 2005) / The National Statement of Japan. – Tokyo, 2005. – 19 p.
12. Rodger, W. Nations to fight computer crime [Electronic resource]. – Access: <http://www.zdnet.ru/News/19971218/two/01.asp>.
13. White Paper on Crime – 2010. Actual Situation and Treatment. – Tokyo : Japan Ministry of Justice, 2011. – 68 p.
14. White Paper on Police – 2012 (Digest Edition) [Electronic resource]. – Access: http://www.npa.go.jp/hakusyo/h24/english/Contents_WHITE_PAPER_on_POLICE2012.htm.
15. White Paper on Police. – Tokyo : National Police Agency, 2011. – 74 p.

REFERENCES

1. Genrikh N.V., Kamalova A.K., Morozov N.A. *Sravnitel'nyi analiz prestupnosti v Rossii i zarubezhnykh stranakh* [Comparative Analysis of Crime in Russia and Abroad]. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad*, 2013, № 3, pp. 373–380.
2. Gerke M. *Ponimanie kiberprestupnosti* [Understanding Cybercrime]. Available at: www.gosbook.ru/node/23462 / (accessed 13 December 2014).
3. Itakura H. *Modern forms of crime and discussion elements of criminal law*. Tokyo, 1990. 233 p. (In Japanese).
4. *Gruppa ekspertov dlya provedeniya vsestoronnego issledovaniya kiberpresturnosti, Vena, 25–28 fevralya 2013 g. Vsestoronnee issledovanie problemy kiberprestupnosti i otnetnykh mer so storony gosudarstv-chlenov mezhdunarodnogo soobshchestva i chastnogo sektora (UNOD / CCPCJ / EG4 / 2013/2)* [A group of experts to conduct a comprehensive study of kiberprestupnosti, Vienna, 25–28 February 2013, a Comprehensive study of the problem of cybercrime and responses from the member States of the internation-

al community and the private sector (UNOD / CCPCJ / EG4 / 2013/2)]. Available at: http://www.unodc.org/documents/organized-crime/UNODC_CCPCJ_EG4_2013/UNODC_CCPCJ_EG4_2013_2_R.pdf (accessed 21 December 2014).

5. Karpets I.I. *Prestupnost': illyuzii i real'nost'* [Crime: Illusions and Reality]. Moscow, 1992. 432 p.

6. *Computer crimes and modern criminal law*. Tokyo, 1990. 362 p. (In Japanese).

7. *A/Conf.187/L.3. Report of Committee I on topic I* [Electronic resource] // Tenth United Nation Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, Vienna, 10–17 April. – Access: <http://www.uncjin.org/Documents/congr10/l3e.pdf>.

8. Morozov N.A. *Prestupnost' i bor'ba s nei v Yaponii* [Crime And The Fight Against It(in Japan)]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2003. 215 p.

9. Morozov N.A. Rossiiskaya prestupnost' v zerkale mezhdunarodnoi statistiki [Russian crime in the mirror of international statistics]. *Nauchnyi portal MVD Rossii*, 2013, no. 3, pp. 41–49.

10. Morozov N.A., Genrikh N. V. *Zakonodatel'stvo i praktika protivodeistviya kiberprestupnosti v Yaponii* [Law and Practice cybercrime in Japan]. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad*, 2014, no. 1. (In print).

11. *XI United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice* (Bangkok, Thailand, 18–25 April 2005). The National Statement of Japan. Tokyo, 2005. 19 p.

12. Rodger W. *Nations to fight computer crime*. Available at: www.zdnet.ru/News/19971218/two/01.asp (accessed 13 December 2014).

13. White Paper on Crime – 2010. Actual Situation and Treatment. – Tokyo : Japan Ministry of Justice, 2011. – 68 p.

14. White Paper on Police – 2012 (Digest Edition) [Electronic resource]. – Access: http://www.npa.go.jp/hakusyo/h24/english/Contents_WHITE_PAPER_on_POLICE2012.htm.

15. White Paper on Police. – Tokyo : National Police Agency, 2011. – 74 p.

ПРАВОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРЕСТУПНОСТЬ

LEGAL TRENDS AND CRIME

Литвинова Светлана Федоровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток, Россия. E-mail: litvinova@mail.primorye.ru

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ (На примере института применения иностранного права КНР)

Право КНР представляет интерес для определения способов формирования правовых стереотипов и традиций. Китайское общество отличается традиционностью, и современное законодательство этой страны остается неизменным в течение почти тридцати лет. Такая ситуация не мешает экономическому и социальному развитию этой страны. Российская Федерация, так же как и Китай, начала коренные преобразования всех сфер государственной и общественной жизни, но ее законодательство до сих пор постоянно претерпевает изменения. Законы изменяются, и поправки к законам меняются так часто, что не представляется возможным качественно их готовить. Такие факты свидетельствуют в пользу характеристики российского права как нестабильного. Это вызывает многочисленные критические замечания не только со стороны населения, но и самих парламентариев. Постоянное изменение законодательства России вызывает в обществе чувство отсутствия социальной безопасности. И в этой связи представляют особый интерес опыт КНР, а также способы формирования правовых стереотипов и традиций – свидетельства стабильности законодательства.

В статье автор подчеркивает, что правовая деятельность должна быть последовательно направлена на формирование правовой традиции. В этом смысле последовательная правовая деятельность выступает как способ образования новых стереотипов и традиций. Согласованные функции права и практики его применения обеспечивают эффективность правовых норм, формирования традиций. Объективно необоснованное изменение правоприменительной практики, так же как и изменение содержания правовых норм, может привести к разрушению старых и стать препятствием для развития новых правовых традиций.

Ключевые слова: правовые традиции, правовые стереотипы, стабильность права, законодательство КНР, международное частное право КНР, институт применения иностранного права, менталитет, идентичность общества.

MEANS OF FORMING LEGAL TRADITIONS (Case study of the institution of foreign law application in the PRC)

The Law of PCR is of great interest for defining the means for forming legal stereotypes and traditions. Chinese society is very traditional and its legislation has remained unchanged for almost 30 years. This situation does not hinder the economic and social development of the country. Like China, the Russian Federation has started fundamental changes in all spheres of public and social life. However, the Russian legislation is constantly changing. The laws are amended, and amendments are changed so rapidly, that there is no opportunity to ensure their proper quality. These facts show an unstable character of the Russian law, which results in numerous complaints both from ordinary people and from the legislators themselves. Constant transformations of the Russian legislative framework have led to the lack of the feeling of social security. In this connection, the experience of the PRC is of special interest, as well as Chinese ways of forming legal stereotypes and traditions as the evidence of legislation stability.

Key words: legal traditions, legal stereotypes, stability of law, PRC's legislative framework, PRC's International Private Law, institution of foreign law application, mentality, identity of society.

Правовые традиции как элементы социального наследия особенностей регулирования общественных отношений являются признаками стабильного права – одной из ценностей социального государства. От их существования зависит предсказуемость изменения, реализации правовых норм, а следовательно – наличие чувства правовой безопасности в обществе. В этой связи для России представляет интерес правовой опыт Китайской Народной Республики, поскольку китайцы имеют тысячелетний опыт формирования традиций и следования им, и этот опыт не может не найти отражения в ее праве. Это обусловлено тем, что в китайском миропонимании особая роль отводится ритуалу, который представляет собой методологию заданного действия. В ритуале древние китайцы всегда усматривали государственный приоритет, порядок жизни, общепринятые правила и нормы. Конфуций считал, что человек должен чтить традиционные нормы и ритуалы и свои поступки совершать в соответствии с ними для того, чтобы быть достойным членом своего общества. По этому поводу он говорил: «Благородный муж усердно изучает литературу, сдерживает свой нрав правилами ритуала и вряд ли уклонится с пути» [1]. В этом высказывании Конфуция кроется глубокий смысл, который заключается в том, что, если следовать установленным правилам, то действия будут соответствовать признанным

в обществе нормам. Следование таким правилам привело к тому, что традиции, стереотипы мышления и поведения Древнего Китая до сих пор находят своё отражение в правовых ценностях современных китайцев. Такой традиционализм китайского общества находит отражение и в правовой системе КНР.

Целью настоящей работы является определение способов формирования правовых традиций в регулировании международных частных отношений на примере института применения коллизионных норм и норм иностранного права. Выбор этого института обусловлен тем, что в Китайской Народной Республике с момента ее образования до начала 80-х годов XX в. международное частное право не существовало. Все отношения с участием иностранцев на территории КНР в указанный период регулировались только китайским правом. В связи с этим обращает внимание первый правовой нормативный акт, закрепивший нормы международного частного права: Основные принципы гражданского законодательства КНР от 12 апреля 1986 г. [2] (далее – Основные принципы). Его особенностью является его неизменность на протяжении почти 25 лет вплоть до вступления в силу в 2011 г. Закона Китайской Народной Республики о выборе права к гражданским отношениям с иностранным элементом от 28 октября 2010 г. [3] (далее – Закон от 28 октября 2010 г.). Несмотря на отсутствие поправок к Основным принципам с 1986 г. до 2011 г., можно говорить о том, что в современном Китае сложились собственные традиции в области регулирования международных частных отношений, которые нашли отражение в Законе от 28 октября 2010 г. Доказательством этому может служить анализ формирования правовых традиций на примере института применения иностранного права, основные нормы которого определяют порядок первичной квалификации, отношение к обратной отсылке, применение права стран с множественностью правовых систем, ограничение применения норм иностранного права.

Проблема первичной квалификации фактических правоотношений с иностранным элементом и терминов соответствующих им коллизионных норм в законодательстве КНР до принятия Закона от 28 октября 2010 г. не имела разрешения. Тем не менее, необходимо отметить, что в пункте 2 статьи 146 Основных принципов, устанавливающей порядок возмещения вреда, было закреплено правило квалификации противоправного действия на территории иностранного государства. В ней было определено, что действие не считалось правонарушением, если оно совершалось вне пределов территории и не рассматривалось правом КНР как противоправное. Таким образом эта норма определяла право КНР как применимое – при определении на её территории понятия «правонарушение», а также квалификацию фактически возникших отношений в качестве правонарушения.

С начала становления международного частного права в Китае в доктринальной литературе высказывалось несколько точек зрения в отношении возможного способа разрешения проблемы первичной квали-

фикации в этой стране. Большинство исследователей придерживались мнения, что первичная квалификация должна осуществляться в соответствии с *Lex fori* (закон суда) в субсидиарном порядке – иными правилами; другие считали, что на территории КНР первичная квалификация могла бы быть осуществлена в соответствии с правом КНР или применимым к правоотношению правом [4].

На практике в условиях отсутствия норм, устанавливающих правила, на основе которых должна была быть осуществлена первичная квалификация, китайские судьи исходили из понятий, имеющих место в праве КНР [5]. В соответствии с такой сложившейся практикой Закон от 28 октября 2010 г. в ст. 8 закрепил правило, что природа гражданских отношений с иностранным элементом должна определяться *Lex fori*, то есть по праву суда без каких-либо исключений.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что, несмотря на то, что Закон от 28 октября 2010 г. впервые закрепил институт первичной квалификации, он закрепил уже сложившуюся практику, несмотря на различные доктринальные точки зрения. Такая практика возникла под влиянием экономических, политических и социальных преобразований в обществе и была обусловлена необходимостью регулирования отношений с участием иностранцев на территории Китая. Сложившаяся практика китайских судов рациональна. Она, во-первых, облегчала труд судей при квалификации отношений с иностранным элементом и подборе соответствующей коллизионной нормы для определения применимого права, во-вторых, обеспечивала эффективность правовых действий на начальном этапе разрешения споров. Ее целесообразность объясняется также и тем, что до судебной реформы, которая началась в 90-х годах, судьи назначались с учетом их лояльности к партии и правительству, и не все из них имели высшее юридическое образование. Кроме того, в Китае отсутствовала правоприменительная практика разрешения споров с иностранным элементом.

Закрепление в норме закона правил, сформированных в ходе осуществления относительно длинной правоприменительной практики (около 25 лет), а не в период возникновения необходимости в них, дает основание полагать, что правоприменительная традиция реализации рассматриваемых норм сложилась. Зафиксированный в нормах права опыт деятельности судебных органов, состав которых качественно был обновлен в ходе судебных реформ с начала 90-х годов XX в. представителями нового поколения, не дает основания ожидать изменения соответствующих норм Закона от 28 октября 2010 г. в ближайшем будущем.

При разрешении споров с иностранным элементом правоприменители всех государств рано или поздно сталкиваются с проблемой обратной отсылки. Ее разрешение заключается в ответе на вопрос: в случае определения применимого права иностранного государства применяются материальные или коллизионные нормы его законодательства? Несмотря на то, что в Основных принципах не была решена проблема обратной отсылки, нельзя полностью

согласиться с тем, что Китай являлся страной, «законы которой вообще не решали эту проблему». Действительно, законы КНР не решали рассматриваемую проблему, но она в отношении определения применимого права к гражданским, коммерческим договорам была решена Верховным Народным Судом КНР [6], сформулировавшим правовую норму. Такая норма была закреплена, например, в п. 5 ст. 2 изданных в 1987 г. Верховным Народным Судом КНР Комментариях к некоторым вопросам применения Закона КНР о применении иностранного права об экономических контрактах [7]. Согласно этой норме, в случае выбора закона, подлежащего применению при разрешении споров по договорам на основе принципа наиболее тесной связи с правом какого-либо государства, применяется материальное, а не коллизионное право. В соответствии с Правилами Верховного Народного Суда КНР по существенным вопросам, касающимся применения права при рассмотрении договорных споров с иностранным элементом по гражданским и коммерческим вопросам от 23 июля 2007 г. [8] (далее – Правила Верховного Народного Суда КНР от 23 июля 2007 г.), коллизионное право КНР отсылало к материальному праву иностранного государства, а не коллизионному и процессуальному (ст. 1).

Исходя из смысла документов Верховного Народного Суда КНР, можно предположить существование в Китае тенденции непризнания обратной отсылки. Но соответствующее сформулированное в праве КНР правило распространялось только на разрешение споров, вытекающих из частных договорных отношений с иностранным элементом, что согласуется с соответствующими положениями международного права.

Тем не менее, в судебной практике встречались примеры, когда судья принимал обратную отсылку. В одном из них стороны спора в качестве применимого права выбрали право Китая, коллизионные нормы которого отсылали к иностранному праву, но судом были применены нормы иностранного права (закон страны флага судна) [9].

Тенденция непризнания обратной отсылки и применение материального права иностранного государства в КНР нашли логичное закрепление в Законе от 28 октября 2010 г. В соответствии со ст. 9 иностранные законы, применяемые к гражданским отношениям с иностранным элементом, не включают законы этих государств о применении права, то есть законы, содержащие коллизионные нормы.

Проблема применения права с множественностью правовых систем была решена традиционным для КНР способом Верховным Народным Судом КНР. В Комментариях по некоторым вопросам, относящимся к применению Основных принципов (ст. 192), была установлена норма, согласно которой, в том случае, если в соответствии с коллизионными нормами китайского права должно быть применено право страны с множественностью правовых систем, применимое право должно быть применено в соответствии с коллизионными нормами такого государства. Если же государство не имеет таких норм, применяются нормы той правовой системы, которая наиболее тесно связана с гражданским правоотношением.

Эта тенденция нашла отражение и в ст. 5 Правил Верховного Народного Суда КНР от 23 июля 2007 г. В этих правилах было закреплено, что суды при выборе применимого права к разрешению спора должны выбрать «страну или регион», имеющие наибольшую тесную связь с договором. Тем самым было установлено правило определения системы права иностранного государства, подлежащее применению по правилу *Proper Law* (право страны, с которой договор наиболее тесно связан).

Согласно ст. 6 Закона от 28 октября 2010 г., если различные регионы иностранных государств имеют разные действующие законы, то применяются те, которые имеют наибольшую связь с гражданскими отношениями с иностранным элементом. Таким образом, в законе закреплена сложившаяся тенденция применения права государств с множественностью правовых систем на основе *Proper Law*. Тем не менее, формулировка статьи нового закона позволяет определенно утверждать, что в праве КНР разрешена только проблема, связанная с выбором права государств, имеющих интерлокальную множественность. И эта статья не используется для определения применимой правовой системы стран с интерперсональной множественностью правовых систем.

В двух последних рассмотренных случаях формирование правовой традиции началось с формулировки Верховным Народным Судом КНР соответствующих норм. При этом уже существовал закон, в котором были закреплены нормы, регулирующие международные частные отношения. Тем не менее, изменения в закон не были внесены, а нормотворчество в этой области осуществил Верховный народный суд КНР. Сделать это было проще и быстрее. Положительным в таком нормотворчестве Верховного народного суда КНР можно считать то, что оно способствует единообразному применению норм на территории КНР, восполнению пробелов в правовом регулировании законодательства и накоплению опыта правового регулирования, который позже находит воплощение в законах этой страны. Установленными Высшим народным судом КНР нормами суды всех инстанций руководствовались более двадцати лет. Думается, что этого времени достаточно для формирования модели мышления и поведения и на ее основе соответствующей правовой традиции.

Поскольку право КНР в середине 80-х годов начало допускать применение на её территории права иностранного государства, то актуальной стала оговорка о публичном порядке, которая ограничивала его применение. Статья 150 Основных принципов устанавливала ограничение подобного применения. Не подлежало применению право иностранного государства в том случае, если такое применение нарушало общественные интересы КНР. При этом понятие общественных интересов не было конкретизировано. Это означало, что в каждом конкретном случае суд должен определять, причинит ли вред применение иностранного права на территории Китая его общественным интересам или нет [10]. Вполне очевидно, что в соответствии с правом КНР применение иностранного права, противоре-

чащего ее праву на ее территории, автоматически не рассматривалось как нарушение публичного порядка. Это подтверждалось и положениями Правил Верховного Народного Суда КНР от 23 июля 2007 г. (с. 7) и нашло отражение в Законе от 28 октября 2010 г. В соответствии со ст. 5 последнего, «если применение иностранного права нанесёт ущерб общественным публичным интересам Китайской Народной Республики, право Китайской Народной Республики должно применяться». Тем не менее, необходимо отметить, что пока остаётся неясным, в каких случаях применяется оговорка о публичном порядке в Китае, т.к. не сложилась однообразная практика применения этого института [11, с. 1058].

В рассматриваемом случае при формировании правовой традиции новым законом было осуществлено преемство не только правоприменительной практики, но и нормы закона.

Рассмотренные примеры формирования традиций являются типичными для КНР. Прежде всего, обращает на себя внимание связь между практикой и правовыми нормами. Предпочтение собственной практики очевидно. Первые нормы, регулирующие международные частные отношения, были не многочисленны и не охватывали весь объем таких отношений. При этом пробелы в правовом регулировании восполнялись Верховным народным судом КНР собственными ему методами. В результате его деятельности формировалась правоприменительная практика на территории КНР. Параллельно с реализацией рассмотренных норм, формированием судебной практики в научной среде КНР проходили дискуссии о ее форме и содержании.

Роль Верховного народного суда КНР в нормотворчестве и восполнении пробелов в правовом регулировании является особенностью китайской правовой системы. Несмотря на то, что такая его деятельность не соответствует принципу разделения властей, она вносит свой вклад в формирование в обществе стабильных отношений и правовых традиций. Можно сказать, что это проявление «судебной власти с китайской спецификой», как и «построение социализма с китайской спецификой» и создание одного государства с несколькими правовыми системами, относящимися к разным правовым семьям, является особенностью китайской практики, которую не всегда возможно использовать в практике других государств в силу менталитета общества.

Из анализа опыта КНР в формировании правовых традиций можно сделать следующие выводы, которые могут быть полезны и для России:

1) при формировании правовых традиций собственный опыт правовой деятельности наиболее ценен, чем опыт зарубежных стран, поскольку он обусловлен особенностями реальной ситуации, сложившейся в государстве, и менталитетом общества;

2) при использовании приемлемых для любого государства методов формирования правовых традиций можно выработать способы, подходящие для конкретного социума с учетом зарубежного опыта;

3) формирование рациональных стереотипов и традиций возможно на основе последовательной практики реализации правовых норм, а не в результате изменения содержания правовых норм с целью поиска нормы, которая смогла бы достичь таких целей.

Очевидно, что на протяжении времени получения опыта, в результате которого может быть сформирована соответствующая правовая традиция, правовая деятельность должна быть последовательно направлена на ее формирование. В этом смысле последовательная правовая деятельность с определенной целью выступает как способ образования новых стереотипов и традиций. Правовые традиции могут быть сформированы следующими способами: «от юридической практики к норме права», «от лаконичной нормы права к развернутой через юридическую практику». При этом последовательность правовой деятельности может выражаться в следующем:

1) в обусловленности разработки новых, изменения существующих законодательных актов в соответствии с объективной необходимостью и потребностями общества, имеющими перспективу правового регулирования. Формирование традиций, а в дальнейшем правовых обычаев, возможно только в том случае, если рациональное право разумно обосновано и целесообразно для общества (становится для него рациональным);

2) в принятии норм, не противоречащих нормам морали, которые являются одной из форм общественного сознания и мощным регулятором социальных отношений. Они складываются на протяжении длительного времени под воздействием множества объективных факторов. Это обуславливает их устойчивость. Соответствие правовых норм нормам морали позволяет быстрее сформироваться правовым стереотипам и традициям. Принятие норм права, противоречащих им, вызывает сопротивление со стороны общества, в том числе и в форме агрессии, что может помешать возникновению нового правового стереотипа, а затем и традиции. Тем не менее, необходимо признать, что иногда нормы права направлены на разрушение некоторых моральных стереотипов. В таких случаях необходимо проявление политической воли государства, а также осуществление правовой политики, направленной на формирование толерантности к таким случаям;

3) в принятии последовательных в своем содержании правовых норм, введенных в действие в разное время. Частое изменение содержания правовых норм не способствует формированию новой модели определенного мышления и поведения из-за недостатка времени для этого, тем не менее способствует разрушению старой;

4) в создании согласованно-направленных в своем воздействии на общество норм права, закрепленных в разных источниках;

5) в формировании практики правоприменения, соответствующей идее и содержанию правовых норм, поскольку она обладает регулятивным свойством, так же как и право. Согласованные функции права и практики его применения обеспечивают эффективность правовых норм, формирования традиций;

б) в осуществлении последовательной соответствующей правоприменительной практики. Объективно необоснованное изменение правоприменительной практики, так же как и изменение содержания правовых норм, может привести к разрушению старых и стать препятствием для развития новых правовых традиций.

Всё это, на наш взгляд, будет способствовать стабильности законодательства в государстве и защищённости его граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Confucius Publishing Co. Ltd. [Electronic resource]. – Access: <http://www.confucius.org/lunyu/rd0413.htm>.
2. General Principles of the Civil Law of the People's Republic of China of 12 April 1986 [Electronic resource]. – Access: www.lawinfochina.com.
3. Law of the People's Republic of China on Choice of Law for Foreign-related Civil Relationships of 28 October 2010. Access: www.lawinfochina.com.
4. Wang Hui. A review of China's private international law during the 30 year period of reform and opening up // Asian Law Institute Working Paper. – 2009. – May, no. 2. – P. 3.
5. Huang Jin. Chinese judicial practice in Private in 2001 / Huang Jin, Du Huanfang // Chinese Journal of International Law. – 2003. – № 2(1). – С. 387–416.
6. Huang Jin. Chinese judicial practice in Private in 2002 / Huang Jin, Du Huanfang // Chinese Journal of International Law. – 2005. – № 4 (2). – С. 647–676.
7. Huang Jin. Chinese judicial practice in Private international law: 2003 / Huang Jin, Du Huanfang [Electronic resource] // Chinese Journal of International Law. – 2008. – Vol. 7, № 1. Access: <http://chinesejil.oxfordjournals>
8. Private international law in the Chinese judicial practice in 2006 [Electronic resource]. – Access: <http://www.iolaw.org.cn/pdf/paper/2010/Chinese%20Judicial%>.
9. Chen Weizuo. The necessity of Codification a China's private international law and arguments for a statute on the Application of laws as the legislative model [Electronic resource]. – Access: http://asiansil.web.fc2.com/A-4/chen_weizuo.pdf.
10. Response of the Supreme People's Court to Certain Questions Concerning the Application of the Foreign Economic Contract Law of 19 October 1987 [Electronic resource]. Access: www.lawinfochina.com.
11. Rules of the Supreme People's Court on the Relevant Issues concerning the Application of Law in Hearing Foreign-Related Contractual Dispute Cases in Civil and Commercial Matters of 23 July 2007 [Electronic resource]. – Access: www.lawinfochina.com.
12. Qingjiang Kong. The Chinese practice of private international law / Qingjiang Kong, Hu Minfei [Electronic resource] // Melbourne journal of Interna-

tional law. – 2002. – Vol. 3. – Access: http://article.chinalawinfo.com/article_print.asp?articleid=54197.

13. Chinese judicial practice in private international law: 2006 [Electronic resource] // Chinese Journal of International law. – 2009. – 6 November. – Access: <http://www.iolaw.org.cn/pdf/paper/2010/Chinese>.

14. Wolff, L.-C. China's Private International Investment Law: One-Way Street into PRC Law? // The American Journal of Comparative Law. – 2008. – Vol. 56. – P. 1039–1073.

REFERENCES

1. *Confucius Publishing Co. Ltd.* Available at: <http://www.confucius.org/lunyu/rd0413.htm> (accessed 15 September 2013).

2. *General Principles of the Civil Law of the People's Republic of China of 12 April 1986.* Available at: www.lawinfochina.com (accessed 15 September 2013).

3. *Law of the People's Republic of China on Choice of Law for Foreign-related Civil Relationships of 28 October 2010.* Available at: www.lawinfochina.com (accessed 15 September 2013).

4. Wang Hui. A review of China's private international law during the 30 year period of reform and opening up. *Asian Law Institute Working Paper*, 2009, May, no. 2, p. 3.

5. Huang Jin, Du Huanfang. Chinese judicial practice in Private in 2001. *Chinese Journal of International Law*, 2003, no. 2(1), pp. 387–416.

6. Huang Jin, Du Huanfang. Chinese judicial practice in Private in 2002. *Chinese Journal of International Law*, 2005, no. 4 (2), pp. 647–676.

7. Huang Jinand, Du Huanfang. Chinese judicial practice in Private international law: 2003. *Chinese Journal of International Law*, 2008, vol. 7, no. 1. Available at: <http://chinesejil.oxfordjournals> (accessed 15 September 2013).

8. *Private international law in the Chinese judicial practice in 2006.* Available at: <http://www.iolaw.org.cn/pdf/paper/2010/Chinese%20Judicial%20Practice%20in%20Privat%20International%20Law%202006.pdf> (accessed 15 September 2013).

9. Chen Weizuo. *The necessity of Codification a China's private international law and arguments for a statute on the Application of laws as the legislative model.* Available at: http://asiansil.web.fc2.com/A-4/chen_weizuo.pdf (accessed 15 September 2013).

10. *Response of the Supreme People's Court to Certain Questions Concerning the Application of the Foreign Economic Contract Law of 19 October 1987.* Available at: www.lawinfochina.com (accessed 15 September 2013).

11. *Rules of the Supreme People's Court on the Relevant Issues concerning the Application of Law in Hearing Foreign-Related Contractual Dispute Cases in Civil and Commercial Matters of 23 July 2007.* Available at: www.lawinfochina.com (accessed 15 September 2013).

12. Qingjiang Kong, Hu Minfei. The Chinese practice of private international law. *Melbourne journal of International law*, 2002, vol. 3. Available at: http://article.chinalawinfo.com/article_print.asp?articleid=54197(accessed 15 September 2013).

13. Chinese judicial practice in private international law: 2006. *Chinese Journal of International law*, 2009, 6 November. Available at: <http://www.iolaw.org.cn/pdf/paper/2010/Chinese> (accessed 15 September 2013).

14. Wolff L.-C. China's Private International Investment Law: One-Way Street into PRC Law? *The American Journal of Comparative Law*, 2008, vol. 56, pp. 1039–1073.

Евсеев Екатерина Дмитриевна, аспирант кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. E-mail: ekatyushka91@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ГОСУДАРСТВАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Настоящая статья посвящена некоторым особенностям реализации права законодательной инициативы в Российской Федерации и государствах Азиатско-Тихоокеанского региона. В статье автор указывает, что в Конституции РФ 1993 года отсутствует упоминание народной законодательной инициативы как формы непосредственной демократии. К сожалению, до настоящего времени она не получила закрепления и в иных законодательных актах федерального уровня. В этой связи, как указывает автор, остро ощущается необходимость законодательного урегулирования отношений, связанных с реализацией права законодательной инициативы. Опыт стран АТР может стать отправной точкой в развитии данного института с учетом специфики нашего государства.

Говоря об особенностях реализации права законодательной инициативы, автор указывает на ее специфическую форму: консолидированную законодательную инициативу. Особенность таких законодательных инициатив состоит в том, что они носят межрегиональный характер. Консолидированная законодательная инициатива является одним из механизмов взаимодействия субъектов законодательного процесса, направленных на улучшение качества принимаемых законов.

Анализ опыта федераций Азиатско-Тихоокеанского региона (Австралия, Канада, США, Индия) показывает, что консолидированная законодательная инициатива является уникальной специфической формой, получившей свое распространение только в Российской Федерации.

В заключение автор отмечает необходимость учета российским законодателем положительного опыта государств Азиатско-Тихоокеанского региона по вопросам совершенствования механизма реализации законодательной инициативы, принимая во внимание при этом особенности национальной правовой системы.

Ключевые слова: законодательная инициатива, законотворчество, законодательство стран АТР, консолидированная законодательная инициатива.

Ekaterina D. Evseenko, graduate student, Department of Constitutional and Administrative Law, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: ekatyushka91@mail.ru

SOME FEATURES OF REALIZING THE RIGHT OF LEGISLATIVE INITIATIVE IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ASIA-PACIFIC COUNTRIES

This article focuses on some features of the right to initiate legislation in the Russian Federation and the countries of the Asia-Pacific region. The author points out that the Constitution of the Russian Federation doesn't stipulate citizens' legislative initiative as a form of direct democracy. In this regard, as the author points out, there is a great need for legal regulation of relations connected with the realization of the right of legislative initiative. Experience of Asia-Pacific countries could be a starting point for the development of this institution, taking into account the specific features of our country.

Regarding the specific features of the right of legislative initiative, the author defines a consolidated legislative initiative as a specific form of a legislative initiative. The main feature of these legislative initiatives is that they have an inter-regional character. Consolidated legislative initiative is one of the mechanisms of interaction between the subjects of the legislative process aimed at improving the quality of laws.

Analysis of the experience of federations existing in the Asia-Pacific region (Australia, Canada, USA, and India) shows that the consolidated legislative initiative is a unique specific form of a legislative initiative, which can be found only in the Russian Federation.

In conclusion, the author points out the need to apply a positive experience of Asia-Pacific countries to improve the mechanism of implementing a legislative initiative, taking into account the particularities of the Russian legal system.

Keywords: legislative initiative, legislation, legislation of Asia-Pacific countries, consolidated legislative initiative.

На фоне сложных тенденций и закономерностей развития современного общества все больше внимания необходимо уделять процессу создания

нормативно-правовых актов, в том числе и наиболее значимой их части – законам. Именно законы выступают в качестве «осязаемой» реальности права, через которую люди получают первичные знания о нем, обо всем комплексе правовых явлений [12, с. 27].

Законодательный процесс является одним из основных конституционно-правовых институтов любого современного государства вне зависимости от его формы правления, государственного устройства, политического режима.

В настоящее время в Российской Федерации идет поиск путей совершенствования законодательного процесса и выработки мер, направленных на повышение качества принимаемых законов. Представляется, что одним из таких путей может стать усвоение нами опыта организации законодательного процесса стран Азиатско-Тихоокеанского региона с учетом специфических черт нашего государства.

Законодательный процесс – это деятельность, протекающая в особом порядке и представляющая собой систему последовательно совершаемых официальных действий и актов, посредством которой принимаются законы [8, с. 154].

В юридической науке нет единого подхода к выделению стадий законодательного процесса [11; 5; 13, с. 40]. Традиционно первым этапом законодательного процесса называют внесение проекта закона в парламент. Стадия законодательной инициативы закреплена во всех без исключения основных законах государств Азиатско-Тихоокеанского региона.

Парламент не может и не должен рассматривать в качестве законопроектов предложения, поступающие от любых лиц. В этой связи конституции стран АТР четко определяют круг субъектов, которые наделяются правом законодательной инициативы. Такому праву корреспондирует обязанность законодательного органа рассмотреть внесенное тем или иным субъектом предложение об издании закона. Разумеется, парламент не обязан принимать такой закон, но может принять его совсем в ином виде, чем предлагалось первоначально.

Термин «законодательная инициатива» достаточно широко используется в отечественной и зарубежной юридической литературе. Однако на сегодняшний день отсутствует юридически четкая дефиниция указанного понятия [1, с. 15]. Особого внимания заслуживают попытки законодателей различных стран определить законодательную инициативу посредством нормативно-правовых установлений [3; 10].

Законодательная инициатива может быть рассмотрена как совокупность действий по внесению в законодательный орган уполномоченным субъектом проекта закона либо предложения о его издании, изменении или отмене, порождающая юридические последствия в виде обязанности указанного органа рассмотреть законопроект и принять по нему решение [8, с. 154].

Являясь элементом конституционно-правового статуса, законодательная инициатива представляет собой право соответствующего субъекта на официальное внесение в парламент законопроекта или законопредложения.

Право законодательной инициативы может быть реализовано в форме законодательного предложения или проекта закона. Теоретически разница между этими двумя формами следует из буквального смысла терминов: первый представляет собой идею, концепцию будущего закона, второй предполагает наличие готового текста со всеми атрибутами закона [7, с. 564]. На практике выбор формы зачастую зависит от категории субъекта законодательной инициативы.

Следует отметить, что законодательная инициатива предполагает внесение не только новых законопроектов. Так, в Российской Федерации она может быть реализована в форме внесения в Государственную Думу Федерального Собрания поправок к законопроектам, уже находящимся на рассмотрении палаты.

Круг субъектов права законодательной инициативы различен в разных странах. В большинстве государств АТР среди субъектов, обладающих таким правом, традиционно называют правительство и парламентариев. Хотя и из этого правила есть исключения. Так, в США правом вносить законопроекты обладают только члены палат Парламента, лишь проект бюджета представляется Президентом.

В ряде конституций стран Азиатско-Тихоокеанского региона можно обнаружить и иных субъектов законодательной инициативы, среди них: государственные органы высшего и нижестоящего уровня (Мексика, РФ), государственные учреждения и организации (Королевство Таиланд), иные общественные формирования (Республика Перу), группы избирателей (Колумбия).

Следует отметить, что довольно часто встречается конституционное требование коллективной законодательной инициативы парламентариев. Например, Закон об организации Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики позволяет вносить проект закона не менее чем 30 депутатам или делегации, то есть группе депутатов от одной избирательной единицы [2].

По мнению ряда зарубежных авторов, коллективная законодательная инициатива отсеивает «легкомысленные» законопроекты отдельных парламентариев и отдает предпочтение законопроектам, уже получившим какую-то поддержку в среде законодателей. Кроме того, она отражает роль фракций, которые как бы агрегируют устремления парламентариев, направляя их в определенное русло [4].

В этом аспекте нельзя не учитывать и техническую сторону вопроса. В силу исключительной сложности современных общественных процессов отдельному парламентариию чрезвычайно трудно подготовить законопроект, который мог бы способствовать решению существенных социальных проблем.

Анализ практики реализации законодательной инициативы в АТР показывает, что практически во всех государствах данного региона в круг субъектов законодательной инициативы включается правительство (Российская Федерация, Индонезия, Таиланд, Колумбия). В особенности дан-

ный факт прослеживается в странах с развитой системой парламентаризма, основанной на механизме формирования правительства парламентского большинства, где законодательная инициатива реализуется фактически только исполнительной властью.

В ряде случаев в качестве субъекта законодательной инициативы указывается не само правительство, а глава исполнительной ветви власти (ст. 72 Конституции Японии).

В Российской Федерации на долю правительственных инициатив приходится в среднем 47% от общего числа принятых законов, в Колумбии – 58%, в Японии – 65%. Приведенные статистические данные позволяют утверждать, что проекты, представленные правительством, отличаются особой тщательностью и проработанностью, что, в свою очередь, свидетельствует о качестве принимаемых законов.

Мировая практика исходит из того, что главы государств обычно не входят в число субъектов законодательной инициативы. Однако опыт стран Азиатско-Тихоокеанского региона свидетельствует об обратном (Мексика, Чили, Перу, РФ).

Следует отметить, что в ряде стран глава государства не является субъектом законодательной инициативы, но может реализовывать ее косвенным путем. Так, в США послания Президента Конгрессу о положении Союза [7] нередко содержат программу и законодательные мероприятия, на базе которых парламентарии, принадлежащие к президентской партии, выступают формально со своей личной законодательной инициативой.

Что касается «верхних» палат парламентов Азиатско-Тихоокеанского региона как субъектов законодательного процесса, не все они наделены правом законодательной инициативы. При этом не стоит смешивать полномочия по внесению законодательной инициативы собственно верхней палатой (Япония, РФ) и право законодательной инициативы отдельных ее членов (США, Мексика).

В некоторых странах, например в Канаде, право законодательной инициативы верхней палаты ограничено процедурными особенностями, а также содержанием вопросов, по которым верхняя палата может выступать с законодательной инициативой. Такие ограничения касаются бюджетных, налоговых вопросов и вопросов ратификации международных договоров.

В рамках заявленной темы особняком стоит вопрос о реализации права законодательной инициативы населением государства.

Народная законодательная инициатива представляет собой право определенной группы избирателей предложить проект закона, который подлежит обязательному рассмотрению парламентом. В большинстве зарубежных стран законодательная инициатива граждан закреплена на высшем уровне в Основном законе государства.

Реализация народной законодательной инициативы связана с рядом условий, прежде всего касающихся количества участвующих избирателей, сбора подписей граждан, а также проверки их подлинности.

Так, в Перу, для того чтобы представить проект закона в Парламент в форме народной законодательной инициативы, необходимо собрать подписи не менее 50 тысяч избирателей страны. При этом по ряду вопросов народная законодательная инициатива вообще не может осуществляться.

Напротив, Конституция Республики Колумбия 1991 г. не ставит никаких ограничений для реализации гражданской законодательной инициативы: проект закона может быть представлен гражданами в числе, равном или превышающем 5% общего числа избирателей, зарегистрированных на соответствующую дату [14]. Конгресс рассматривает такие проекты в срочном порядке, а выступившие с инициативой граждане могут назначить своего представителя, который будет заслушиваться палатами на всех этапах прохождения законопроекта.

В Конституции РФ 1993 г. отсутствует упоминание народной законодательной инициативы как формы непосредственной демократии. К сожалению, до настоящего времени она не получила закрепления и в иных законодательных актах федерального уровня.

В этой связи остро ощущается необходимость законодательного урегулирования отношений, связанных с реализацией права законодательной инициативы. Опыт стран АТР может стать отправной точкой в развитии данного института с учетом специфики нашего государства.

Говоря об особенностях реализации права законодательной инициативы, нельзя не сказать о специфических его формах, каковой является консолидированная законодательная инициатива. Особенность таких законодательных инициатив состоит в том, что они носят межрегиональный характер. Консолидированная законодательная инициатива является одним из механизмов взаимодействия субъектов законодательного процесса, направленных на улучшение качества принимаемых законов.

Анализ опыта федераций Азиатско-Тихоокеанского региона (Австралия, Канада, США, Индия) показывает, что консолидированная законодательная инициатива является уникальной специфической формой, получившей свое распространение только в Российской Федерации.

Консолидированная законодательная инициатива не представляется избыточным явлением исходя из общего сложившегося на данный момент баланса ветвей власти, который является результатом начального, а не длительного (как у большинства существующих федераций) развития государственных институтов в условиях нового государственного устройства [9].

Подводя итог, следует отметить, что российским законодателям необходимо учитывать положительный опыт государств Азиатско-Тихоокеанского региона по вопросам совершенствования механизма реализации законодательной инициативы, принимая во внимание при этом особенности национальной правовой системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова, А. И. Право законодательной инициативы: проблемы обеспечения и защиты // Журнал российского права. – 2006. – № 3. – С. 12–21.
2. Закон КНР «О правотворчестве» от 15 марта 2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://http://chinalawinfo.ru/other/law_legislation.
3. О законодательной инициативе [Электронный ресурс] : Закон Королевства Таиланд. – Режим доступа: <http://sunset-city.com/zakon-o-zakonodatelnoy-iniciative-k> <http://sunset-city.com/>
4. Nickels, I. B. Holding the bill through the stages of the legislative process // Congressional Research Service report. Washington, 2000. Pp. 8–9.
5. Кокотов, А. Н. Парламентское право России / А. Н. Кокотов. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 2008. – 184 с.
6. Конституция Соединенных Штатов Америки от 17 сентября 1787 г. – М. : Прогресс, 1993. – 50 с.
7. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : Общая часть. Т. 1-2 / отв. ред. Б. А. Страшун. – М. : БЕК, 2000. – 784 с.
8. Кочетков, А. В. Стадии законодательного процесса как формы проявления правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – № 4. – С. 153–162.
9. Международный опыт государств с федеративным устройством в части консолидации нормотворческих усилий субъектов федерации и его приложение в российских условиях // Сборник статей по подготовке консолидированных законодательных инициатив [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tnu.podelise.ru/docs/index-235285/html>.
10. Спирин, М. Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в РФ / М. Ю. Спирин. – М., 2007. – 153 с.
11. Ширяев, Ю. Е. Федеральный законотворческий процесс (конституционно-правовой анализ) : дис. ...д-ра. юрид. наук / Ю. Е. Ширяев. – СПб., 2006. – 441 с.
12. Aleman, E. Legislative Rules and the Amending Process in Argentina, Chile and Mexico : Theory and Evidence [Electronic resource] / T. Aleman. – 2003. – 40 p. – Access: politics.as.nyu.edu/docs/IO/4744/ea1202.pdf.
13. Constitution of Colombia on July 4, 1991 [Electronic resource]. – Access: http://confinder.richmond.edu/admin/docs/colombia_const2.pdf.

REFERENCES

1. Abramov A.I. Pravo zakonodatel'noi initsiativy: problemy obespecheniya i zashchity [Right of legislative initiative: the problem of ensuring and protecting]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2006, no. 3, pp. 12–21.
2. *The law of the PRC On "legislating" on March 15, 2000*. Available at: <http://chinalawinfo.ru> (accessed 22 May 2014).

3. *Law of the Kingdom of Thailand "On the legislative initiative"*. Available at: <http://sunset-city.com/> (accessed 22 May 2014).
4. Nickels I.B. Holding the bill through the stages of the legislative process // *Congressional Research Service report*. Washington, 2000. Pp. 8–9.
5. Kokotov A.N. *Parlamentskoe pravo Rossii* [Russian parliamentary law]. Ekaterinburg: Ural state law Academy Publ., 2008. 184 p.
6. *Konstitutsiya Soedinennykh Shtatov Ameriki ot 17 sentyabrya 1787 g.* [Constitution of the United States of America on 17 September 1787]. Moscow: Progress Publ., 1993. 50 p.
7. *Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran: Obshchaya chast'*. T. 1-2 [Constitutional (state) law of foreign countries. Principles. Vol. 1-2]. Ed. B. A. Strashun. Moscow: BEK Publ., 2000. 784 p.
8. Kochetkov A.V. *Stadii zakonodatel'nogo protsessa kak formy proyavleniya pravovoi politiki* [Stages of the legislative process as a form of manifestation of legal policy]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2003, no. 4, pp. 153–162.
9. Mezhdunarodnyi opyt gosudarstv s federativnym ustroystvom v chasti konsolidatsii normotvorcheskikh usilii sub"ektov federatsii i ego prilozhenie v rossiiskikh usloviyakh [International experience of countries with a federal structure in terms of consolidation of rule-making effort subjects of the federation and its application in Russian context]. *Sbornik statei po podgotovke konsolidirovannykh zakonodatel'nykh initsiativ* [Collection of articles on the preparation of the consolidated legislative initiatives]. Available at: <http://tnu.podelise.ru> (accessed 21 December 2014).
10. Spirin M. *Teoreticheskie problemy zakonotvorcheskoi deyatel'nosti v RF* [Theoretical problems of legislative activity in the Russian Federation]. Moscow, 2007. 153 p.
11. Shiryayev Y.E. *Federal'nyi zakonotvorcheskii protsess (konstitutsionno-pravovoi analiz)* [Federal legislative process (constitutional and legal analysis)]. Doct. Diss. (Legal Sci.). Sanct-Peterburg, 2006. 441 p.
12. Aleman E. *Legislative Rules and the Amending Process in Argentina, Chile and Mexico: Theory and Evidence*. UCLA. 2003. 40 p. Available at: politics.as.nyu.edu/docs/IO/4744/ea1202.pdf (accessed 22 May 2014).
13. *Constitution of Colombia on July 4, 1991*. Available at: http://confinder.richmond.edu/admin/docs/colombia_const2 (accessed 22 May 2014).

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Айриш Чарльз Роберт – директор Восточноазиатского центра правовых исследований Университета Висконсин-Мэдисон, профессор Юридической школы Университета Висконсин-Мэдисон, США.

Бакланов Петр Яковлевич – академик РАН, доктор географических наук, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Белкин Виктор Григорьевич – доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Жариков Евгений Прокофьевич – доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Князев Сергей Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда России, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия.

Коробеев Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Кузнецов Владимир Сергеевич – кандидат экономических наук, профессор, Школа региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Курилов Владимир Иванович – доктор юридических наук, профессор, проректор ДВФУ, директор Юридической школы ДВФУ, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Ли Се Ун (Lee Se Ung) – Председатель Совета, Shin IL Educational Foundation, Seoul Cyber University, г. Сеул, Республика Корея.

Пак Ноенг – профессор, Юридический факультет Университета Корё, г. Сеул, Республика Корея.

Печерица Владимир Федорович – доктор исторических наук, профессор, Школа региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Присекина Наталья Геннадьевна – кандидат юридических наук, доцент Юридической школы ДВФУ, заместитель директора Юридической школы по науке и инновациям, почетный консул Республики Чили, г. Владивосток, Россия.

Снайдер Дэниел (Sneider Daniel) – заместитель директора по науке Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований имени Шоренштейна Стэнфордского университета, США.

Фу Куен-чен – профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, г. Шанхай, КНР.

Хуан Даосю (Huang Daoxii) – профессор, председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, г. Пекин, КНР.

EDITORIAL BOARD'S DATA

Charles R. Irish, Senior Director, East Asian Legal Studies Center, Volkman-Bascom Professor in Law (emeritus), University of Wisconsin-Madison, USA.

Peter Y. Baklanov, the Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Geographical Sciences, Director of the Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

Victor G. Belkin, Doctor of Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Evgeny P. Zharikov, Doctor of Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Sergey D. Knyazev, Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.

Alexander I. Korobeev, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chair of Criminal Law and Criminology Department, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Vladimir S. Kuznetsov, Ph.D. in Economics, Professor, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Professor, Honorary University Educationalist of the Russian Federation, Vice President of Far Eastern Federal University, Director & Dean, School of Law, FEFU, Vladivostok, Russia.

Lee Se Ung, Chair of the Board, Shin IL Educational Foundation, Seoul Cyber University, Republic of Korea.

Nohyoung Park, Ph.D., Professor, School of Law, Director of Cyber Law Center, Korea University, Seoul, Republic of Korea.

Vladimir F. Pecheritsa, Doctor of Historical Sciences, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Natalia G. Prisekina, Ph.D. in Law, Associate Professor, Honorary Consul of the Republic of Chile, Vice Director for Research and Innovation, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Daniel C. Sneider, Associate director for research at the Walter H. Shorenstein Asia-Pacific Research Center at Stanford University, USA.

Kuen-chen FU, KoGuan Chair, Professor in Law, KoGuan Law School, Shanghai Jiao Tong University, PRC.

Huang Daoxiu, Professor, Chairman of the Research Centre for the Study of Russian law, Beijing, PRC.

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

**ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
ПРАВО**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

2014

№ 3–4 (32–33)

Главный редактор

В. И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Редакционная коллегия

Ч. Р. Айриш, П. Я. Бакланов, В. Г. Белкин, Е. П. Жариков,
С. Д. Князев, А. И. Коробеев, В. С. Кузнецов, Ли Се Ун,
Пак Ноенг, В. Ф. Печерица, Н. Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю

Редактор *Т.Л. Федотова*

Перевод на английский язык *Н.В. Бетанкурт*

Редактор References *Т.В. Поликарпова*

Компьютерная вёрстка *С.А. Стогний*

Подписано в печать. 22.12.2014.

Формат 70x100 1/16. Уч.-изд. л. 12,70. Усл. печ. л. 13,54.

Тираж 500 экз. Заказ 626/2.

Дальневосточный федеральный университет
690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в типографии
Дирекции публикационной деятельности ДВФУ
690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10